

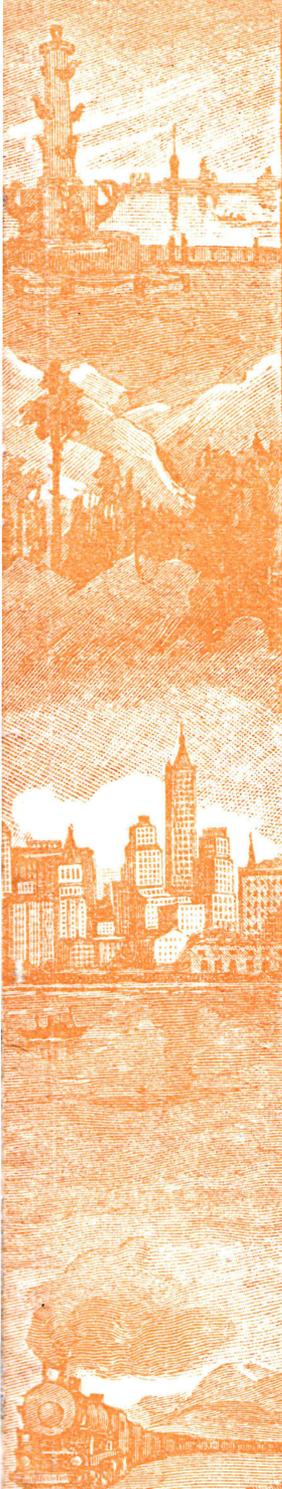
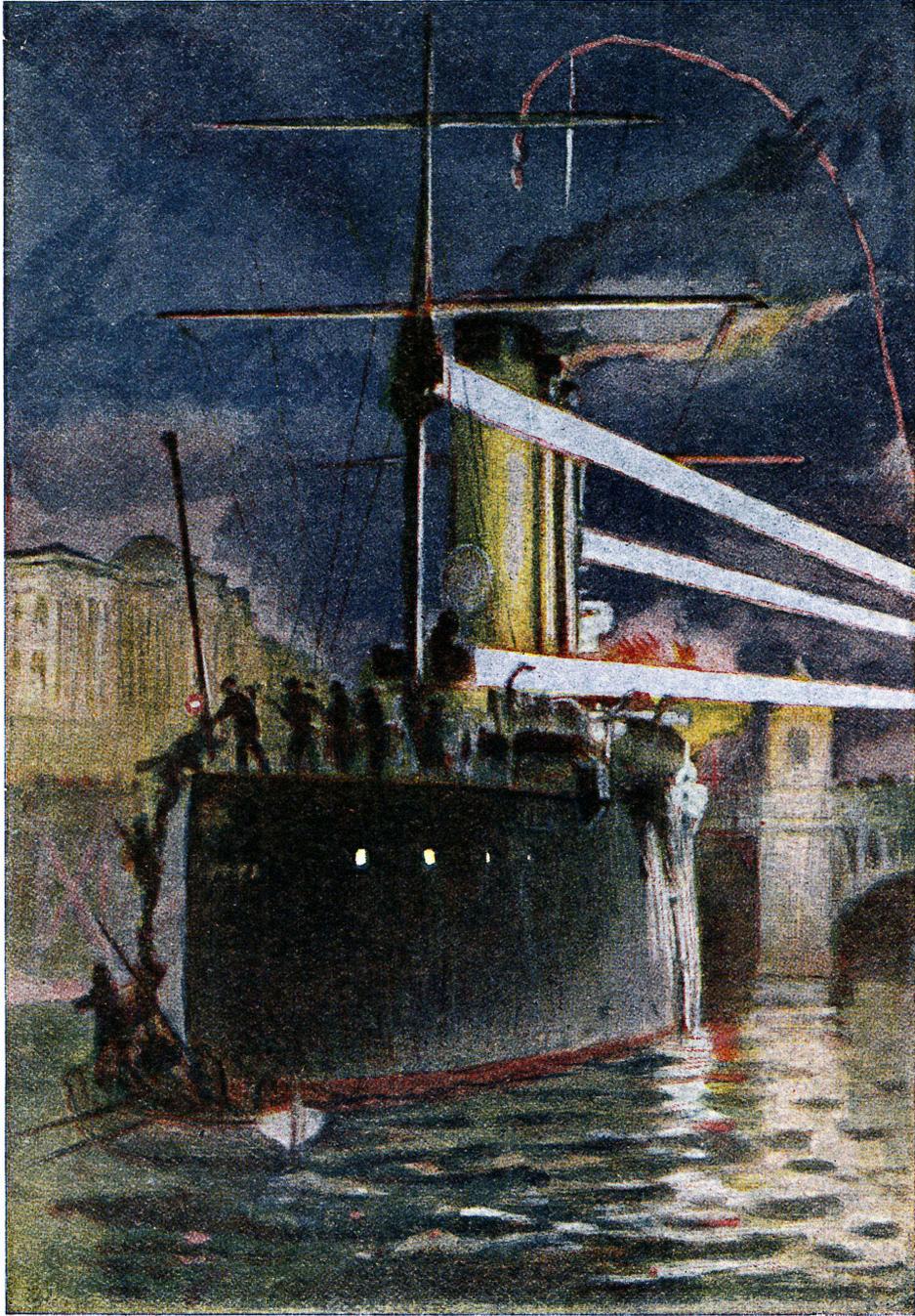
1947

ВОКРУГ

СВЕТА

№ 10
Октябрь

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

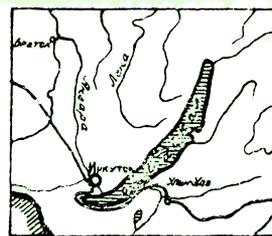
КАРТА

В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

Научные работники Астраханского заповедника составляют летопись природы этого своеобразного уголка нашей родины. Здесь растет до 200 различных видов растений, в том числе лотос. Особенно богато и разнообразно пернатое население: цапли, пеликаны, розовые фламинго и другие птицы. Астраханский заповедник — одно из крупнейших в СССР научных учреждений, где ведется кольцевание птиц с целью проследить пути их перелетов.

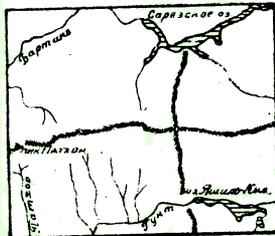
НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

В поселке Лиственничное, на побережье Байкала, работает одно из интереснейших научно-исследовательских учреждений СССР — Байкальская лимнологическая станция Академии наук СССР. Байкальская станция изучает происхождение и историю озера, условия жизни и развития организмов, населяющих этот единственный в своем роде водоем. За время работы станции число описанных организмов, населяющих озеро, поднялось от 787 до 1980. Многие из них не встречаются больше нигде на всем земном шаре.

Изучение Сарезского озера

В 1911 году горный обвал внезапно преградил путь водам реки Мургаб. Образовалась плотина, названная Усольской — по имени кишлака, бесследно исчезнувшего в результате этой катастрофы. Так возникло на Памире Сарезское озеро. Точные карты его за последние годы составлены советскими топографами. Комплексная экспедиция Академии наук Узбекской ССР собрала сведения о водном режиме озера и установила в этом году, что Усольский завал отличается исключительной прочностью,

КАНАЛ В МАНЫЧСКОЙ СТЕПИ

В обширных степях к юго-востоку от Дона ведутся работы по восстановлению разрушенного немцами Манычского канала. Здесь создано три искусственных моря — у хутора Веселый и у станций Пролетарская и Манычская. С завершением строительства Невинномысского канала воды Кубани по реке Егорлык войдут в Маныч. Большие водоемы возникают на местах бывших солончаков, сады, виноградники растут там, где раньше были только сухие ковыльные степи.

1947

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

№ 10
Октябрь

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Ленинград. Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Н. МИХАЙЛОВ

Тридцать лет назад, в 1917 году, в России свершилась Великая Октябрьская, социалистическая революция. За этот недолгий исторический срок на пространстве от Карпат до Берингова пролива сложилось и окрепло нерасторжимое содружество шестнадцати равноправных социалистических республик, добровольно составивших единый Советский Союз.

Народ, освобожденный от гнета царизма, от оков капитализма, пошел по пути, указанному Лениным и Сталиным, и превратил свою страну в одну из могущественнейших держав земного шара.

Сила большевистских идей воспитала в людях беспредельную преданность их советской родине. На фронтах Отечественной войны, на новостройках страны, возникших по сталинскому плану великих работ, показали советские люди свою верность гражданскому долгу, мужество, упорство, высокую сознательность.

За тридцать лет заново освоил народ свою землю, ее поля и леса, воды и недра. На вершинах Памира и среди холодных льдов «полюса недоступности» — всюду появилась неугаемая страсть к исследованию — характерная черта советского человека. Советские географы, геологи, полярники, альпинисты могут гордиться тем, что в освоение природных богатств нашей страны вложена немалая доля и их труда. О подвигах мужественных советских исследователей рассказывается в статье писателя Н. Н. Михайлова.

Хозяйственное освоение территории старой России, а значит и уточнение географической карты, шло очень неровно. Рельсовые и речные пути вымывали богатства огромной страны изнутри, направляя их в промышленный центр. Морские пути опутывали государство снаружи, вывозя его сырье за границу. Глубины страны, далекие от промышленных очагов, от торговых путей, оставались мало известными. Для изучения они требовали слишком крупных затрат, не обещая завтра же вернуть их верным и обогащающим доходом.

В России было много выдающихся исследователей, но царский режим мешал им полностью развернуть свои силы. Русские географы вели научную работу на весьма скудные средства. Путешественники смело проникали в неведомые края, но поле их деятельности было невелико в сравнении с огромной территорией, ждавшей исследователя. Ведь Россия по площади — это две Европы, половина Азии, три Австралии. С доблестью, но и с тяжелым трудом энтузиасты-ученые закладывали основы научного познания родины — русской земли, милой сердцу.

Страна Афанасия Никитина и Семена Дежнева, Пржевальского и Семенова-Тяньшанского была страной великих географических подвигов. И вместе с тем даже в самом первоначальном, поверхностном знании ее территории зияли провалы.

До самой революции карта окраин России пестрела «белыми пятнами» — знаками мест, где ни разу не был географ. Земля, оставшаяся в стороне от проторенных дорог, вдалеке от обжитых мест, не были открыты — уголки далекого Севера, глубины северо-восточной Сибири, Кара-Кума, Тянь-Шаня, Памира.

Лишь при советской власти наш народ завершил

процесс географического открытия страны. Время великого трудового и культурного подъема было временем огромных географических работ.

Страна быстро познавала самое себя. Она изучала площадку социалистической стройки. Из года в год, с весны и до осени, в далеких краях белели палатки, горели костры экспедиций. Географическая наука помогла распространению новых, социальных отношений, новой, советской культуры на всю страну.

Прежние экспедиции зачастую были делом решительных одиночек, счастливо отыскавших благодетеля, ценившего науку. Экспедиции советские — это сложные организации, изучающие страну шаг за шагом по единому государственному плану.

В экспедиционный отряд теперь обычно входят не только топографы или только геологи. Советские экспедиции, как правило, — комплексные. В них участвуют топографы, геологи, почвоведы, гидрологи, биологи, экономисты, этнографы. Край познается целиком. Топографическая съемка — лишь основа для более детальных, всесторонних исследований.

А помимо экспедиций, в жизнь входит и новый способ изучения страны — постоянные географические станции, своеобразные «лаборатории природы».

Советским географам дана новая техника: песчаный Кара-Кум они пересекают на автомобиле высокой проходимости, карту бездорожной Чукотки снимают с самолета, по ледникам Новой Земли движутся на вездеходах, пробу арктической воды берут с ледокола.

Дооткрывать пришлось самые отдаленные, наиболее труднодоступные места.

* * *

Далеко в глубине Азии, где, окруженные просторами бескрайних пустынь, завязываются в могучий горный узел хребты Гиндукуша, Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, громоздится Памир. Гряда за грядой, все выше и

Примечание. Печатаемый текст взят из книги, подготовляемой к печати.

выше, за границу древесной растительности, за линию вечного снега—скалистые гребни, безжизненные долины со слабым запахом сухой, пыльной травы, россыпи камней, покрытых бурой коркой «пустынного загара», снежные пики в лучах ослепительного солнца.

Памир был «на краю света». Полуразрушенный рабат с костром из сухого ячьего навоза, редкая кочевая юрта, жертвенные лоскутки на ветру, — у высшей точки перевала...

В середине Памира, за обрывистыми стенами поднебесных хребтов, за ледяными барьерами глетчеров таилась неисследованная область.

На карте Азии лежало «белое пятно»—как типографский брак.

В первой сталинской пятилетке начался штурм неисследованного Памира. К этому вел расцвет хозяйства Средней Азии.

В горах тают ледники, вода несется вниз, в оазисы, и поит хлопок. Нужно знать законы таяния ледников, законы перемены погоды в горах.

Штурм шел год за годом. В Оше снаряжались караваны верблюдов. С тюками экспедиционного груза они переваливали сначала Алайский, затем Заалайский хребты. Научные базы продвигались в долину реки Кызыл-Су, на берега Кара-Куля, к фирнам хребта Академии. Устанавливались триангуляционные знаки, чертились карты, давались имена новым вершинам и новым ледникам. Загорала и лупилась кожа, мерзли ноги на льду, тяжелый теодолит давил плечо.

Сложный узел перепутанных смежных хребтов был впервые распутан.

Пересекли «белое пятно» во всех направлениях. Измерили почти восьмидесятикилометровый, самый

большой в мире долинный ледник Федченко — медленно ползущую широкую белую ленту с узкими черными кантами морен. Нашли таинственные перевалы Кашалак и Танымас. Определили величайшую вершину Советской страны — Пик Сталина — и вззошли на нее, поднявшись на 7 945 метров выше уровня моря.

Научное завоевание Памира закреплено постройкой ледниковой обсерватории. Она сооружена у ледника Федченко, на высоте 4 300 метров. Груз сюда подняли на руках и во вьюках.

Здание строили при ураганном ветре и морозе в минус тридцать.

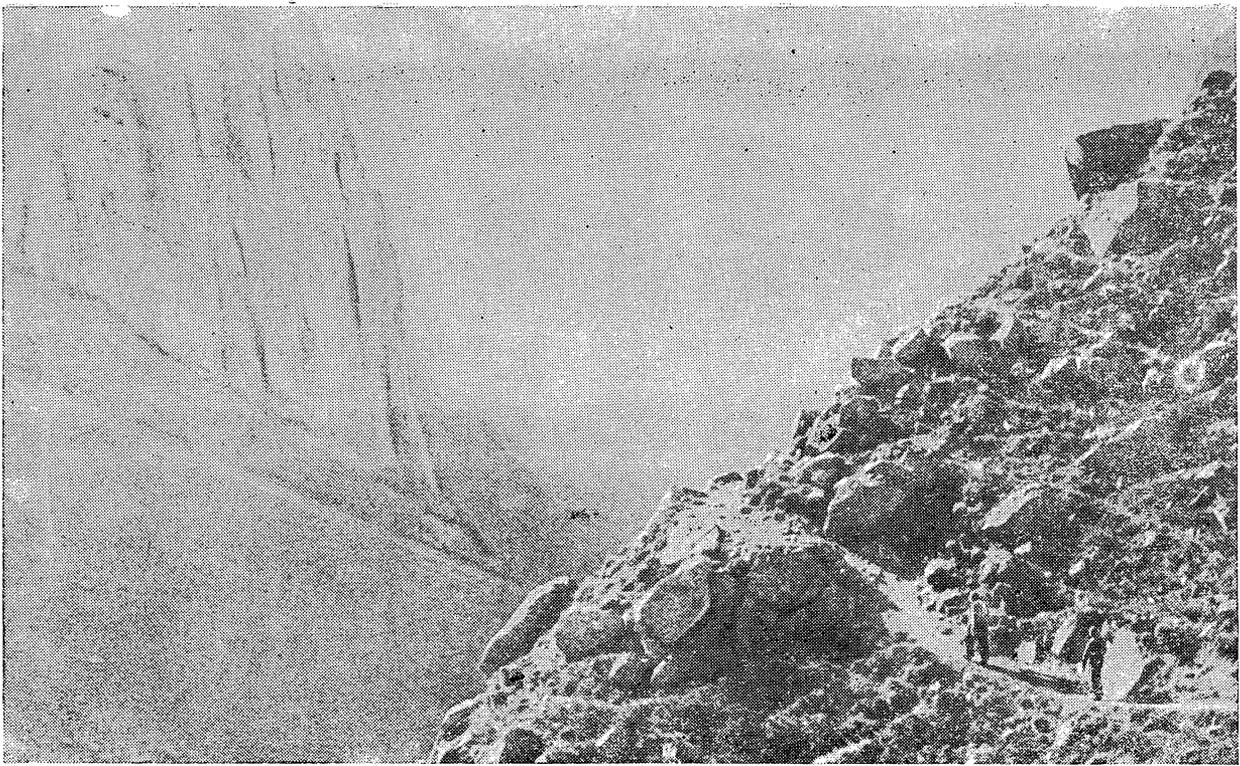
В обсерватории — отдельные комнаты для каждого из наблюдателей, общий зал, радиолоборатория, метеорологический и фотографический кабинеты, электрическая станция. Это самое высокое человеческое поселение в нашей стране. Там, где было «белое пятно», теперь круглый год живут советские научные работники.

К Памиру с северо-востока примыкает Тянь-Шань — «Небесные горы». Это пучок высочайших хребтов, которые протянулись от нашей Сыр-Дарьи до далекой Гоби. Пучок тяньшанских хребтов скреплен в гигантский узел ледяным массивом. Этот массив встает за глубокой котловиной Иссык-Куля, за бурным, кипящим Сары-Джасом, на самой границе с Китаем путаницей огромных ледников, непроходимых ущелий и крутобоких вершин, засыпанных снегом чуть не до подножия. Там, в середине хаоса гор, вздымается мраморная пирамида пика Хан-Тенгри, как острый сверкающий клин, вогнанный в небо.

Область подножий Хан-Тенгри площадью в сотни квадратных километров была не исследована. Белый

Памир. В Хореге.

Памир. Горная тропа на Ягулеме.

Фото С. Фридланда

снег лежал на горах, белая краска лежала на карте.

К пику Хан-Тенгри чуть не каждый год уходят советские экспедиции. Они минуя памятник у могилы Пржевальского на берегу Иссык-Куля — бронзовую фигуру орла на подножье, высеченную из серого камня; верхом на лошадях поднимаются к перевалам, движутся по сыртам, переходят вброд стремительные реки с водой, kloкочущей у самого седла; разбивают базовый лагерь в долине, где тает язык ледника Южный Иньльчек; ставят палатки в последнем лесочке из узких и густых тьяншанских елей. И вонзают, наконец, шипы своих горных «кошек» в покатый, скользкий лед.

Эти люди провели вьючных лошадей через испещренный трещинами Южный Иньльчек до самого Хан-Тенгри; в надувной резиновой лодке, а местами по отвесным скалам берега — весь вес на пальцах рук — одолели величайшее в нашей стране ледниковое озеро — озеро Мерцбахера, чтобы проникнуть на «белое пятно» Северного Иньльчека; сняли на карту все извилины долин, ступеньки ледников, гребни хребтов; поднялись, наконец, на вершину самого Хан-Тенгри — «Властелина духов».

Поднялись, чтобы его развенчать. К югу от Хан-Тенгри, в космах туч, была замечена вершина, еще более величественная. К ней подбирались не один год. Лезли на ее обледенелые плечи. Засекали ее с окрестных вершин. Снимали, наконец, на карту с самолета, поднявшегося почти на 10 тысяч метров, — он плыл едва заметной серебряной точкой в голубизне неба над диким морем льда и камня, оставляя после себя белый след, сносимый ветром.

Новая вершина оказалась на полкилометра выше Хан-Тенгри — 7440 метров над уровнем моря. Она, а не Хан-Тенгри, — высшая точка всей этой горной системы. От нее расходятся хребты и ледники. Она — средоточие, кульминация Тянь-Шаня.

Вершина эта — одна из величайших в мире — открыта в дни войны. Это Пик Победы.

* * *

Северо-восточный угол Сибири был далек и недоступен. Заросшие дремучей тайгой горы и заболоченные долины заслоняли огромную неисследованную область. Туда вели пути в тысячи километров по большим и малым сибирским рекам, по едва проходимым вьючным тропам.

Дореволюционная наука плохо знала, что лежит внутри каменной дуги Верхоянского, Колымского и Анадырского хребтов. Она ограничилась тем, что, по расспросам местных жителей, нанесла на карту голубые дорожки предполагаемых рек, коричневые линии вероятных гор. Этот непроверенный рисунок вошел в атласы мира.

Через топкие болота и таежные буреломы сюда в 1926 году проникла первая советская экспедиция во главе с Сергеем Обручевым. Ею была впервые описана громадная горная система — свыше тысячи километров протяжением, в 300 километров шириной и до 3 тысяч метров высотой. Весь географический рисунок изменился. Горы шли вовсе не радиусами внутри большой дуги Верхоянского, Колымского и Анадырского хребтов и не между верховьями рек, как говорили карты, а вдоль большой дуги, и реки Колыма и Индигирка резали их поперек узкими «долинами прорыва». Выяснилось, что Колымский хребет не встает между верховьями Колымы и Охотским побережьем резким барьером. Река Колыма проходит ближе от Охотского моря, чем думали прежде.

Географическая карта огромного края — по площади равного Франции — была переделана заново.

Новые горы названы «хребтом Черского». Черский в XIX веке был сослан царем в Сибирь, и занялся географическими исследованиями. Ученый-путешественник, он и скончался в пути — в лодке на руках у жены.

Ныне здесь, в верховьях Колымы, создан богатый горнопромышленный район с новыми городами, с новыми автомобильными шоссе, с впервые появившимся земледелием.

Таджикская ССР. На Анзобском перевале через Гиссарский хребет на высоте 3 500 метров над уровнем моря находится метеорологическая станция. В течение 9 месяцев в году перевал бывает закрыт, так как здесь выпадает огромное количество снега, почти никогда не тает. Второй год зимует в этих местах метеоролог И. Г. Перушкин, начальник Анзобской станции. На с и м к с: И. Г. Перушкин ведет наблюдения у метеорологической вышки.

Не только Колыма, но и другие реки северо-востока Сибири были указаны на картах неправильно, иногда с ошибкой более чем в 200 километров. Новые приборы для определения долгот позволили нанести течение сибирских рек на карту вполне точно.

Исследования заставили перечертить и сибирские изотермы — сдвинуть мировой полюс холода из Верхоянска к Оймякону.

Совсем недавно около Оймякона совершено новое открытие. Казались странными бурные летние наводнения в верховьях Индигирки. Они могли быть от таяния ледников, но ледники оттаяли из-за сухости климата. И только теперь на впервые исследованном хребте Сунтар-Хаята ледники, наконец, найдены. Неожиданно открыто одно из самых больших оледенений наших гор — местами толща льда достигает четверти километра. А попутно отмечена и самая высокая вершина северо-восточной Сибири — в 3 тысячи метров с лишним.

Больше всего советские географы сделали там, где работа была всего труднее, — в Арктике. Они помогли проложить трассу Северного морского пути.

Осенью 1913 года суда гидрографической экспедиции «Таймыр» и «Вайгач», пробиваясь сквозь льды севернее мыса Челюскин, вышли к берегам неизвестной земли. На берегу, у хмурых гор, покрытых снегом, был поднят русский флаг. Но близкая полярная зима заставила экспедицию уйти. На карту успели снять лишь часть вновь открытого берега.

На картах Северного Ледовитого океана начертили две извилистые линии — кусочки неведомого берега. Робкий пунктир догадок намечал какой-то контур. Может быть, это были единичные маленькие острова, может быть, — большой архипелаг. Земля осталась неизученной.

В 1930 году советская экспедиция дошла до загадочной земли на ледоколе. На острове, названном Домашним, остались четыре зимовщика. Они разведали

архипелаг площадью крупнее Голландии и назвали его Северной Землей. За два года экспедиция, делая съемку, прошла на собаках по снежным полям, по ледникам, сквозь полярные выюги более 3 тысяч километров. География новой земли была полностью изучена.

Много и других островов было открыто советскими учеными в арктических морях: остров Сергея Кирова, острова Арктического института, острова «Известий». Всего на карте Советской Арктики появилось более 150 новых географических названий.

— В основе географической работы лежала научная мысль. На картах Карского моря давно пунктиром отмечалась «проблематичная земля Визе» — остров, открытый советским профессором Визе в своем герсдорском кабинете. Визе изучал направление дрейфа полярного судна и по отклонениям хода заключил о существовании какого-то препятствия в море — большой отмели или острова. Экспедиция 1930 года доказала, что остров Визе действительно существует там, где его этот ученый наметил.

А иные предположения отвергнуты.

В 1810 году Яков Санников будто бы видел землю на морском горизонте к северу от Новосибирских островов. «Землю Санникова» долгое время искали. Она дала повод академику Обручеву написать научно-фантастический роман «Земля Санникова».

В недавние годы эти места были пересечены советскими кораблями, — они не нашли никаких островов. В 1944 году, по просьбе академика Обручева, в район «Земли Санникова» были посланы самолеты. Но и они ничего не отыскали. Можно считать, что «Земли Санникова» нет.

Возможно, впрочем, что эта земля существовала раньше. По мнению ученых, она могла быть сложена из ископаемого льда, впоследствии размытого.

Но вера академика Обручева в существование «Земли Санникова» не поколебалась. Он спрашивает: а ку-

Птичий базар на Камчатке.

Фото Д. Дебазова

да направляют свой лёт те стаи птиц, которые можно видеть над океаном к северу от Новосибирских островов? Ведь птицы не гнездятся на льду...

Много открытий сделали советские географы в высоких широтах. Советский Союз раскрыл тайны Центральной Арктики.

Мы привыкли смотреть на изображение земного шара сбоку, со стороны экватора, и потому полярные страны видеть на краю карты, далеке от населенных материков, в стороне от мировых путей. Но ведь можно изображать полушария в рамке экватора, то есть смотреть на них со стороны полюсов. Тогда мы восприняли бы Центральный полярный бассейн как середину Северного полушария. Вокруг — развитые и обжитые страны, а в центре между ними разобшающее «белое пятно», неизученная и пустынная область Центральной Арктики. Мировые дороги сгибают ее.

И вот выделилась страна, которая оказалась в силах стереть «белое пятно» в сердце Северного полушария и впервые в истории связать Запад и Восток через полюс кратчайшим воздушным путем.

Советский Союз летом 1937 года не только провел два трансарктических перелета, осуществленных Чкаловым и Громовым, но и организовал научную станцию на самом полюсе.

Совершилось огромное, исторической важности географическое событие, последнее в цепи великих географических открытий: Северный полюс был открыт для современной науки.

Советские самолеты доставили на полюс четырех зимовщиков во главе с Папаниным. Над белым полем взвился красный флаг. Лагерь научной станции расположился на льдине толщиной в три с лишним метра. Льдина быстро дрейфовала от полюса к Гренландскому морю. Там после шестидневного шторма она разбилась на куски. Но зимовщики и на обломке льдины не прекращали научной работы, пока советские

ледоколы «Таймыр» и «Мурман» не взяли их на борт. Папанинцы пробыли на льдине 274 дня, проплыв вместе с ней около двух с половиной тысяч километров.

До папанинцев было известно лишь, что глубина океана у полюса не менее 2742 метров. Папанинцы впервые измерили глубину океана у полюса — она составила 4290 метров. Северный Ледовитый океан оказался глубоким. Окончательно опровергнуты предположения о том, что в районе полюса есть суша.

Уже Нансен знал, что в Полярный бассейн проникают воды Атлантики, но он думал, что у Шпицбергена они поворачивают вправо и идут вдоль материка. Папанинцы у самого полюса на глубине в несколько сот метров нашли мощный слой теплого течения. Это значит, что до Северного полюса доходит вода, нагретая горячим солнцем Мексиканского залива.

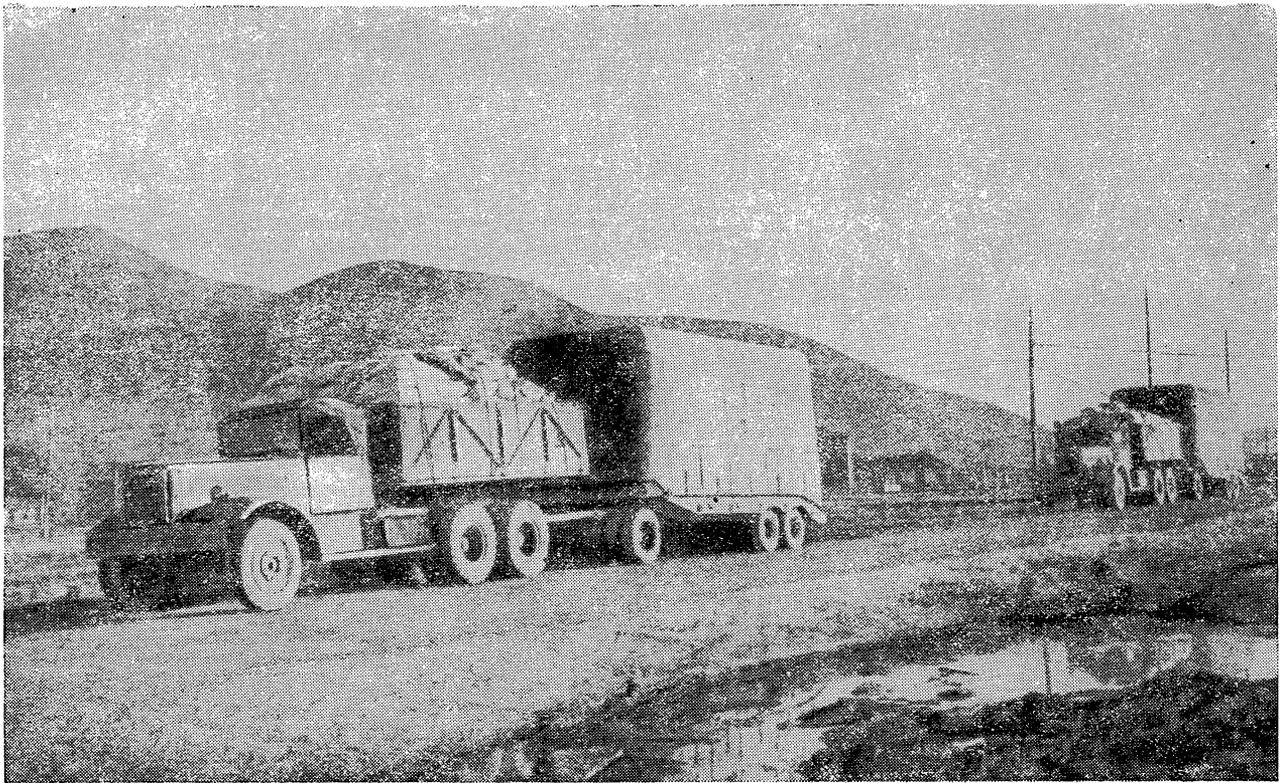
Многие считали, что центральная часть Полярного бассейна безжизненна. Папанинцы на полюсе увидели жизнь. В воде, даже на глубине 3 километров, были найдены водоросли и разные живые существа — рачки, личинки. В глубине Арктики были замечены чайки, нерпы, белые медведи с медвежатами.

Полагали, что в районе полюса постоянно держится высокое давление и что погода там поэтому мало изменчива. Оказалось, что в район полюса врываются сильные циклоны, которые приводят к колебаниям температуры.

Арктические научные станции были располсжены по краям Северного Ледовитого океана. Вся его средняя часть оставалась неисследованной. Теперь этот пробел был заполнен.

Но дело не только в географических открытиях.

В подвиге папанинцев мир увидел образец большевистского стиля работы — размах, соединенный с деловитостью. Широкая и смелая идея была претворена в жизнь четко, спокойно, плодотворно. Мир увидел, как выросла у нас организационная культура. Слож-

На Колымском шоссе.

нейшие операции были выполнены быстро, планомерно и подноостью.

Весь мир увидел, что партия большевиков вырастила людей отважных, стойких, нахсдчивых, вооруженных знаниями и глубоко преданных социалистической родине.

Замечательна черта оптимизма, отличающая всю работу дрейфующей станции. Вопреки существовавшим раньше мнениям, теперь доказано, что на льду Центральной Арктики можно жить, что на льдину у полюса могут опускаться тяжелые воздушные корабли, что под льдами есть теплая вода, что полюс — не биологическая пустыня.

Папанинцы доказали, что советский человек никогда не теряет бодрости и мужества. Он не предается панике перед лицом препятствий, а смело борется с ними и побеждает их.

Работу папанинцев продолжали седовцы. Осенью того же 1937 года, когда папанинская льдина уже спукалась к югу, в другом конце Арктики — у Новосибирских островов — ледокол «Седов» начал свой дрейф на север. Выбраться на свободную воду и уйти в порт на зимовку судну не позволила поломка руля. На «Седове», скованном льдами, захваченном их медленным движением, осталось пятнадцать полярников. И они превратили вынужденный дрейф в научный подвиг.

«Седов» был в тисках более двух лет. Его команда вела наблюдения изо дня в день. Она столкнулась с существованием второго магнитного полюса — его называют у нас «полюсом Седова», открыла десятки новых донных животных.

Зигзагами, дрейфуя вместе с ледяной пустыней, в которую он вмерз, «Седов» прошел менее чем в 400 километрах от полюса.

Полюс разгадан. Теперь наши пилоты летают над ним и зимой. В 1945 году самолет Титлова стартовал ночью с мыса Челюскин, производя наблюдения, достиг Северного полюса, оставил там буй с портретом

Сталина, повернул назад, по приборам точно вышел в назначенную точку нашего арктического берега и после пятнадцати часов полета, несмотря на темноту и дурную погоду, благополучно сел в устье Индигирки при свете костров.

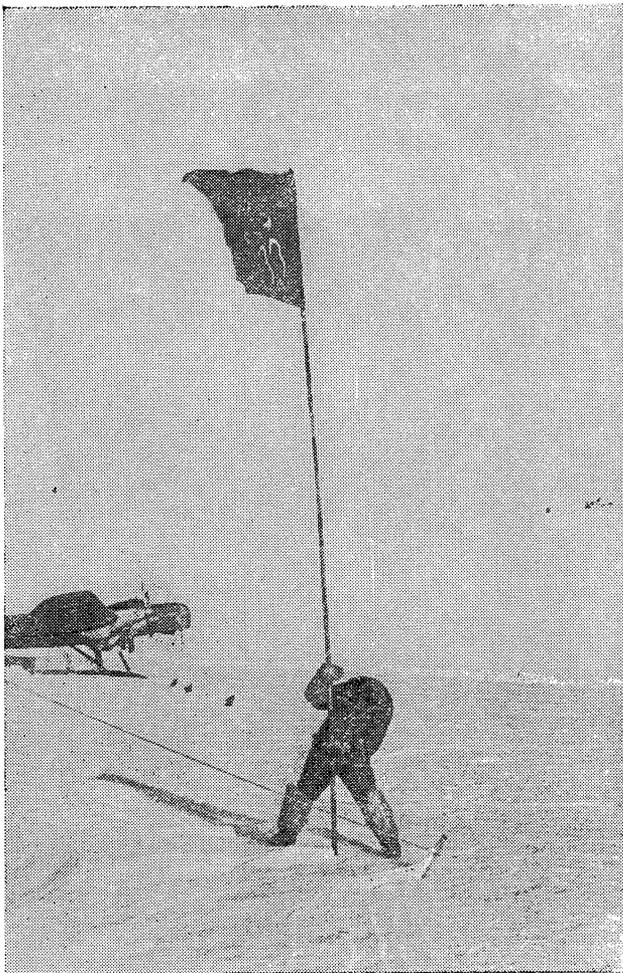
Полюс разгадан, но географический полюс — это центр северного полушария, а не Полярного бассейна. Наиболее удаленную от берегов, срединную, еще слабо изученную часть Ледовитого океана тоже называют полюсом — «полюсом недоступности».

Только в 1941 году люди впервые вступили на эту, судя по названию, самую трудно достижимую точку Земли. Это были наши люди, посланцы Сталина.

В апреле месяце, переждав десятидневную пургу, летчик Черевичный поднял самолет «СССР Н-169» с острова Врангеля. После семи часов полета он посадил его в районе «полюса недоступности», проникнув в глубь неисследованной области почти на тысячу километров. Ледяной покров оказался тоньше двух метров, но он выдержал груз в 25 тонн. Четырехмоторный воздушный корабль опустил сюда, на ледяную пленку полярного океана, семь человек и целый склад вещей — от глубоководной лебедки, весом чуть не в 10 пудов, до патефона с пластинками. Было сравнительно тепло — немногим ниже минус двадцати.

Исследователи провели полный цикл океанографических и геофизических работ: глубина океана, течения, сила тяжести, погода, планктон, пробы воды на химический анализ... Все это повторилось трижды: пробыв на льдине дней пять, экспедиция возвращалась на остров Врангеля и снова вылетала к «полюсу недоступности», на новую льдину. Иной раз приходилось держась в воздухе, часа два подыскивать подходящее гладкое поле, чтобы в конце концов сесть на лед, затянувший старое разводье.

Экспедиция установила, что «полюс недоступности» покрыт сравнительно молодым, а не многолетним льдом; подтвердила мысль о существовании второго магнитного полюса; обнаружила и в этой отдаленной части Арктики прослойку теплой атлантической воды.

Высокоширотная экспедиция самолета «СССР Н-169»: на льдине № 1 поднимают флаг СССР. Снимок доставлен Героем Советского Союза И. П. Мазуком и летчиком-орденоносцем М. И. Козловым.

Выработан новый тип полярной экспедиции, кочующей со льдины на льдину.

Недоступное стало доступным, неизвестное — известным.

* * *

За тридцать лет советской власти в познание каждого края нашей великой страны добавлено что-

нибудь новое, в географические описания внесены исправления.

Так, первенство в высоте на Урале передано от горы Тельпос-Из горе Нарсдой. Вопреки ожиданиям, на Уральском хребте оказались ледники, хоть и небольшие. Впервые обнаружено оледенение на Корякском хребте. Сдвинута граница между песчаным Каракумом и глинистым Усть-Уртом. Новые ледники и озера открыты на Алтае.

Недавно у нас впервые обнаружены гейзеры. Их нашли на Камчатке, в Кроноцком заповеднике. Через определенные промежутки времени под землей раздается смутный гул, показывается кипящая вода и вдруг, с оглушительным грохотом, бьет мощной струей вместе с клубами пара на высоту в десятки метров.

За тридцать лет в СССР впервые посещена и изучена площадь в сотни тысяч квадратных километров. Пробелы карт заполнены. Новый социальный строй обогатил географическую карту.

Все обновлено. Самые размеры Земли и ее форма советскими учеными определены по-новому. Установлено, что земной шар чуть сплюснен не только с полюсов, но и с боков. Наиболее выпуклый меридиан проходит через Гонолулу и Прагу, а самый сжатый — через Иркутск и Филадельфию.

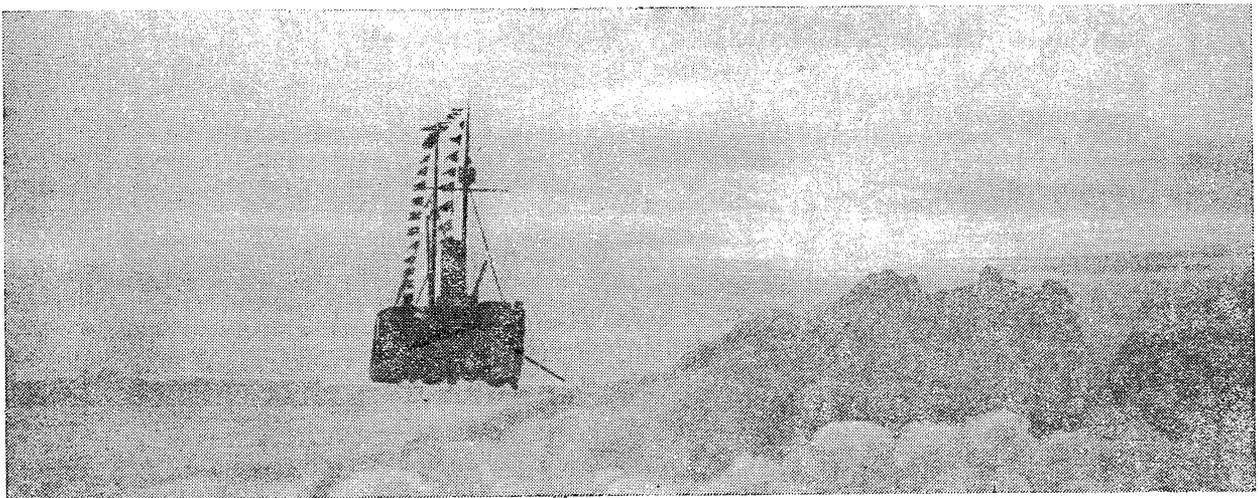
Эти измерения кривизны земной поверхности нужны для составления правильных карт.

Успехи советской географической науки позволили создать огромную, полную Государственную карту СССР в масштабе 1 : 1 000 000. Она выполнена в красках. Сто восемьдесят ее листов, занимая площадь в 54 квадратных метра, изображают весь Советский Союз — величайшую страну на земле. На листах отражена вся страна — ее горы и реки, леса и селения.

Суша на новой советской карте больше не знает «белых пятен», кроме доживающего последние дни небольшого пятна в глубине полуострова Таймыр. Научная экспедиция изучает этот район в 1947 году. К тридцатой годовщине Октября с карты советской земли будет стерто последнее «белое пятно». Не посещенными останутся лишь отдельные места в далеких арктических водах.

Над государственной картой СССР советские географы работали все годы войны. Она печаталась в Сибири — в крае, который сам еще недавно не имел правильной карты. Сто ученых по заданию правительства кропотливо и уверенно наносили на картографический лист очертания родной страны, в то время как войны защищали ее на полях сражений.

Страна — это дом народа. Сейчас у нас есть точный чертеж своего дома.

Расцвеченный флагами «Таймыр» ждет дорогих гостей со станции «Северный полюс».

К ПОЛЮСУ недоступности

Штурман В. И. АККУРАТОВ

РАЗГОВОР В ВОЗДУХЕ

Оледенелый, сверкающий холодным светом край земли.

Призрачно плывут в свесом немом безмолвии застывшие вершины бесчисленных островов Земли Франца-Иосифа. Заснеженные цепи куполообразных гор так схожи с лунным ландшафтом, что кажется, будто наш многомоторный гигант ушел от далекой, теплой земли и мчится в своем стремительном полете над поверхностью мертвой, заснувшей навечно луны.

Подавленные этим величием царства холода, как зачарованные, любуемся мы развертывающейся под нами фантастической картиной.

Много раз я ходил над этим архипелагом, но никогда не мог привыкнуть к его дикой, какой-то сказочной красоте; мой же товарищи, попавшие сюда впервые, — все решительные, отважные люди — здесь как-то растерянно оглядывались назад, туда, где за морями оставалась земля с ее невзгодами и радостями.

Первый нарушил молчание И. И. Черевичный. Оторвавшись от иллюминатора, он спросил:

— А на куполе острова Рудольфа, где расположен аэродром, не могут быть такие трещины, замаскированные снегом?

И показал на слегка выпуклое плато острова Райнер, края которого, спускаясь в море, зияли глубокими черными безднами.

— В 1937 году их не было. Прилетим — посмотрим сами, — ответил я, внутренне содрогаясь при мысли о том, что может с нами случиться, если действительно при посадке угодишь в такой провал, замаскированный слоем снега. Весь архипелаг Франца-Иосифа находится под мощным, до 300 метров, пла-

стом льда. Острова сложились из первозданных пород — в основном из базальта, погребены под этим мощным ледяным щитом, который образует куполообразную поверхность почти над всеми островами. Льды в виде языков-ледников медленно сползают здесь в море, рождая тысячи причудливых айсбергов. Зимой трещины сверху заполняются снегом и невидимы, но летом, когда снежный покров исчезает, бесконечное число трещин зияет своей мрачной пустотой, доходя глубиной до 200 метров. К счастью, такие трещины образуются на краях, где имеется резкий изгиб при спуске в океан, и нам они мало угрожали, так как посадка и взлет, как правило, происходят в центре куполов.

Вскоре впереди, в мягких фиолетовых даях наступающих сумерек, как легкое, золотистое утреннее облако, всплыли знакомые очертания острова Рудольфа.

— Впереди — Рудольф, — сказал я.

— Не знаю, Рудольф ли, — смеясь, отвечал мне гидролог экспедиции Черниговский, — но у меня такое впечатление, что на аэродроме нас встретят не люди, а настоящие селениты! И вообще, Валентин Иванович, куда вы нас завели? Разве возможна жизнь в этом мертвом царстве?

— С претензиями прошу обращаться к гидрологам, — ответил я. — Это они создали здесь первый аэродром!

Один из наших гидрологов полусуто, полусерьезно заметил:

— Не знаю, есть ли у селенитов банька, а у нас вы можете сегодня же попариться с пути перед долгой дорогой, пока не доберемся до острова Врангеля.

Весь этот разговор происходил в просторной, светлой штурманской кабине четырехмоторного самолета «СССР Н-169», вышедшего сутки назад из Москвы в экспедицию к «полюсу недоступности».

«БЕЛОЕ ПЯТНО»

Впервые в истории человечества предстояло нам проникнуть на «белое пятно» к северо-северо-востоку от острова Врангеля, за широту 78°00', где никогда не ступала нога человека.

Эта огромная площадь, с юга ограниченная широтой 78°78', с запада и востока меридианами 165°00'—210°00', на севере примыкала к географическому Северному полюсу, с центром в точке 83°40'—176°00' западной долготы. Удаленный от доступных баз и окруженный тяжелыми многолетними льдами (паком), непроходимыми для ледоколов, этот район, по площади равный целой Франции, был до 1941 года совершенно недоступен для человека, а потому ученые называли эту неисследованную территорию земного шара «полюсом недоступности».

Много неизвестного и заманчивого таила в себе эта никому неведомая область. Сколько всевозможных теорий и гипотез строили ученые всего мира, пытались разгадать аналитическим путем, что же таится на этом «белом пятне». Были и практические попытки проникнуть к «полюсу недоступности». В 1929 году полярный исследователь Г. Вилкинс с летчиком Эйельсоном добрался до широты 77°46' и 175°00' западной долготы, где совершил посадку и при помощи эхолота измерил глубину океана. Результаты были самые неожиданные. Глубина океана оказалась в этой точке равна 5 440 метрам. Дальше Г. Вилкинс проникнуть

не мог: не было достаточных средств. В 1938 году тот же Вилкинс, летая с аэродромов Аляски, доходил до 87° северной широты и обследовал «белое пятно» по его восточной границе, но в глубь этой территории ему все же попасть не удалось.

Еще раньше Вилкинса, в 1914 году, капитан Бартлетт на шхуне «Карлук» при попытке проникнуть на это «пятно», в поисках гипотетической «Земли Гарриса», был раздвинен льдами у острова Геральда. Экипаж, потеряв часть людей, с трудом выбрался на остров Врангеля, откуда Бартлетт добрался до материка, а оставшиеся его товарищи были подобраны американским крейсерам «Медведь». Много мрачных легенд ходило о «полюсе недоступности», и чем больше их было, тем больше стремился человек разгадать тайну «белого пятна». Но Арктика ревниво охраняла одну из последних своих цитаделей, и пока все попытки человека бессильно останавливались перед преградой грозного ледяного безмолвия. Одни ученые доказывали, что «полюс недоступности» одновременно являлся и «полюсом безжизненности», что там, в океане, нет никакой жизни, что это мертвое, оледенелое пространство. Другие доказывали, что там не океан, а неизвестные земли с богатым животным миром, и опирались на наблюдения Бартлетта, который при походе по дрейфующему льду на острове Врангеля наблюдал, как с севера летели огромные стаи птиц, очевидно, после летовья; а раз так, то там, на «белом пятне», должны быть и неизвестные земли. Эти гипотезы дали пищу для авторов фантастических романов, но «белое пятно» все также оставалось безмолвным и призрачным, ожидая своих исследователей.

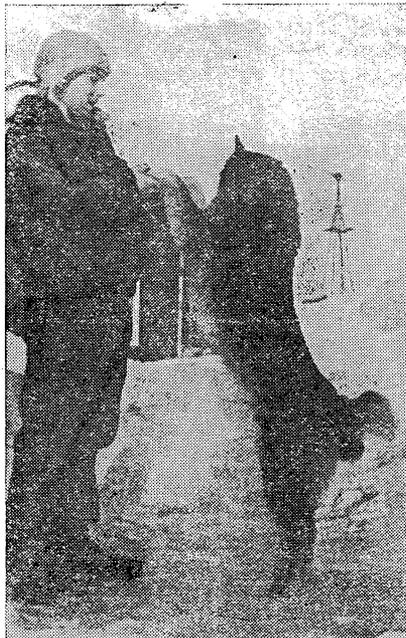
И этими исследователями стали советские люди, которым впервые удалось проникнуть в район «полюса недоступности».

Не жажда славы и не спортивный азарт гнали нас в эту таинственную область. Много лет работая по освоению Северного морского пути, выполняя задания великого Сталина, волю народа, мы отдавали все силы, чтобы превратить этот путь в нормально действующую транспортную магистраль и поставить ее на службу сталинских пятилеток, на службу народного социалистического хозяйства.

После многих лет работы в ледовой разведке для нас стало совершенно ясным, что секрет проходимости Северным морским путем и превращения его в нормально действующую транспортную магистраль надо искать не у берегов материка, а в высоких широтах, там, где дрейфуют тяжелые, многолетние льды — пак. Необходимо было изучить законы движения резервов этого своеобразного и страшного врага.

При полетах в высокие широты ледовые разведчики открыли очень

интересные явления. В то время как льды вплотную прижимались к берегам, блокируя трассу, в более северных широтах, наоборот, появлялись огромные пространства чистой воды или разреженного льда, допускающие свободное плавание судов. Это открытие, встреченное сначала скептически, постепенно завоевывало расположение моряков. Был осуществлен ряд блестящих операций по проводке караванов северными трассами на расстояниях до 1 000 километров от берега, и притом в значительно более короткие сроки, чем привычной береговой трассой. Это заставило пересмотреть методы плавания по Северному морскому пути

В. И. Аккуратов и вожак «Красавец».

не узкой трассой, лежащей вдоль береговой черты, а многоколейными, широкими путями. Эти новые пути в высоких широтах необходимо всегда искать с воздуха. Здесь-то и помогла морякам наша полярная авиация. В целях изучения законов движения льдов ледовые разведчики все дальше и дальше проникали в глубь Центрального бассейна Арктики, часто по собственной инициативе «попутно» посещая «белые пятна»; и каждый такой полет приносил все более и более интересные сведения, отвергающие старые взгляды. После одного из таких полетов, который длился 22 часа, у экипажа самолета «СССР Н-275» сложилось окончательное мнение о необходимости изучения льдов к северу от острова Врангеля, которые, делая его наиболее труднопроходимым. Одновременно перед нами встала задача — изучить «белое пятно» в районе «полюса недоступности». Ученые горячо поддержали предста-

вленный проект экспедиции. И вот в марте 1941 года наш самолет «СССР Н-169» подходил с этой целью к одной из своих промежуточных баз...

НА ОСТРОВЕ РУДОЛЬФА

Вскоре перед нами предстала картина острова Рудольфа. Фиолетовая в сумерках умирающего дня, безжизненно лежала трехглавая пирамида неправильной формы, с вершинами, словно обрызганными густой вишнево-краской, а дальше на север в фантастические синие дали уходили бесконечные пространства замерзшего океана.

— Это старт?

— Да. Видишь костры и слева трактор?

Черевичный утвердительно кивнул головой.

Внизу под нами рубинами билось пламя, вокруг которого снег был не фиолетовый, а пурпурно-золотистый, и в свете его чернели три точки. Широкий, изучающий, круг. Лыжи самолета несильно касаются поверхности аэродрома. Тяжелая машина мягко бежит по снегу и останавливается у последнего костра. Разминая затекшие от долгого полета ноги, выпрыгиваем на снег. Радостные крики, приветствия, крепкие рукопожатия, быстрая выгрузка почты, посылок, свежих фруктов, — и мы все, во главе с начальником острова тов. Войновым, рассаживаемся в огромных открытых санях, впряженных в трактор «ЧТЗ».

Далеко внизу, у самого подножия острова, чернеют высокие стройные мачты радиостанции и домики зимовки. Окна уютно светятся. Жестоким, пронизывающим ветер потоками несет мелкую колочую снежную пыль, забиваясь в глаза, под мех капюшонов, но никто не замечает холода, слышатся вопросы, смех.

Я смотрю вниз, все здесь мне знакомо. Отсюда четыре года назад мы штурмовали полюс. Это остров славы советской авиации, советского народа.

Много катастроф и трагедий разыгралось на этой уединенной земле. Обломки кораблей с американскими названиями, остатки нарт, экспедиционного снаряжения, могилы с итальянскими и норвежскими именами на покосившихся крестах печально повествуют об этом. А сколько здесь скрыто тайн, погребенных под ледяным панцырем! В 1937 году с группой товарищей мы тщетно пытались найти могилу легендарного Г. Седова, похороненного на мысе Аук его верными спутниками Пустошным и Линником. Огромный обвал все засыпал здесь тысячетонной осыпью льда и базальта. То, что не под силу было капиталистическому миру, который не поддерживал своих героев-одиночек, было осуществлено нашим народом, нашими летчиками. В мае 1937 года

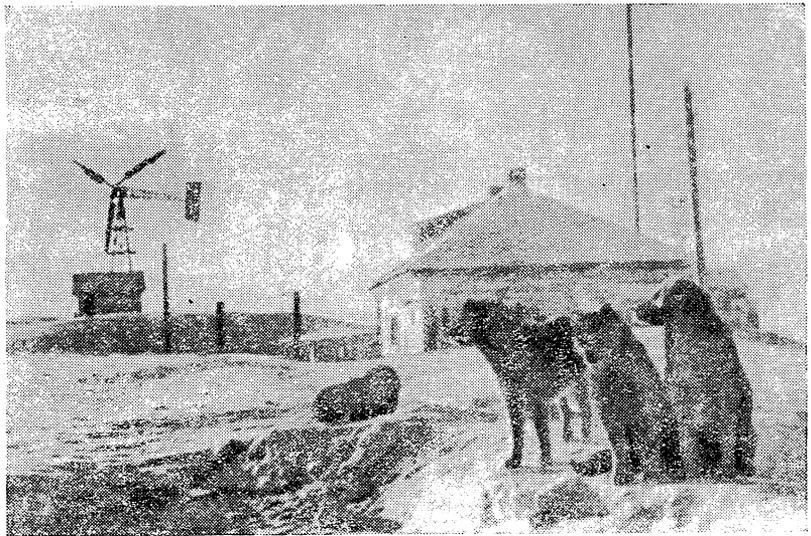
над Северным полюсом гордо взвился красный флаг родины. Героический дрейф папанинцев, стартовавших отсюда на полюс, был подлинным триумфом советской науки.

После отдыха в теплых, уютных домах с паровым отоплением, после обильного завтрака в каютах компании, получив хороший прогноз погоды, мы вышли из помещений. Было темно. Мрачная пурпурная ночь висела над островом. В свете фар вездехода стремительно кружились сухие кристаллы снега, но надо было подниматься вверх на купол, чтобы успеть к рассвету зарядить горючим самолет, то есть перекачать в баки более сорока бочек бензина. На аэродроме уже сутились люди. Еще ночью на собачьих упряжках туда уехали механики, чтобы осмотреть все к следующему перелету. Нелегкое дело — в тридцатиградусный мороз, при обжигающем ветре копать голыми руками в тонких деталях моторов! Чтобы облегчить труд механиков Шекурова, Борукина и Дурманенко, оставшая часть экипажа брала зарядку горючим на себя.

САМОЛЕТ РУЛИТ НА СТАРТ

Наконец все готово. На юге чуть брезжит рассвет. Машина перегружена до предела, но природный аэродром острова Рудольфа как будто нарочно создан для взлета самых тяжелых машин. Его наклонная поверхность обрывается в море двухсотметровым обрывом. Вот и сейчас на полном газе бешено мчится наша машина к темному, мрачному провалу. Я считаю секунды и знаю, что мы оторвемся еще до обрыва, но неприятное чувство, помимо воли закрадывается в душу. Все напряженно всматриваются вперед, и вот в метрах ста — ста пятидесяти самолет нехотя отрывается, и мы тяжело повисаем над темной пустотой. Сильный ветер встряхивает машину. Внизу сереет океан. Дикая хаос нагромождения льда. Мы идем низко: выше сплошная облачность, а нашей задачей является наблюдение за льдами, и мы стараемся не упустить их из виду. На этом этапе перелета — остров Рудольфа — мыс Челюскин — нам предстоит пройти более 2 тысяч километров над льдами океана и моря Лаптевых.

Первую часть этого маршрута еще никто никогда не проходил, и потому с таким напряженным интересом все всматриваются в горизонт. Мрачные, черные тучи грозно свисают почти до самой поверхности океана. Огромные пространства чистой воды пенятся зелеными волнами. Машина, почти касаясь их гребней, идет на бреющем полете, шарахаясь и оглябая изредка встречаемые айсберги. В свете наступившего дня зловеще выглядят бездны черной воды, окаймленные белым льдом, и серое лохматое небо. Температура резко поднимается вверх — признак того, что мы пересекаем теплый

Мыс Челюскин.

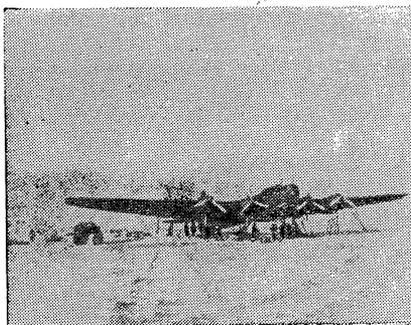
фронт циклона. Гофрированные крылья самолета начинают покрываться матовой коркой льда. Черевичный внимательно наблюдает и, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Что будем делать? Сильно леденеет!

Я молчу, нельзя упускать из виду льда. Наблюдать за ним — наша главная задача, но и обледенение начинает принимать угрожающий характер. Уже начинают трясти крайние моторы, конвульсивно вздрагивает хвост. Сильные струи смеси спирта и глицерина и перемена шага винтов только временно помогают сбрасывать лед. Дико воют моторы от большой нагрузки. Справа в тумане и заревах снегопада сумрачно плывут очертания Белой Земли. Радиост Саша Макаров, подходит ко мне и тихо говорит:

— Оборвало антенну от тяжести льда, перехожу на запасную!

Дальше раздумывать нельзя: от облепившего крылья крепкого, как камень, льда самолет потеряет свои аэродинамические качества и, потеряв управление, беспомощно упадет на лед. Надо уходить вверх, вырваться из зоны обледенения. Черевичный кивает нам головой, и, добавив мощность моторам, мы уходим в облака.

«СССР Н-169» на острове Рудольфа.

Лед угрожающе нарастает, в машинах темно. Облака властно охватывают нас, самолет весь дрожит. Неотрывно следя за кромкой крыла, я вижу, как уродливые бугры льда охватывают все лобовые части машины. Тревожно бьется мысль: «Не поздно ли?..»

Но вот в кабинах светлеет, и мы вырываемся к яркому, огромному солнцу, низко плывущему над сплошной пеленой облачности.

Передав управление второму пилоту, М. Н. Каминскому, мы с Черевичным уходим в мою рубку и, посоветовавшись, принимаем решение: через 25 — 30 минут попытаться опять пробиться к океану.

— За это время мы должны перебить фронт, — говорит командир самолета, — ведь он вытянут в меридиональном направлении, кроме того, к тому времени спадет лед от встречного потока воздуха. А нет — так опять уйдем вверх.

Я соглашаюсь. Позади у нас осталась полоса неисследованного льда, а, пробившись к океану, мы, хотя и с разрывами, все же будем иметь общую картину льда в этих широтах.

Подходит рассчитанное время, и мы осторожно «ныряем» вниз. На высоте 200 метров перед нами раскрывается безбрежная картина океана. Вода кончилась. Тяжелый, многолетний лед, запорошенный толстым слоем снега, уходит до самого горизонта. Видимость отличная. Гряды торосов, как гигантские змеи, отливая зелено-голубым светом, беспорядочно ползут во все стороны. Изредка чернеют узкие разводы чистой воды. За навигационными расчетами незаметно летит время.

Наконец впереди, справа, появляется чечевицеобразное облако, огромной шапкой лежащее на море. Что это такое? Вероятно, остров Шмидта: это облако задерживается на его вершине...

Подходим ближе. Весь покрытый льдом, остров закутан плотной пеле-

Остров Жаннетты.

ной тумана и издали так напоминает одно сплошное облако, что только спытанный, искушенный капризами Арктики глаз может догадаться, что это земля. Открытый экспедицией ледокола «Седов» остров состоит из базальта, покрытого панцырем сплошного льда в виде купола. Сквозь разрывы тумана видно, как сильный ветер несет тучи снежной пыли по глянцевой поверхности, которая, как мощные струи водопада, низвергается с крутых голубоватых обрывов, дымя в черной полынье, окружающей остров. Но и эта странная картина дымящего моря остается позади. Теперь мы идем на северо-северо-восток, оставляя мыс Молотова (Северная Земля) к югу. В тяжелом дрейфующем льду много разводий чистой воды и большое количество айсбергов, которые длинной вереницей сказочных кораблей уходят куда-то на север, в еще неисследованные пространства Арктики, чтоб спустя много месяцев сложного пути через Гренландский пролив выйти в Атлантический океан и навсегда исчезнуть, растворясь в его теплых водах.

Широта — $83^{\circ}00'$, долгота — $95^{\circ}00'$: точка поворота!

Я даю курс на мыс Челюскина. Циклон остался позади, там, в океане. Под нами простирается море Лаптевых.

Стоит изумительная погода. Такого чистого, прозрачного, как звенящий хрусталь, воздуха, такого

яркого солнца нет нигде — ни в Крыму, ни на Кавказе, ни в Термезе! Всеми цветами радуги, ослепительным пламенем горят бесконечные пространства льда!

МЫ ИДЕМ НА ЮГ

Четко и спокойно в стремительном полете мчится оранжевая звездокрылая птица, поглощая незримые параллели. Выше и выше в синее небо уходит солнце. Справа в прозрачном мареве дрожат ледяные массивы гор Северной Земли. Остров Октябрьской революции, остров Комсомолец, остров Большевик, открытые в наше славное время советскими полярниками.

Этот архипелаг пока мертв и пустынен. Только маленькая одинокая зимовка научных работников приютилась на одном из его многочисленных островов, ведя наблюдения за этой землей, значение которой вырисовывается уже теперь.

Вскоре впереди, как легкое, радужное облако, засеребрилась земля. Ее призрачные формы постепенно приобретают четкие контуры. Теперь ни у кого нет сомнений, что это земля. Далеко на юг уходят цепи пирамидальных заснеженных гор, а от них на север, к морю, вытянулась пологим скатом долина, обрывающаяся у скованной льдом воды невысоким скалистым берегом, на краю которого резко выделяются черные

прямоугольники домиков и высокие мачты радиостанции.

— Мыс Челюскина — самая северная часть Азии, — тоном гида объявляю я, и самолет плавно идет на посадку.

Через сутки мы шли на остров Котельный — самый большой из группы Новосибирского архипелага, где для нас была приготовлена посадочная площадка. Погода не благоприятствовала полету. Низкая облачность, снегопады заставляли нас идти на малой высоте, чтобы не упускать из наблюдения льды. Самолет болтало, и многочасовой полет с глубоким заходом в глубь океана сильно утомил экипаж. К счастью, аэродром острова Котельный был отличный. Ровный лед закрытой со всех сторон лагуны, запорошенный неглубоким снегом, мягко принял самолет. Вечером, после подготовки вылета на завтра, расположившись в спальнях мешках на полу маленького, единственного домика зимовки, мы заснули как убитые, утомленные работой и волнениями этого дня. Утром мы проснулись от диких порывов ветра, которые потрясали весь домик, а за стенами мела такая пурга, что о вылете не могло быть и речи. С трудом добравшись до самолета, мы осмотрели его крепление и вернулись обратно.

Одни пошли «досыпать», а другие занялись обработкой ледового материала.

Остров Генриэтты.

НАШ КУРС — НА ОСТРОВ ЖАННЕТТЫ

В полдень пурга неожиданно затихла, но густые хлопья снега продолжали сыпаться на землю, уменьшая видимость до 100—150 метров. Полученные метеорологические сводки говорили, что на острове Врангеля стоит отличная погода, а, судя по прогнозу, в пути погода тоже летняя.

Впереди лежал самый сложный и длинный этап перелета. Здесь, на расстоянии более 2 тысяч километров пути над океаном и морями, не было ни одной метеорологической станции. Кроме того, с целью ледовой разведки мы летели не по прямой на остров Врангеля, а делали глубокий заход к северу и тем удлиннили и усложнили свой маршрут. Все было взвешено, учтено, и в 13 часов 40 минут мы вырулили на старт.

Шел снег. Видимость не превышала 100 метров. Взлетали вслепую. Отличные гироскопические приборы позволяли проделать эту сложную операцию четко и уверенно. Спустя полчаса мы «нырнули» вниз и на высоте 200 метров увидели под собой льды океана.

В 19.00 впереди появилась громада скал острова Жаннетты, а дальше к северо-западу серел остров Генриэтты. Унылые, голые базальтовые скалы, частью покрытые льдом

и запорошенные снегом, отвесными стенами обрывались в океан. Хаотично навороченный торосистый лед — зеленый, синий и голубой, искрошенный о выступающие базальтовые зубья, — многомиллионной массой тонн медленно двигался мимо острова, наполняя воздух грохотом и треском.

— Сцилла и Харибда! — не удержался кто-то от сравнения, пораженный этой титанической силой разрушения.

— Наш крылатый «Арго» шутя оставляет их позади! — смеюсь я и даю курс на юг.

Эти острова открыты в 1881 году американской экспедицией Де-Лонга на судне «Жаннетта», которое было раздавлено льдами, а сам Де-Лонг и часть его спутников трагически погибли в устье реки Лены, куда они добрались на шлюпках, остальные же были спасены русскими зверопромышленниками. На острове Генриэтты создана зимовка. Четыре отважных советских полярника свыше двух лет беспрерывно несли здесь свою вахту, обслуживая «погодой» корабли и самолеты. В течение этих лет мы неоднократно прилетали к ним, сбрасывая с самолета свежие продукты, охотничьи боеприпасы, техническое снаряжение и почту. Корабли не могли подойти к ним из-за тяжелого льда, а потому все снабжение производилось авиацией. Сейчас остров Генриэтты был так же мертв и пустынен, как и остров Жаннетты.

В 1940 году летчик Еременко со штурманом Абросимовым вывезли зимовщиков на материк.

Погода к югу улучшалась. Появились разрывы в облачности, и льды заискрились солнечным блеском. Какое их здесь разнообразие для глаз ледового разведчика! Вот здесь по голубым взломанным льдам не пройдет и самый мощный ледокол, а рядом ровные белые маговые поля сплошного льда, — однако по ним свободно пойдет не только ледокол, но и потащит за собой караван груженых кораблей. Я еле успеваю записывать классификацию льдов. Формы, мощность, размеры, цвет, оттенки, возраст — все переводится на проходимость.

Начинается знаменитый Айонский массив. Это «клапан успеха» плаванья в восточной части Арктики. Огромным языком спускаясь с северо-северо-востока, он подходит к острову Айону, и тогда непроходимый барьер льда закрывает проход с запада на восток. Тяжелые, многолетние льды толщиной до 5—7 метров, крепкие, как камень, поднимаясь на север или спускаясь на юг, являются до сих пор загадкой, решение которой лежит в недалеком будущем.

Вскоре мы подходим к мысу Флоренс. Мрачная, черная скала. Оставляя мыс Блоссом правее, мы идем через горный хребет острова Врангеля к южному берегу острова. Уже

отчетливо видна ветровая электростанция, радиомачта, расположенные на низкой косе прямо у самого моря. Ровная матовая поверхность аэродрома резко выделяется черными флажками на льду лагуны.

— Отлично! Вот трамплин для наших прыжков к «полюсу недоступности»! — весело заявляет Черевичный после пытливого осмотра посадочной площадки. Машина неслышно скользит широкими лыжами по заснеженной глади лагуны.

Здесь, в исходном пункте нашей экспедиции, предстояло тщательно проверить всю материальную часть, изготовить все недостающее для лагерной жизни на дрейфующем льду, испытать действие научных приборов при низких температурах, подготовить навигационную часть и, выждав погоду, стартовать на «белое пятно».

СЕМЬ СУТОК ШТОРМА

«Полюс недоступности»! Нет даже карт этого района. Второй день сижу и рассчитываю «меркаторскую сетку», карту «полуса недоступности» — основу для самолетовождения, без которой самолет навсегда может затеряться в ледяных пространствах. Белый лист ватманской бумаги со специальной сеткой меридианов и параллелей — вот и все! А что там? Океан или неизвестные земли? Узнаем на-днях. Сейчас же нас больше интересует, как будут вести себя приборы, особенно компас. Удастся ли найти льдины, годные для посадок? Эти вопросы мучительно тревожны, но они наполняют наши сердца какой-то необычайной энергией и упорством: во что бы то ни стало надо их разрешить!

В Москве, при сборе экспедиции,

В штурманской рубке.

казалось, что все готово, но сейчас выяснилось, что очень многого нам нехватает и много взято лишнего, а потому идут тщательная проверка и пересмотр всего снаряжения. Заняты все. Экипажу деятельно помогают зимовщики. Надо предусмотреть все: от примусных иголок до сложных приборов для измерения сил земного магнетизма. Нас ограничивает вес, но все это так необходимо!

Черевичный мрачно посматривал на наши растущие тюки, спорил о каждом предмете и с возмущением восклицал:

— Что ж, по-вашему, это пароход?

Мы растерянно разводили руками, как бы извиняясь за свой непо-

мерно тяжелый груз, и в десятый раз пересматривали — что же выбросить?

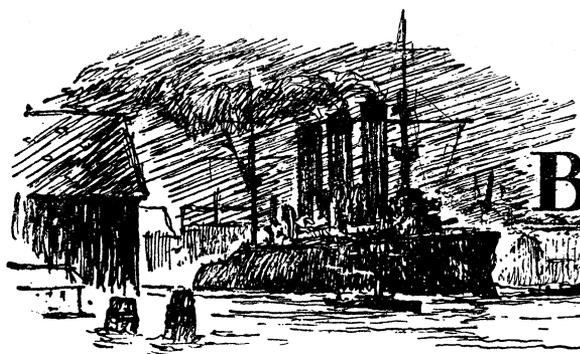
— Ну хорошо, оставьте. Наше счастье, что аэродром более трех километров длины и ровный, как стол: хоть бильярдные шары гоняй! — тут же успокаивал нас Черевичный и опять подолгу вымеривал своими шагами ровное поле лагуны.

Наконец все было готово, но... старт не состоялся: началась пурга. Семь суток бесновался снежный шторм. Ветер доходил до такой силы, что с гор, примыкающих с севера к лагуне, летели галька и мелкие камни. Горы почернели, снег был весь сметен. Аэродром превратился в ровную, блестящую ледяную поверхность, а самолет был весь засыпан плотным колючим снегом, который с трудом поддавался железной лопате. Отсиживаясь в теплых, уютных комнатах зимовки, мы с ужасом прислушивались к дикому завыванию пурги, опасаясь за целостность самолета. К счастью, закрепленный стальными тросами, вмороженными в лед, он все больше и больше заносился снегом и тем крепче сопротивлялся усилиям шторма. Дома, заметенные снегом до карнизов крыш, вздрагивали от яростных ударов ветра. Каких невероятных усилий стоило при такой пурге ходить к самолету! Оглушенные, залепленные снегом, сквозь обжигающий мороз, то держась друг за друга, то ползком, мы регулярно проходили эти 300 метров, иногда оставаясь ночевать в самолете, так как не было сил вернуться назад. По вечерам, собравшись в библиотеке, являвшейся одновременно и кают-компанией, мы отдыхали, слушали радио и обсуждали события прошедшего дня.

(Окончание следует)

Мыс Шмидта.

ВЫХОД НА ФАРВАТЕР

(Глава из хроникальной повести «Бессмертный корабль»)

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

Рис. Петра Павлинова

..На воду
 сумрак
 похож и так, —
бездонна
 синия прорва,
а тут
 еще
 и виденьем кита
туша Авророва.

В. Маяковский.

Н полудни крейсер — в полной боевой готовности. Перегрузка необходимого количества снарядов с баржи в корабельные погреба закончена. Попытка Временного правительства припугнуть моряков и вынудить команду увести «Аврору» из Петрограда, сорвалась. Моряки держатся на чеку. Удвоены караулы на крейсере и на отшвартованном неподалеку от него тральщике «Пятнадцатый», дополнительно выставлены посты возле причала и главных ворот, а за ними снаряды — у сквера напротив пожарной части и у Калининского моста — расхаживают патрули из матросов и рабочих.

Война между народом и Временным правительством началась.

Об этом точно извещает третье предписание Военно-революционного комитета, принесенное связным из Смольного около полудни. Оно адресовано комиссару.

Подозвав к себе членов судового комитета, Бельшев знакомит их с предписанием.

Текст предписания таков:

«Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора».

Военно-революционный комитет постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту».

— Временное правительство приказало юнкерам развести все мосты на Неве, — рассказывает связной. — Николаевский, Дворцовый, Троицкий и Литейный уже разведены. Понимаешь, комиссар, что задумал Керенский?.. Отрезать заводских! Чтобы ни один красногвардейский отряд в центр не попал!

— Давай мне человек двадцать, — вызывается Лукичев. — Выбьем юнкеров с Николаевского моста.

Бельшев не согласен.

— Наобум нечего соваться. Кто знает, сколько у моста юнкеришек. Пошлем двадцать, наверняка мало, пошлем сто двадцать, а вдруг тоже маловато? Всех послать? Что будем делать, если корниловцы сюда нагрянут?.. Нет, люди необходимы на корабле. Рисковать «Авророй» никак нельзя. Надо идти вместе с кораблем в Неву. Нацелить орудия на мост и под их прицелом атаковать и вышибить юнкеров.

Члены судового комитета задумываются.

— Кто поведет? — сомневается Белоусов. — Это ведь крейсер, а не шлюпка. Сноровка нужна, чтобы такой махиной управлять.

— А для чего офицеры на корабле? — раздраженно

восклицает Векшин. — С февраля даром хлеб едят. Они и поведут. Я за то, чтобы идти к мосту.

Липатов, Захаров и Неволин присоединяются к Векшину.

— Разведку на берег все-таки послать не мешает, — настаивает Лукичев.

— Когда войдем в Неву, то на обе стороны пошлем — на Васильевский и на Английскую набережную, — обещает Бельшев. — Что же, договорились: идем к мосту. Готовьте людей. Пускай поднимают пары и прогреют машины. Это берите на себя вы трое — Белоусов, Неволин и Лукичев. Прожектор нам непременно понадобится, так что, Векшин, оповести электриков. Остальное — рулевая вахта, комендоры, сигнальщики, буксирные пароходы и господа офицеры — за нами: за Липатовым, Захаровым и мной. Кончили разговор.

* * *

В час ночи пары подняты до марки, машины прогреты. Комендоры, электрики, рулевые давно на своих местах. Корабль готов к плаванию, но выход неожиданно затягивается из-за отказа командира и остальных офицеров подчиниться решению судового комитета. В последний момент Эрикссон заявил комиссару, что осадка не только не позволит крейсеру достигнуть Николаевского моста, но помешает даже войти в Неву.

— За время войны фарватер реки ни разу не углублялся, — объясняет командир причину отказа. — Подлинные глубины неведомы, корабль может сесть на мель.

Довод, выставленный Эрикссоном, серьезный. Формально командир прав; на самом же деле — моряки отменно понимают это — он под благовидным предлогом не желает вести корабль в Неву.

Комиссар снова созывает судовой комитет.

— Как быть, друзья-товарищи?

— Надо сделать промер, — предлагает секретарь судового комитета, старшина сигнал-дальномерщиков Сергей Захаров.

— Чем? — желчно бурчит Векшин. — Катера в отлучке у Смольного. А на шлюпке до утра проковыремся.

— До утра — не до утра, но час потеряем, — сокрушается Липатов.

— Так не будем терять время. Дайте шлюпку, фонарь, лист бумаги и четырех гребцов, — просит старшина. — Берусь промерить фарватер ручным лотом.

Бельшев колеблется.

— Рискованно, Сергей. Приметят юнкера на мосту — снимут пулей.

— Постараюсь, чтобы не сняли. Прикажи, комиссар, спустить шлюпку, — сердито повторяет Захаров. — Каждая минута дорога.

Он напяливает бушлат, поднимает воротник и, нахлобучив бескозырку, покидает помещение.

Долгие полтора часа Бельшев и почти вся команда, за исключением вахтенных в машинном и котельном отделениях, стынут на верхней палубе под холодным дождем, вглядываясь в ночной мрак, поглотивший шлюпку, и с тревогой прислушиваясь к частым хлопкам ружейных выстрелов где-то в стороне Невы.

Наконец раздается радостный голос Липатова:

— Шлюпка!

В ответ мигает электрический фонарик, взятый Захаровым.

Десятки рук подхватывают старшину и втаскивают на палубу.

Вскоре Захаров, промокнувший насквозь, дрожащий от холода и возбуждения, стоит посреди машинного кубрика и протягивает Бельшеву лист с чертежом.

— Полный порядок! Глубины вполне нормальные для «Авроры». Даже с запасом.

Окрыленный Бельшев спешит в кают-компанию, где сидят, забыв про сон, офицеры и командир.

— За вами слово, граждане.

Он кладет мокрый лист на стол.

— Вот промер. Смело можем идти до самого моста.

Лица офицеров насуплены и отчужденны.

Эриксон тихо спрашивает:

— Для чего корабль пойдет к мосту?

— Так я же информировал вас, гражданин командир... Юнкера вздумали развести мост, а Военно рево-

люционный комитет предписал нам — крейсеру «Аврора» — всеми средствами восстановить движение.

— Собираетесь стрелять по Зимнему? — попрежнему тихо интересуется Эриксон.

— Об этом загадывать не стоит, — подумав, отвечает Бельшев. — Если Военно-революционный комитет прикажет, будем стрелять и по Зимнему... пока Временное правительство не сдастся.

— Иначе говоря, большевики затевают гражданскую войну и предлагают нам принять в ней участие! — негодует Эриксон.

— Эге, куда загнули!.. — несколько опешив, удивляется комиссар. — Кто развел Николаевский мост — большевики или господа юнкера?.. Большевики требуют: власть — Советам, землю и заводы — трудящимся, мир — народам! Так хочет весь народ, а Керенский и те, кто за него — капиталисты с помещиками, — не хотят этого. Значит, надо прогнать их от власти.

— Напрасно агитируете! — нервничает командир. — Ставлю вас в известность от имени всех без исключения офицеров крейсера «Аврора»: мы наотрез отказываемся вести крейсер к Николаевскому мосту. В гражданской войне участвовать не желаем! Мы ни за большевиков, ни за Керенского, а за Россию!

— Так ли? — резко прерывает Бельшев, глядя в глаза Эриксону. — Россия — это народ, а мы, большевики, с народом. Народ верит нам, а не Керенскому!

— Мы держим нейтралитет, — поясняет командир.

— Хотите выждать, чья возьмет? Это ваше последнее слово?

— Да!

— Ладно... Часовые! — всердцах кричит комиссар, хватая лист с чертежом и сворачивая его в трубку.

Окрыленный Бельшев спешит в кают-компанию, где сидят, забыв про сон, офицеры и командир.

Чуть погоды на мостик взбирается сопровождаемый часовым Эрикссон.

В просвете дверей показываются фигуры двух вооруженных матросов.

— Никого не выпускать из кают-компании и не подпускать к иллюминаторам! Иллюминаторы задрать на броневые крышки!

Поворотясь к сидящим офицерам и уже овладев собой, он жестко договаривает:

— Эх вы, нейтральные!.. Даже определить не умеете, а еще считаете себя моряками! Подумайте хорошенько, что скажу вам напоследок: или с народом—или против народа. Одно из двух. Третьего нет.

Досказав, он поднимается на верхнюю палубу, где толпятся моряки.

— Вот комиссар!..

Навстречу Бельшеву, окруженные членами судового комитета, идет незнакомый матрос и пожилой бородатый солдат.

— Распоряжением Военно-революционного комитета второй батальон Кексгольмского полка выделен в помощь «Авроре», — рапортует солдат.

— А я из Второго Балтийского экипажа, — представляет матрос. — Из штаба левого сектора. Для связи. Получили предписание итти к Николаевскому мосту?

Бельшев утвердительно кивает.

— Получили. Только обмозгуем, как вывести «Аврору»... Наши офицеры вроде забастовки устроили.

— Им воспитание не позволяет, — иронически откликается бородатый кексголец.

— Заставим! — ярится Векшин. — Давайте-ка я с ними «по душам» поговорю!..

Он извлекает револьвер.

— Не пугай, они и так напуганы, как мешком из-за угла прибиты, — останавливает Захаров. — Сами доведем, вот увидишь. Не господа рулевую вахту несут, а матросы. Ставлю самых лучших.

— Нашему батальону что делать? — напоминает кексголец.

— Что?.. Выводите людей на Английскую набережную, — говорит Бельшев. — Мы наведем орудия на юнкеров, а вы должны прогнать их от моста.

— Одним словом, — заключает связной из экипажа, — доложу так: — Только «Аврора» — в Неву, кексгольцы — к мосту. Пошли, пехота!

Оба посланца покидают корабль.

— Действуй, Сергей, — приказывает комиссар Захарову.

— По местам стоять! — зычно командует старшина. — Со швартовых сниматься! Передать на «Пятнадцатый»: пусть вытягивается сейчас же за нами!

Заливаются дудки боцманов, слышится топот ног, переключаются матросы на буксирных пароходах, которые должны вывести крейсер из заводской гавани. Все происходит, как всегда при отплытии.

Бельшев, Липатов и Захаров поднимаются на командный мостик. Впервые в жизни им предстоит самостоятельно вести корабль да еще в беспросветной темноте октябрьской ночи по извилистому фарватеру узкой Невы. Каждая секунда движения грозит аварией, но другого выхода нет. Предписание Военно-революционного комитета моряки «Авроры» обязаны выполнить до конца. Таковы мысли Бельшева и всех, кто рядом с ним на мостике.

Мелодично тренькает звонок машинного телеграфа. Это старшина перевел ручку указателя хода на «малый вперед». Тотчас слышится ответный звонок, подтверждающий, что приказ понят и что механизмы в машинном отделении приведены в действие.

Два буксирных парохода помогают крейсеру вырваться на невидимый фарватер Невы. Следом ползет трайщик.

Замерев, комиссар прислушивается к словам старшины.

Звонким от напряжения голосом Захаров указывает курс матросу, стоящему у штурвала.

Кто-то настойчиво окликает Бельшева:

— Комиссар!.. Председатель!..

На верхней ступеньке трапа возникает силуэт человека с винтовкой.

Бельшев узнает одного из часовых, приставленных к офицерам.

— Командир зовет! — докладывает часовой. — Приспичило.

Сжав кулаки, Бельшев делает шаг к трапу.

— Передай ему... Два раза я упрасивал, в третий не стану. Скажи: некогда. Корабль снялся. Если приспичило, веди сюда.

Чуть погода на мостик взбирается сопровождаемый часовым Эриксон.

— Я согласен довести корабль.

— Значит, подумали и разобрались? — любопытствует ет Бельшев.

— Нет, просто не могу допустить, чтобы «Аврора» села на мель. Веду по необходимости. И только до моста. Ничего больше делать не буду.

— Ладно, ладно... Утро вечера мудренее.

Расстегнув кобуру маузера, Бельшев занимает место возле командира.

Медленно пробираясь сквозь ночные потемки и дождь, крейсер выходит на невиский фарватер.

* * *

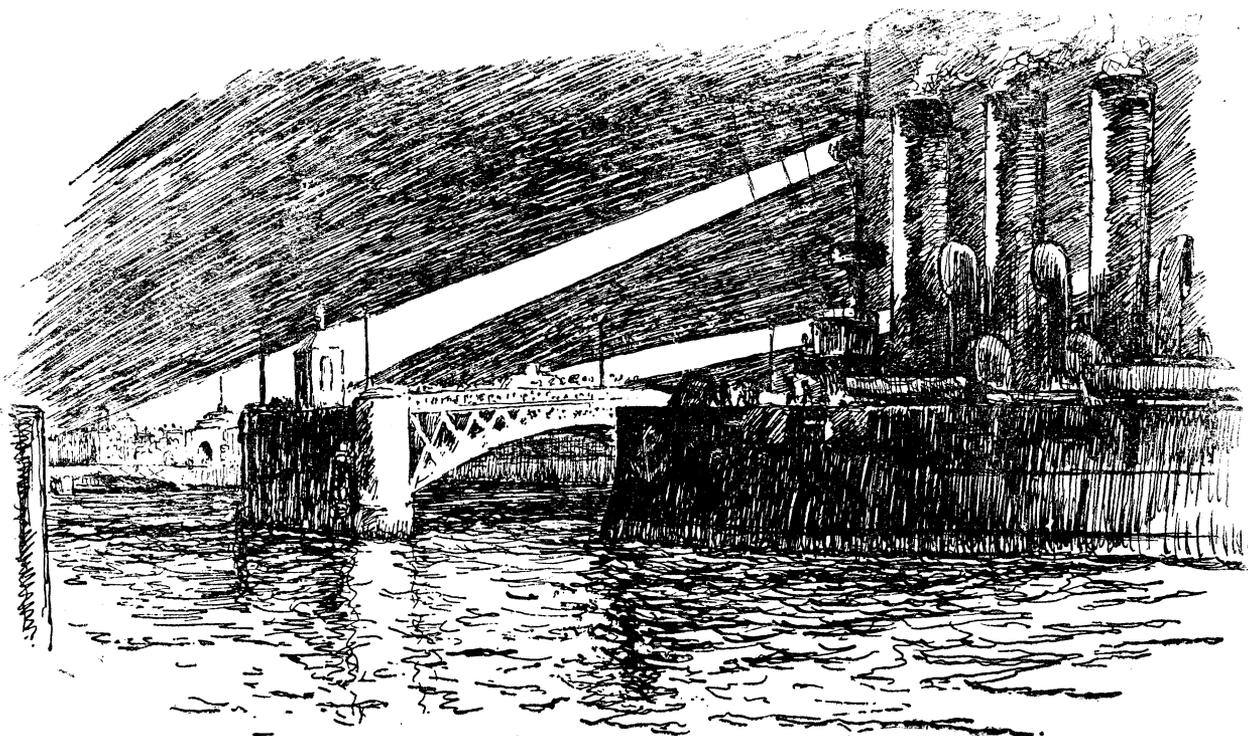
В предрассветной мгле «Аврора» становится на якорь перед Николаевским мостом. Луч ее прожектора ползет вдоль берега, выхватывая из тьмы фигурки юнkers и броневик, словно уснувший у входа на мост.

С высоты крейсера хорошо видно: юнкера наперегонки бегут по набережной, а броневик срывается с места и полным ходом мчится к далекому зданию Сената. Враги не принимают боя. В луче прожектора выступают из мглы фасады зданий на обоих берегах, огромный куб Зимнего дворца.

Туда и нацелены пушки «Авроры».

Год за годом все дальше отодвигаются в прошлое великие события, которыми началась эра социалистической революции. Однако время подобно искусному гравильщику драгоценных камней. Оно шлифует исторические события, заставляя их неугасимо сверкать в памяти людей. Озаренный их вечным блеском, как прежде, в дымке праздничного ноябрьского вечера над Невой у моста лейтенанта Шмидта в Ленинграде возникает высочайший силуэт корабля. Обводы его корпуса, мачты, баковое орудие и три тонкие длинные трубы окаймлены гирляндами электрических огней. На фасаде мостика, словно на груди воина, пламенеет рубином иллюминированный орден Красного Знамени. И каждый, кто видит обведенные световым штрихом строгие контуры, узнает бессмертный корабль революции.

Это — крейсер «Аврора», название которого прекрасно, как первоначальное значение слова, дошедшего к нам из времен глубокой старины: «Аврора» значит «утренняя заря», — алый и золотистый свет вдоль горизонта перед восходом солнца.

В предрассветной мгле «Аврора» становится на якорь перед Николаевским мостом. Луч ее прожектора ползет вдоль берега, выхватывая из тьмы фигурки юнкеров и броневик, словно уснувший у входа на мост.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ЮЖНОГО КРЕСТА

ЕВГЕНИЙ ШИСТЕР

Фото оператора Кинохроники
лауреата Сталинской премии С. Козана

В 1946 году партия и правительство приняли решение об освоении китобойного промысла в Антарктике.

Сейчас же начался подбор людей, которые были направлены на эту работу со всех бассейнов нашей родины. На промысел вышли рыбаки Керчи и Архангельска, Владивостока и Мурманска, Ленинграда и Астрахани.

В воды Антарктики была послана флотилия в составе базы «Слава» — самого большого промыслового судна в нашей стране — и восьми китобойных судов.

Нам нужно было пройти к месту промысла свыше 9 тысяч миль, пересечь Атлантический океан с севера на юг. Мы направлялись в те места, где лишь в начале прошлого столетия русская экспедиция под начальством Фаддея Беллингсаузена впервые в истории совершила плавание вокруг антарктического материка. Тогда были открыты острова Петра Великого и Александра Первого, море Беллингсаузена, собраны первые научные данные о природе и климате Антарктики.

Наша флотилия семь с половиной месяцев находилась в плавании. Она побывала в тех местах за Южным Полярным кругом, где никогда не бывали русские суда, посетила острова, жители которых никогда не видели русских моряков.

За время рейса судном-базой пройдено около 24 тысяч миль, а китобойными судами — и значительно больше, так как они во время промысла в среднем делали по 110—120 миль в сутки в то время, когда база лежала в дрейфе.

Условия плавания в высоких южных широтах очень сложны. Если, плавая на севере, моряки пользуются широкой сетью метеорологических станций, которые

регулярно сообщают о видах на погоду, состоянии льдов, магнитного поля, то моряки в водах Антарктики таких сведений не имеют. Они внимательно следили за всеми изменениями погоды, за всеми явлениями природы, на основании которых делали прогноз погоды. Много интересного и нового познали наши люди за время этого рейса, много увидели. Настойчиво и упорно потрудились они над выполнением задачи по освоению китобойного промысла в Антарктике, поставленной перед ними партией и правительством.

Публикуемый в журнале «Вокруг света» дневник участника рейса Евгения Леонтьевича Шистера рассказывает о пути флотилии, о природе Антарктики, об островах и странах, мимо которых проходил наш маршрут. В нем рассказывается о лучших людях флотилии, осваивающих новое дело и добившихся первых успехов в промысле китов в высоких южных широтах.

В дневнике приводятся интересные сведения о различных породах китов, о процессах охоты на огромного морского зверя и выработке продукции.

Записи во многом дополняют снимки участника рейса, оператора Кинохроники, лауреата Сталинской премии С. Я. Козана.

Дневник Евгения Шистера прежде всего ценен как документ о первом рейсе советской флотилии на китобойный промысел в Антарктику и безусловно будет с большим интересом прочитан как широким кругом читателей журнала «Вокруг света», так и специалистами зверобойного дела и, особенно, моряками.

Капитан флотилии «Слава»
депутат Верховного Совета СССР

Воронов

Капитан В. И. Воронин.

18 ноября 1946 года

В приемной министра Рыбной промышленности западных районов СССР — прославленный полярный капитан Владимир Иванович Воронин, партийный работник из Мурманска Борис Григорьевич Куликов и другие. Это руководители первой советской антаркти-

ческой китобойной флотилии. Она с воодушевлением говорит о будущей работе.

Владимир Иванович только что прилетел на самолете. В новый, ответственный рейс, в места, где свыше ста лет не было русских кораблей, где русские люди никогда не занимались промыслом китов, правительство нашло нужным направить именно его — Воронина.

Владимир Иванович с большим интересом принимается за новое дело.

Изучив условия плавания в северных широтах, он охотно идет к суровым берегам малоисследованной Антарктики.

20 ноября

Последний день в Москве. Сборы. Вместе с Куликовым, назначенным помощником капитана флотилии, и дублером капитана базы Стрельбицким едем на Октябрьский вокзал.

Протяжный гудок паровоза, и состав медленно отходит от перрона.

В окнах мелькают огни вечерней столицы.

До свидания, родная Москва!

21 ноября

Ленинград, гостиница «Англетер». Это настоящий штаб экспедиции. Здесь отбирают экипаж.

Узнаем, что в порт, где стоит китобойная база «Слава», уже отплыли два парохода с людьми, продуктами, снаряжением. Наша партия — последняя.

24 ноября

Утро. Все готово к отходу последнего транспорта. Капитан на мостике. Пароход, медленно сквозь льды ведомый ледоколом, отваливает от стенки. Все на палубе. Участники антарктической экспедиции прощаются с родной землей. Уходим из Ленинграда.

Первый рейс в Антарктику начался.

26 ноября

Идем вдоль берегов Финляндии. Перед нашим взором отлогие гранитные берега, омываемые бурным морем. Много небольших, тоже гранитных островов, покрытых хвойными деревьями.

Море спокойно. Пароход идет шхерами.

Подошли к столице Финляндии — городу Хельсинки. Остаемся ночевать на рейде.

27 ноября

С рассветом снимаемся с якоря и уходим дальше.

16.00. Подходим к столице Эстонии — Таллину. Перед нами открывается красивый вид на этот старинный город. Дымят трубы заводов.

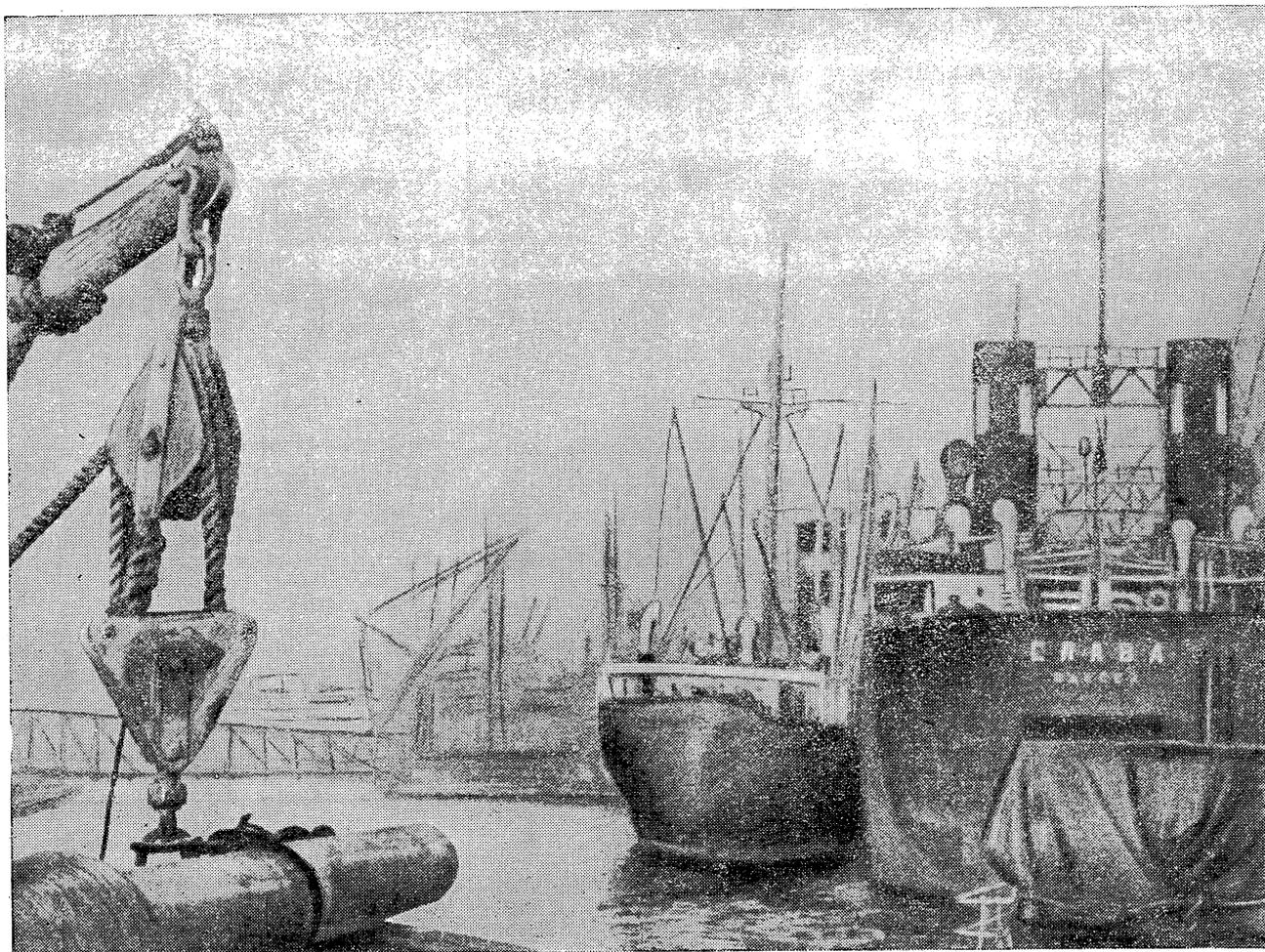
28 ноября

Таллин — последний советский порт на нашем пути в Антарктику. Все пишут письма и передают пограничникам, прибывшим на катере.

В 16.20 уходим дальше. Прощай, наша любимая родина!

30 ноября

...Встали у входа в Кильскую бухту. Это, как ее называют моряки, — «большая дорога» судов. Куда ни помотришь, торчат из воды мачты потопленных во время войны кораблей. Итти ночью опасно: можно наскокочить на потопленное судно. Мы остаемся здесь ночевать.

Перед отходом в дальний рейс. База теплохода «Слава» в одном из английских портов принимает последний груз с парохода, прибывшего с родины.

По пути готовилось промысловое снаряжение. Сплетались толстые семидюймовые тросы (линии), которые затем прикреплялись к гарпунам.

1 декабря

7.00. Отправляемся в дальнейший путь. Опять та же картина: то там, то здесь потопленные суда.

По правому борту — весь в зелени — датский берег. Вошли в предместья Килья. Большой портовый город Германии, Киль сильно разрушен бомбардировками.

Встаем на рейде у освещенного тысячами огней Кильского канала.

Будем стоять до рассвета. Осенний мелкий дождь.

2 декабря

Рассвет. Вошли в Кильский канал.

По обеим сторонам канала поля, небольшие селения, запущенные пристани. Очень мало посевов.

Проходим шлюзы. Выходим в Северное море. Наше движение по Кильскому каналу продолжалось девять часов. Вышли в море. Прогноз погоды неважный.

3 декабря

Стоим в ожидании погоды. На наше счастье — сводка хорошая. Наш пароход первым выходит в открытое море.

6 декабря

В середине дня входим в пролив Святого Георга. Вдали — западное побережье Англии. Через некоторое время войдем в Ирландское море.

7 декабря

Идем Ирландским морем. Поднимается сильный ветер, тяжелые волны бьют о борт судна. Мы входим в устье реки Мэрсей, на которой и расположен второй по величине и значимости порт Англии — Ливерпуль.

Бесперывно снуют большие речные трамваи, перевозящие пассажиров из города Биркенхэд, расположенного на левом берегу, в Ливерпуль, на правый берег реки.

В 7.00 два буксира с кормы и с носа стальными тросами закрепляют наш пароход и вводят в док. Мы проходим через шлюз, а затем медленно продвигаемся к причалу, где стоит «Слава».

8 декабря

Переселяемся на «Славу». По трапу входим на борт нашего судна. Водоизмещение его равно почти 29,5 тысячи тонн. Длина судна — без малого 150 метров, а ширина — около 25.

13 декабря

В судовой библиотеке мне удалось найти несколько книг, рассказывающих об истории развития промысла в Антарктике. Первые опытные китобойные экспедиции были направлены в Антарктику в зиму 1892 — 1893 годов. Но они окончились неудачно. Вообще же китобойный промысел существует несколько столетий. Однако до начала XX века промыщляли китов только в Северном полушарии. Здесь уже к концу XIX века их запасы сильно истощились, а отдельные породы китов, ранее являвшиеся основными объектами добычи, стали редкими, как, например, настоящие гладкие киты — гренландские.

Только в 1904 году норвежец Карл-Антон Ларсен основал первую китобойную базу в Антарктике на острове Южная Георгия и положил начало китобойному промыслу в антарктических водах. В прошлом капитан Ларсен командовал пароходом «Язон», принимавшим в 1893—1896 годах участие в экспедиции к Южному полюсу.

Через год, уже в 1905 году, норвежцы направили в Антарктику первый пловучий завод «Адмирален» с двумя китобойными судами.

Результаты этих двух норвежских экспедиций были удачными, и промысел стал быстро развиваться. До-

статочно сказать, что в сезон 1910—1911 годов в Антарктике насчитывалось уже 6 береговых баз и 14 пловучих заводов различных стран, располагавших 48 китобойными судами. Тогда в Антарктике было добыто 10 тысяч китов.

22 декабря

Первая советская антарктическая флотилия «Слава» вышла на промысел в Антарктику. Дует холодный, резкий ветер.

16.00. Весь экипаж базы выстраивается на палубе. Будет митинг.

Помощник капитана флотилии по политической части Борис Григорьевич Куликов произносит речь.

— Каждому из нас, — говорит он, — выпала почетная задача — открыть новую страницу в истории развития народного хозяйства: начать и освоить промысел китов в той части земного шара, где только один раз — сто двадцать семь лет тому назад — побывали русские люди. Мы с вами счастливы тем, что нам доверено советским народом пронести алое знамя Советского Союза за тысячи миль от родной земли и положить начало регулярным рейсам во имя укрепления и хозяйственного расцвета советского государства.

С большим вниманием слушают речь матросы, кочегары, машинисты, механики. Они жадно ловят каждое слово помполита.

Раздается команда «смирно!». Поднимается вымпел Министерства рыбной промышленности западных районов СССР. Торжественна эта минута. Мощно звучит «Гимн Советского Союза».

25 декабря

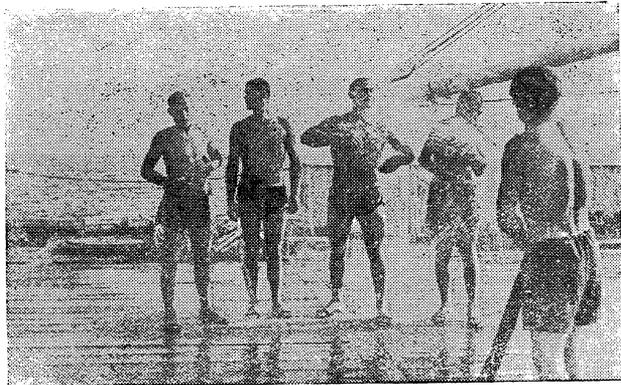
Наш путь проходит вдоль берегов Испании. Мы идем теми местами, где в XVI—XVII веках баски охотились на китов. В те годы существовала порода нордкапских и гренландских китов, или, как их иначе называют, гладких. Эта порода сейчас вымерла, и промыслом на них не занимаются.

26 декабря

Проходим мимо столицы Португалии — Лиссабона. Жарко. Температура 19 градусов выше нуля. А в Ленинграде, как мы услышали по радио, — 20 градусов ниже нуля. Не верится, что Новый год мы будем встречать под палящими лучами солнца.

27 декабря

Идем вдоль берегов Португалии. Перед нами мыс Тарифф — гористый, с отлогими берегами. Вершины гор закрыты облаками. Вдали показывается Гибралтар. Он раскинут у подножия и на склоне высокой горы, и все постройки как бы приросли к скале, они ярусами поднимаются ввысь.

При подходе к тропикам температура повышалась. На палубе базы и на китобойцах члены экипажа обливались из шланга забортной океанской водой.

28 декабря

В 10.00 появился танкер «Памир», который доставил нам горючее.

Танкер пришвартовывается к базе. Начинают перекачивать горючее.

31 декабря

Завтра Новый год. Но здесь стоит такая теплая погода, что никому не верится, что сейчас декабрь, что там, на родине, метет снег, стоит морозная новогодняя ночь.

Включаем Москву. Слушаем передачу из родных мест о последних минутах старого, 1946 года.

Красная площадь столицы. Слышатся гудки автомобилей, проезжающих мимо кремлевской стены. И оттого, что гудки раздаются здесь, в каютах нашего корабля, каждый чувствует себя особенно торжественно. Мерные удары кремлевских часов связывают воедино членов экспедиции со всей нашей великой страной.

Прозвучал последний удар, и репродукторы разнесли по всему кораблю торжественную мелодию «Гимна Советского Союза».

«С Новым годом, с новым счастьем!» поздравил нас диктор из Москвы.

1 января 1947 года

У нас Новый год совпадает с последними приготовлениями к выходу в рейс. Все китобойцы получают снаряжение, продукты, горючее, пресную воду.

В 22.00 флотилия покидает Гибралтар.

4 января

Подходим к Канарским островам. Здесь первая буферка китобойцев.

Этот небольшой архипелаг состоит из восьми островов. Самый большой из них — Гран-Канария. Острова имеют очень богатую флору. Здесь растут плоды, которые культивируются во всех уголках земного шара.

5 января

В 20.00 флотилия пересекла тропик Рака.

Прекрасный теплый вечер. На небе ни облачка. Бесчисленное количество звезд ясно видно на темном небе, освещенном луной. На горизонте по носу судна мы впервые увидели созвездие Южного Креста — самого заметного и ярко выделяющегося на южном небосклоне. Созвездие это состоит из пяти звезд, четыре из которых излучают наибольший свет, образуя крест.

6 января

По левому борту в 45 милях — западный берег Африки. Там расположен самый большой залив в этой части африканского побережья, который называется Белль де Левриель. Мы идем далеко от берега, потому что в этом районе Атлантического океана много неисследованных мест, опасных для плавания.

8 января

Весь экипаж занят ремонтом промыслового оборудования, очень сложного. На судне-заводе установлен 21 жиротопный котел четырех систем. Длина трубопроводов жирового, нефтяного, парового и водяного составляет около 15 километров. Около 30 километров составляет длина производственного и осветительного электропроводов. Установлено 105 электромоторов. Кроме того, множество различных агрегатов по выработке медицинского жира, муки и клея.

9 января

С каждым днем становится все жарче. Трудно работать на палубе под палящими лучами солнца. Но еще хуже в кочегарке. Здесь температура доходила сегодня до 70 градусов. Машинисты и кочегары выходили на палубу, обливались водой, поливая друг друга из шлангов, и опять спускались в машину.

В колеснице на трех белых «конях», сопровождаемый десятком «негров», выезжает на палубу «старик Нептун».

Впервые наш экипаж наблюдал большие стаи легучих рыб, которые выбрасывались из воды перед носом судна и разлетались во все стороны на довольно значительное расстояние.

11 января

Сегодня будем пересекать экватор. Экипаж оживленно готовится к традиционному празднику — встрече с Нептуном, «царем морей».

Ровно в 15 часов 30 минут пять протяжных гудков извещают о том, что пароход пересекает экватор. И сразу начинается веселье. В колеснице на трех белых «конях», сопровождаемой десятком «негров», выезжает на палубу «старик Нептун».

Ему представляется капитан, докладывает о пути следования судна. Затем капитан знакомит «Нептуна» с лучшими людьми экипажа. Подходят опытный гарпунер Зарва, старшина катера Анатолий Степаненко, боцман Кузовков и другие. Все они по очереди после знакомства с «Нептуном» направляются сначала к «парикмахеру» (роль которого успешно выполняет мастер-жировар Ташкенов), а затем их подхватывают мощные руки «негров» и бросают в большой чан, сооруженный на палубе. Это обязательное купание для всех новичков, еще не пересекавших экватор.

На судне, кроме Воронина, не осталось ни одного человека, который бы не принял этой ванны. Попали в чан и повар и врач. Искупали даже тех, кто был в это время на вахте.

Около двух часов продолжалось веселье.

Вечером на палубе состоялся большой концерт художественной самодеятельности.

Ясное небо. Мы внимательно следим за приближе-

нием созвездия Южного Креста, которое уже несколько поднялось над горизонтом. Чем выше будет над нами это созвездие, тем ближе наша флотилия подойдет к району будущего промысла, к району льдов, к Антарктике.

13 января

К вечеру, в сплошной темноте южной ночи подходим к острову Вознесения. Этот остров, как и многие другие, расположенные в этой части Атлантического океана, вулканического происхождения. Он находится на 8 градусах южной широты и 14,5 градуса западной долготы.

Остров был открыт португальцами в 1501 году в день Вознесения и отсюда получил название. В 1830 году англичане привезли на остров 50 негров из Южной Африки, которые и основали здесь поселение Джордж-таун. Это поселение, постепенно разрастаясь, стало теперь единственным портом на острове.

Остров Вознесения является центром, в котором сходятся несколько трансокеанских подводных кабелей.

Мы смотрели на этот остров с корабля. Он казался нам издали суровым и непривлекательным. А на самом деле вся поверхность его поросла зеленью. Даже все горы покрыты мелкой растительностью. Одна из гор так и называется — Зеленая.

В двух милях от горы Зеленой расположен кратер, который местное население назвало своеобразно — «Школой дьявольских наездников»: вероятно потому, что временами в нем слышится сильный грохот. Вид этот кратер имеет чрезвычайно суровый.

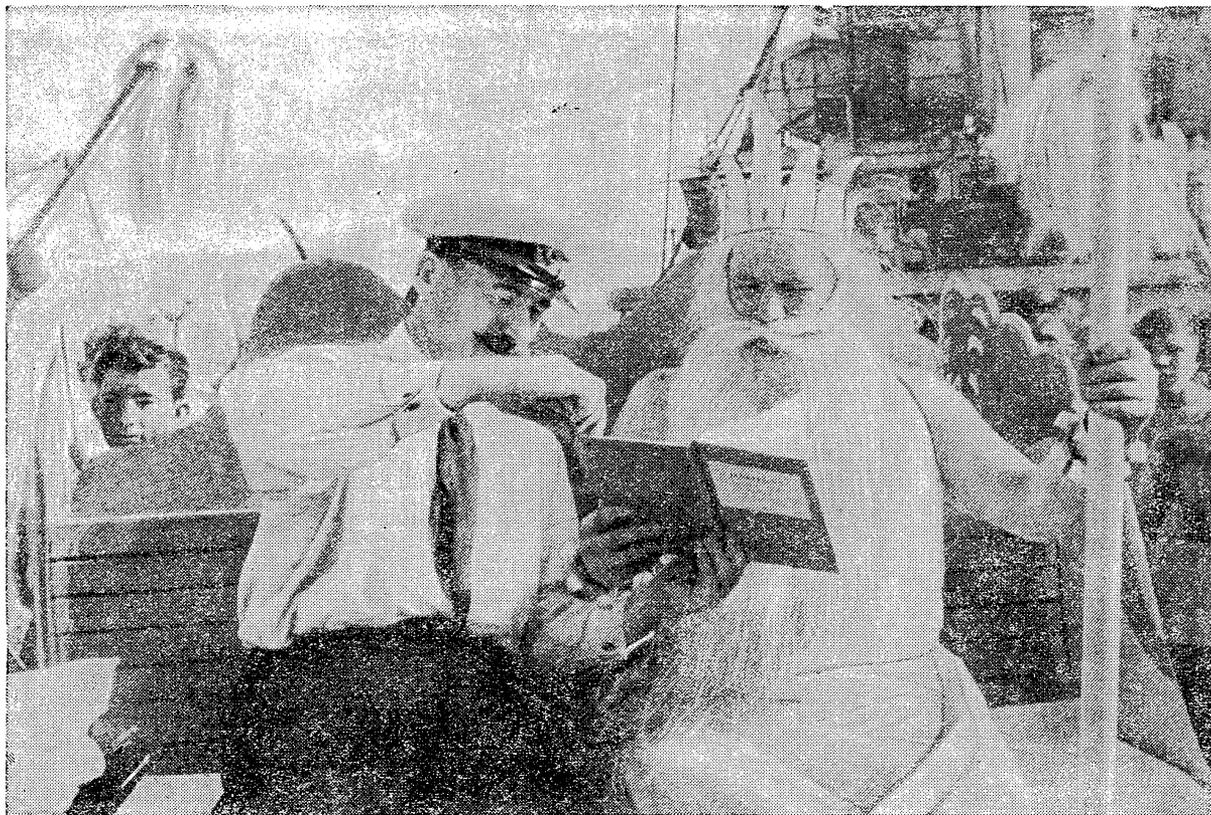
На острове нет источников пресной воды, и поэтому население устроило цементные «ловушки», куда во время тропических дождей собирается влага. Эти огромные резервуары для воды соединены трубами с селением Джордж-таун.

На острове Вознесения много животных. Когда-то сюда были завезены лошади, коровы, овцы, козы. Они размножились здесь, и в течение времени немало их одичало. С развитием на острове посадок овощей здесь развелось и огромное количество мышей и крыс, которые являются бичом населения. Для борьбы с грызунами решили привезти на остров кошек. Но кошки одичали и, вопреки ожиданиям, не уничтожают грызунов, предпочитая им мелких домашних животных и птиц, за которыми они с успехом охотятся.

ники и на эту «рыбу». Были сделаны большие крючки. За червяка сходилась треска. Акулы сразу же набрасывались на приманку и жадно проглатывали крючки. Два-три человека с трудом вытаскивали яростно сопротивлявшегося хищника на палубу.

Акулы ходят вокруг нашей базы, набрасываясь с жадностью буквально на все, что попадает за борт. Хватают доски, банки, свертки бумаги и с жадностью все проглатывают.

У пойманных нами акул на спине и брюхе мы находили по несколько маленьких рыбок коричневого цвета, крепко присосавшихся к телу хищника. С большим трудом мы отрывали их от акул. Эти маленькие рыбки, повидимому, доставляют немало хлопот акулам, и, пытаясь от них освободиться, они порой выделяют

«Нептуну» представляется капитан, докладывает о пути следования судна...

Есть и еще одна достопримечательность у этого острова. В определенное время, летом, остров посещают огромные черепахи. Вес взрослой черепахи равен 180—350 килограммам. С наступлением темноты самки черепах выходят на берег и уходят в глвбь острова на расстояние свыше 100 метров. Здесь, на берегу, они вырывают себе гнезда, глубиной до одного метра и диаметром около трех метров, и откладывают в них свои яйца. С рассветом самки черепах покидают остров и плавают у берега. За период пребывания в районе острова каждая самка вырывает по три-четыре гнезда и откладывает около 80—150 яиц.

Яйца лежат в песке, как в инкубаторе, и через 9—10 недель появляются молодые черепахи. Обычно они сейчас же уходят в воду. Молодые черепахи — большое лакомство для пернатых хищников.

14 января

С утра один за другим к базе подходят китобойцы. Они получают горючее, продукты.

Около острова масса акул. Они плавают вокруг нашего судна почти у самой поверхности. Нашлись охот-

в воде невероятные вещи: то выпрыгнут из воды, то стремительно нырнут на глубину или бросаются из стороны в сторону.

Над акулой, не уходя от нее на большое расстояние, все время плывет также небольшая рыбка, называемая моряками «лоцманом». Этот «лоцман» выводит акулу на добычу, указывает ей пищу. Сам он, видимо, питается остатками добычи, тем, что акула не съедает. Эти рыбы очень красивы, но, как мы ни старались, поймать их нам не удалось ни разу.

15 января

Закончив бункеровку китобойных судов, флотилия двинулась в дальнейший путь.

17 января

Около 14 часов слева от нас остался остров святой Елены.

Этот остров замечателен тем, что 15 октября 1815 года на корабле «Нордхумверленд» сюда был доставлен Наполеон. Здесь и жил он в изгнании до своей смерти, в мае 1821 года. Он был и похоронен

сначала здесь, но впоследствии перевезен во Францию и похоронен в Париже. Дом, где жил император, сохранился и принадлежит французскому правительству.

Продвигаясь на юг, мы увидели альбатросов. Это птицы огромных размеров, встречающиеся в Атлантическом океане между 16 и 60 градусами южной широты. Размах крыльев альбатроса достигает 4 метров. Мы видели, как плавно парит он над морем, не делая ни одного взмаха своими мощными крыльями.

18 января

Сегодня вышел очередной номер газеты «Советский китобой». В нем сообщалось, что коллектив завода с честью выполнил свое обязательство. Агрегаты по переработке сала и костей кита к производству подготовлены.

Сегодняшний день знаменателен еще и следующим. Курсом на юг мы наблюдали самое высокое положение солнца во все время нашего перехода в Антарктику. Солнце было под углом 89 градусов. Завтра солнце будет уже в северной части неба.

19 января

Флотилия прошла тропик Козерога. С каждым днем мы все ближе и ближе к Антарктике.

Куликов получил сообщение о том, что экипаж вместе со всем советским народом будет принимать участие в выборах Верховного Совета республики.

На палубе происходит митинг личного состава. Выбирается участковая избирательная комиссия. В нее вошли лучшие люди экипажа.

22 января

В 24.00 мы подошли для бункеровки китобойцев к острову Тристан-да-Кунья.

В темноте высился остров. Дует резкий ветер, который в продолжение короткого времени сменяет свое направление.

Крупная волна бьет в берег.

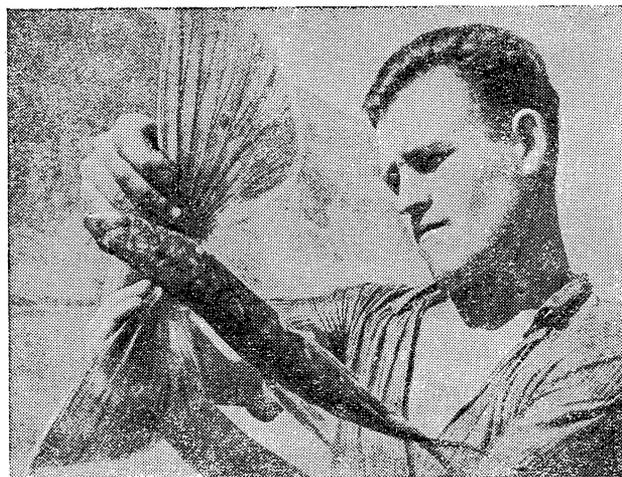
На палубе зажгли огни. Целые стаи летучих рыб, гораздо большего размера, чем мы видели раньше, бились о борт базы. Они высоко поднимались над поверхностью воды, с большой силой ударялись о борта корабля и падали мертвыми. Сейчас же была найдена сетка, с помощью которой мертвые рыбы были подняты на палубу. Летучие рыбы имеют в длину около 35 сантиметров и по внешнему виду напоминают кефаль. Наш «улов» передали в камбуз, где тотчас же и поджарили. Летучая рыбка очень вкусна.

Как только начало светать, летучие рыбы исчезли, и днем мы их уже не видели. К вечеру они опять слетались, и мы снова занялись их ловлей.

Группа островов, к которой мы подошли, состоит из четырех. Самый большой из них назван по имени португальца Тристан да Кунья, впервые посетившего его.

В январе 1811 года на остров прибыл английский корабль «Нареус». Команда парохода нашла на острове трех американцев, которые жили здесь уже несколько лет и занимались тюленьим промыслом. Они продавали шкуры зверя и жир на корабли, которые заходили на остров очень редко. Один из этих американцев издал курьезный «указ», объявив себя владельцем острова. Однако англичане, верные своей империалистической политике, не признали этого указа и в августе 1816 года послали сюда корабль с отрядом морской пехоты, объявив себя хозяевами группы островов.

Спустя некоторое время английский отряд покинул остров, и там опять остались три человека, но уже... британцы. С течением времени к ним присоединились китобой со своими семьями, и остров постепенно стал

Летучие рыбы имеют в длину около 35 сантиметров и по виду напоминают кефаль.

заселяться. В настоящее время на острове живет около 300 человек.

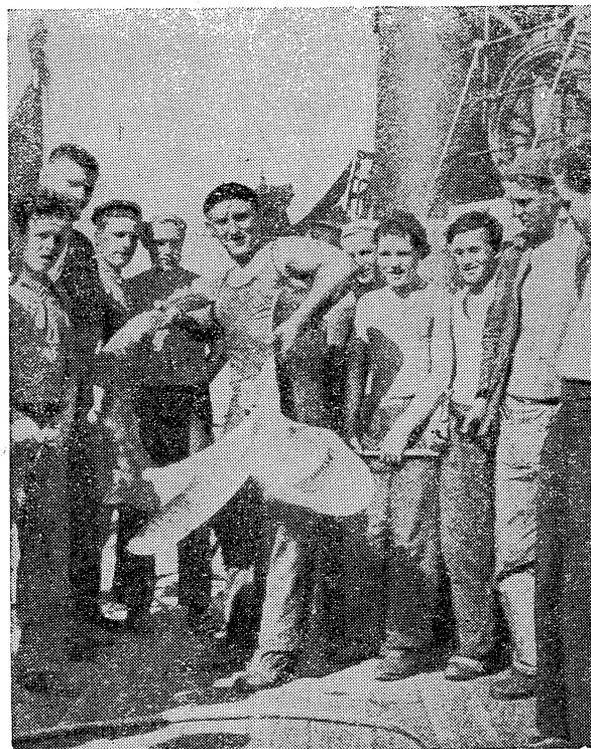
23 января

Сегодня к борту базы по очереди стали подходить китобойцы для бункеровки.

Днем группа экипажа вышла на берег.

Нас встречает почти все население острова, в большинстве — женщины и дети.

Остров имеет форму конуса со срезанной верхушкой. Высота центрального пика равна 2133 метрам. Подъем на вершину довольно крутой, под углом в 45 градусов. Пик острова — черно-красный конус из остывшей лавы и пепла. В центре его расположен потухший кратер диаметром около четверти мили. Этот кратер заполнен водой, и глубины его никто из жителей острова не знает.

У острова Вознесения водятся огромные акулы. Члены экипажа ловили их специальными крючками.

Берега острова в большинстве неприступны. Высота скал достигает от 300 до 600 метров, но есть несколько мест и с песчаным берегом. Тяжелые волны с силой ударяются о каменные берега, с шумом разлетаясь во все стороны.

На трех других островах — Недоступном, Соловье и Среднем — людей нет. Только на первом из них живут жители Тристан-да-Кунья. Там они содержат свой стада овец и крупного рогатого скота.

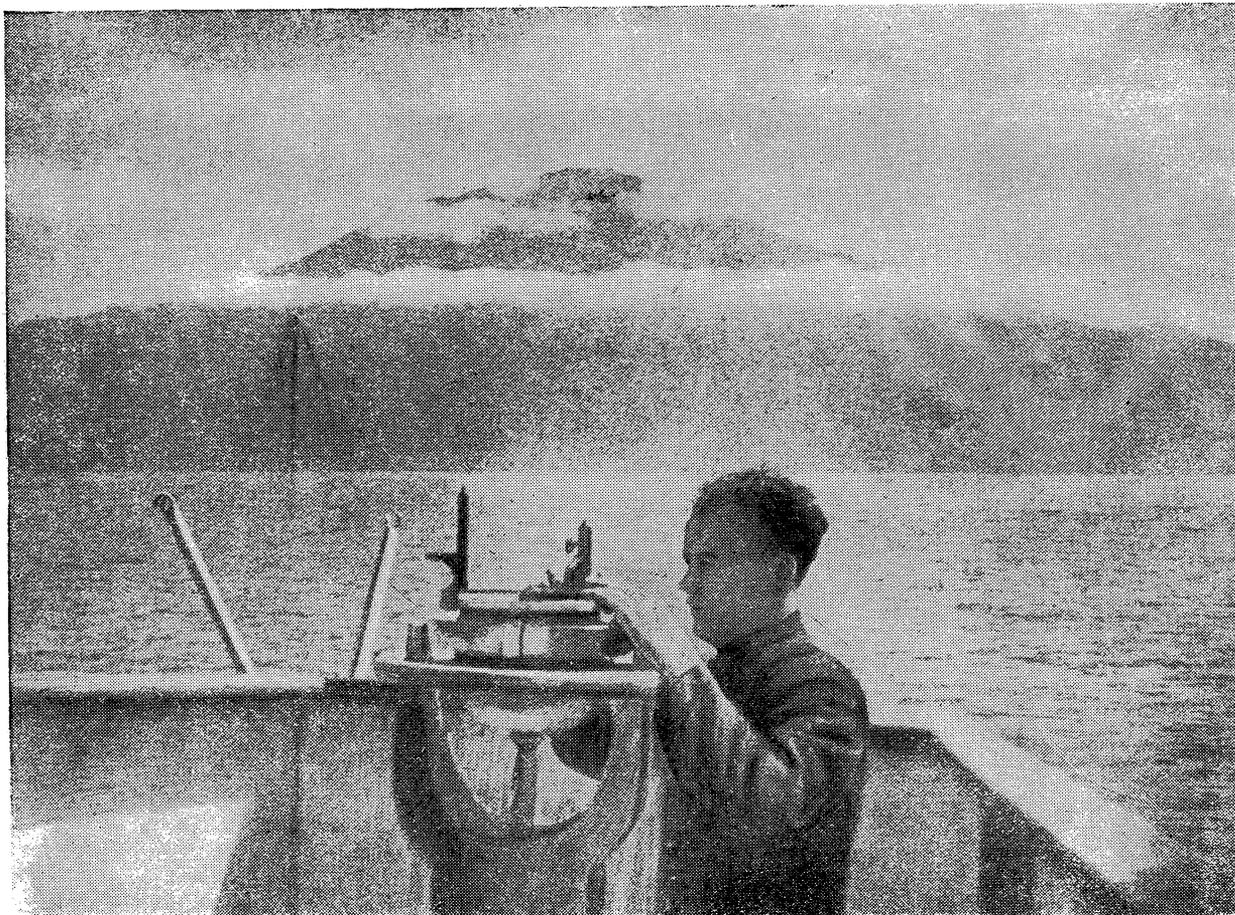
Живет население очень бедно. Связи с внешним миром почти нет. Суда заходят сюда не регулярно. За

Местный радиоузел передает: «Через несколько минут на палубу будет поднят первый кит»

Радость, охватившую весь экипаж, трудно передать. Все бегут на корму, куда подходит китобоец. Многие члены экипажа видят кита впервые. Его поднимают на палубу. Это финвал.

Вслед за ним подбили китов китобойцы «Слава-2» и «Слава-5».

Настало время показать, как подготовлены все механизмы и агрегаты к промыслу, как мы готовы к обработке продукции.

Пользуясь хорошей погодой, штурман базы Я. Ф. Тифанов определяет место нахождения флотилии.

весь прошлый год были только три парохода. Жители ощущают большой недостаток в одежде и хлебе.

24 января

В 14.00 флотилия покидает остров Тристан-да-Кунья. Все жители перешли на свои большие весельные лодки и, отойдя на некоторое расстояние, дружно трижды прокричали «ура». Наш пароход тремя гудками ответил на это приветствие, поднял якорь и двинулся в дальнейший путь.

Мы подошли к району, где можно было начать промысел. Капитанам китобойных судов дана команда начать бить зверя. Но погода не благоприятствует промыслу. Дует сильный ветер, до 13 метров в секунду. Большие волны затрудняют охоту.

28 января

Раннее утро. Владимир Иванович быстро проходит по всем каютам.

— Убили кита, — радостно сообщает он. — Сейчас китобоец «Слава-4» пришвартует его к нам.

В отличие от других пород китов, финвалы питаются наряду с планктонными беспозвоночными и мелкой рыбой, в частности, сельдью.

Финвал — это второй по величине кит, который водится в Антарктике. Длина его в среднем достигает 26 метров, а в северной части Тихого океана, где промысловая наша флотилия «Алеут», не превышает 22 метров. Самки несколько больше самцов и дают больше жира.

Мясо кита съедобно, в чем все члены экипажа могли убедиться позже. На обед во время охоты нам нередко подавалось очень вкусное жаркое или котлеты из китового мяса.

К вечеру наши китобойцы забили шесть китов.

Всю ночь на палубе судна-базы и на заводе идет напряженная работа. Никто не спит. Владимир Иванович ходит по палубе, дает указания о работе.

(Продолжение следует)

Встреча у ключа ДЖАЙРАН

ФЕД. МАЛОВ

Днем жара так и валит с ног. Мы выехали из Аскиза уже совсем под вечер, с великим трудом проехали глухой степью километров тридцать и совершенно обессиленные сделали привал у ключа Джайран.

Дорога была тяжелой. Пыль, одуряющая духота... Усталые кони спотыкались о камни, от запаха выгорающей пыли не переставая болела голова и непреодолимо клонило в сон. Задремлешь, и так качнешься в седле, что еле-еле удержишься... Для меня этот степной перегон был настоящим испытанием. И вот желанный отдых, остановка.

Я расседлал коня, набрал охапку сухой таволги и развел костер. Мой спутник, Албанах Чаптыгашев, согнул кусок проволоки, поднятой на дороге, и повесил на него солдатский котелок. Летняя ночь только начиналась. Но в степи уже стояла та глухая, непроницаемо-таинственная тишина, какая бывает обычно перед самым рассветом.

По усыпанному галькой берегу я спустился к роднику и освежил лицо студеной ключевой водой.

Ключ бил под базальтовой скалой в лощине. Вверху, на узком каменном выступе темнел пустой шалаш. Его кособокий, незакрытый лаз был обращен к дороге и, освещенный нашим костром, жутко зиял, словно раскрытая пасть. Я обогнул скалу, у подножия которой рос густой джидингиль, и с новой ношей таволги и карагана вернулся к своему костру.

Ключ Джайран—ворота и в долину Абакана и на высокогорные пастбища Сайлюгем-Дабан-тайги. Отсюда расходятся труднейшие выючные тропы в глухие нагорья Карачити-таг, то есть Семи черных гор, к рудникам, факториям и займакам

Западных Саян. На восток, к Улук-Кему, или Великой реке, как называют Енисей хакасы, отсюда уходит довольно оживленный тракт Ташгып—Абакан—Мирусинск, пересекающий обширнейшие абаканские степи. Раньше в этих степях бродили только редкие стада кочевников, а теперь здесь расположены мощные машинно-тракторные станции, животноводческие и зерновые совхозы, конские заводы и многочисленные хакаские колхозы с их несчетными стадами и обширнейшими посевами пшеницы, ячменя, ржи, технических культур.

Летом по тракту везут хлеб, шерсть, пушнину и кожу. Зимой перегоняют многочисленные гурты скота. Автоколонны и конные обозы треста «Хакасолото» провозят мимо ключа Джайран тысячи тонн всевозможных грузов.

Всадники поят здесь коней, шоферы заливают радиаторы, моют пыленные машины, запасаются впрок превосходной водой. И зимой неплохо отдохнуть тут. В степи мутит и воют темные песчаные бури, свирепый ветер сечет по лицу песком и колючей крупой, валит с ног усталого коня, переметает тяжелую дорогу. А тут и ветра нет и тихо. Тут и водопой и жаркий джидингиль под рукой. Случается, пережидая непогоду, и всадник и пешеход проводят сутки у ключа Джайран.

— Заезжий домик здесь пришелся бы, пожалуй, кстати, — сказал я, указывая на покинутый шалаш.

Албанах Чаптыгашев посмотрел на меня и снова наклонился к таганку.

— Двор и мы хотели здесь поставить, да помешала война. Теперь, пожалуй, постоянным двором уже не отделаешься. С осени, поговарива-

ют, станцию тут строить собираются. В этих местах проходит, как вы знаете, новая Южно-Сибирская железнодорожная магистраль. Через год-другой тут, пожалуй, целый город вырастет. Ключа Джайран тогда и не узнаешь. — Он замолчал и задумчиво посмотрел вверх на глухое, темное небо.

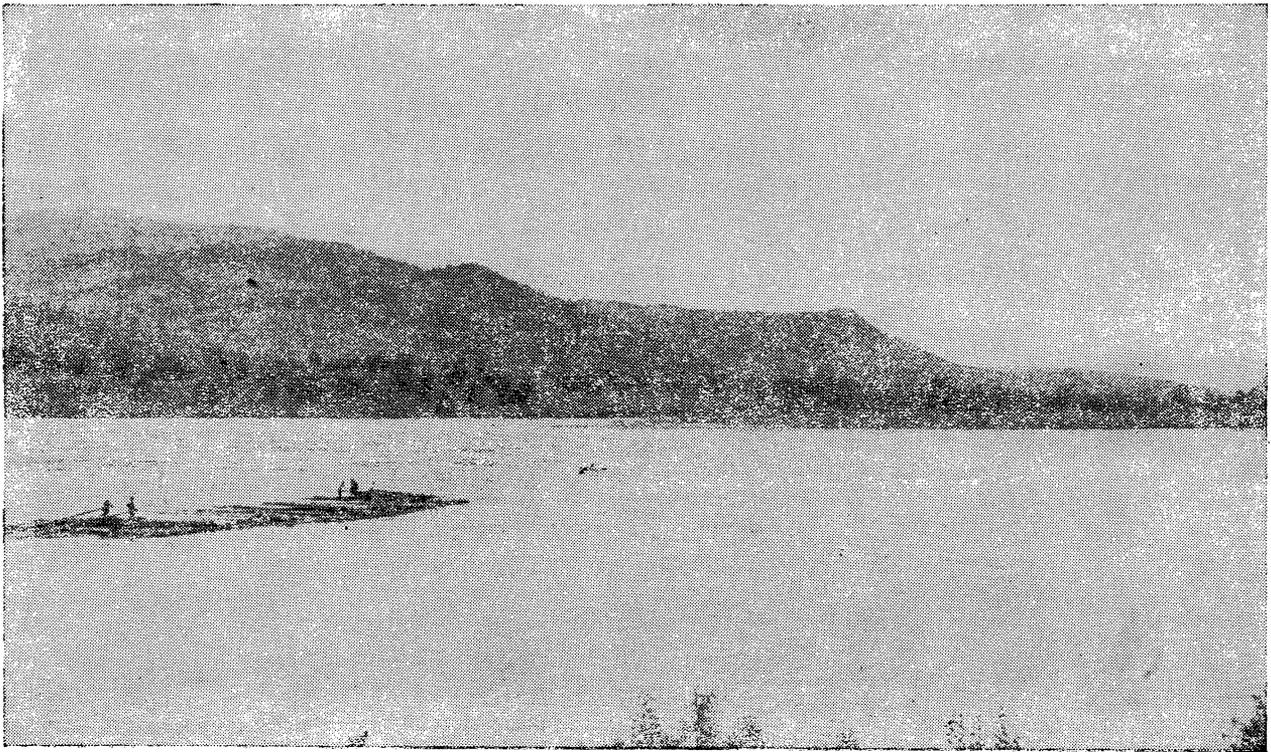
Высокие летние звезды светились гускло, их застигала ползущая по небу муть. Сверху сеялась мельчайшая, похожая на металлическую, серая въедливая пыль, которую заносило сюда высокими воздушными течениями из великих пустынь Центральной Азии.

В такие ночи в степи не бывает россы. Раскаленные за день камни, окрестные скалы, холмы, голые солончаки пынут жаром, как горячая лежанка, нагретый воздух не шелохнет, под высоким пологом странствующей по степи пыли душно, как в бане. В такие, ночи не спят даже стада.

Мы пили чай, беседовали о великих переменах в степи и за разговором не заметили, как где-то далеко возник непонятный, глухой шум. Он становился все явственней, все ближе.

Можно было уже без труда различать отдельные возникавшие в пространстве звуки. Вот что-то хлопнуло совсем рядом, и в ту же минуту за моей спиной печально заблеял ягненок. Я невольно обернулся и увидел с собой большую отару сытых породистых овец, надвигающуюся на наш костер из темноты.

Это было красивое зрелище. Щелкая тяжелыми рогами, бараны теснили ягнят и овец, сухая жесткая трава шуршала под их ногами. Миновал привал, отара свернула в сторону и повалила через ручей.

На реке Енисей.

В темноте послышались всплески воды, скрежещущий хруст гальки. Потом шум затих, и к нашему костру подошел старик в меховой монгольской шапке клином, в белом лоснящемся дождевике, с посохом пастуха в руках.

— Чай с нами пить, пожалуйста, — предложил я пастуху.

— Садись, старик, за компанию, — промолвил и Албанах Чаптыгашев и отодвинул в сторону дорожный мешок.

Старик снисходительно осмотрелся, молча опустился на землю, положил рядом свой библейский посох и снял висевшую за спиной котомку. Движения его были так же просты и естественны, как колыхание степной травы под легким ветерком.

Мы были в краю богатейших табунов и отар, в краю с многовековым опытом степного скотоводства. Здесь круглый год стада не покидают пастбищ.

В улусах самые уважаемые люди — пастухи.

Старик развязал котомку, достал внушительный кусок брынзы, пресные лепешки, лук, узелок с сушеными яблоками и, протянув мне оловянную кружку без ручки, проговорил:

— Пир вскладчину веселее.

Я налил ему чаю. Старик поставил кружку и пододвинул нам брынзу, лепешки и яблоки.

— Степной хлеб кушать, — сказал он.

Мы предложили ему сладкое, консервы. Старик снисходительно взял одну конфетку, а от остального отказался.

— Мое берите кушать—яблоки, — повторил он.

Это был известный в долине Абакана знатный чабан Картагальского овцесовхоза старый Апчиной, водивший в эти дни свою отару у ключа Джайран. Здесь у него на тырле — в обнесенной плетнем загороди — дубяные махотки с солью для баранов, здесь у него и постель из сухой травы в шалаше.

Но в это время года редко приходится Апчиною спать на покойной постели. Степные пастбища на исходе, отара рыщет и днем и ночью и нигде не находит себе места в степи. За отарой ходит и старый Апчиной. Где днюет днем, там и ночью почует. Жизнь, надо сказать, тяжелая, суровая жизнь, но к такой жизни Апчиной привык и не променяет ее ни на что. Он любит свою степную свободу, любит широкую степную тишину, привык, опираясь на палку, долгими часами стоять под раскаленным небом и думать свои неторопливые, годами выношенные, привычные думы. Все вокруг — родное, близкое, понятное с детства. В степи родился, в степи прошла вся жизнь.

Мы стреножили отдохнувших немного коней, оставили их пастись в лоштинке у ключа, а сами занялись чаем.

Старик сидел у костра, как умеют сидеть только степные люди: важно, сосредоточенно, как бы погрузив-

шись в глубокое раздумье. Спокойно посматривал на огонь, на охваченный пламенем котелок, спокойно посасывал трубку, медленно закрывал глаза. Это была годами выработанная привычка экономить движения, силу, привычка отдыхать у степного костра так же спокойно, как у себя дома за накрытым столом.

* * *

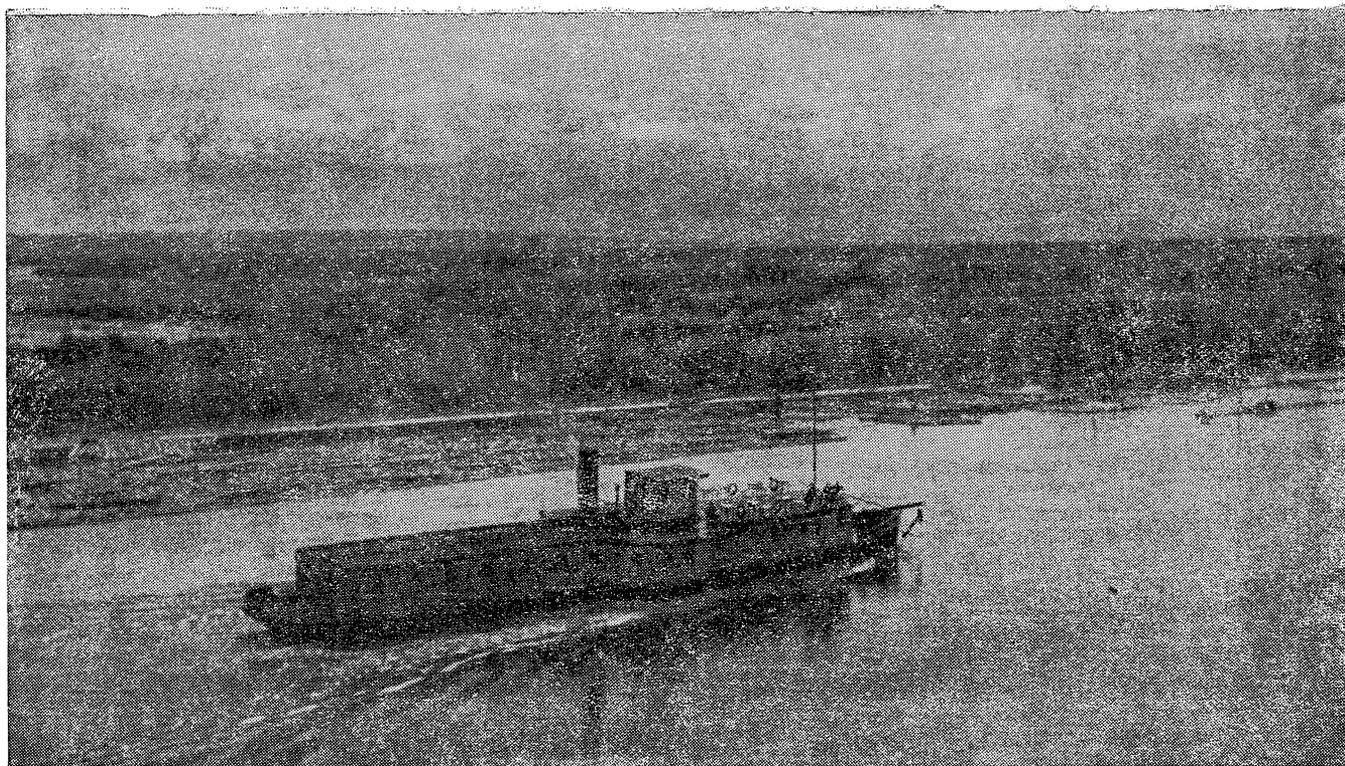
Работает Апчиной в совхозе уже больше десяти лет; шестнадцать лет состоит членом профсоюза. Бездомный степной скиталец, он пришел просить себе отару, когда на диком, каменистом берегу Абакана стояли только две палатки да у грузовика возился чумазый шофер. Под полосатым тентом стучала пишущая машинка. У берега качался ялик, колеблемый быстрым течением мочуей реки.

Апчиной смутился и не знал, куда пройти. Одна палатка была закрыта. Это был и продовольственный и материальный склад рождающегося в степи крупнейшего предприятия. У другой палатки стоял его будущий директор.

Он оглядел припелыца и осведомился:

— Откуда ты, захожий человек?

— Я тут в этой степи за старшего, — весело поклонился директору бывалый пастух Апчиной, по привычке радуясь каждой новой встрече. — Вижу — дымок, вижу — белые юрты. Дай, думаю, гостем наведеюсь. Ноги ходить привыкли. Человек я вольный. Вот и пришел.

Река Абакан у впадения в Енисей.

Фото С. Фридланда

— О, мы гостям рады! — И директор подал пастуху руку.

С тех пор много воды утекло в могучем Абакане, много перемен видела степь. Там, где качался на волне легкий ялик, выросла большая пристань с катерами, складами, пакугаузами, узкоколейкой, двухэтажным зданием конторы. На берегу, повыше пристани, возник кинучий городок со своей электростанцией, кинотеатром, школой, радиоузлом, больницей, мастерскими, с широкими, прямыми улицами, засаженными красивыми деревьями.

Это была центральная усадьба совхоза, вокруг которой протянулись в степи наполненные водой арыки, появились нивы, огороды, плантации, зеленые луга, выросли богатые степные улусы. И там, где бывало лишь изредка увидишь, как проскачет по выжженным просторам лихой степной табунщик, теперь пахали, сеяли, косили, жали, молотили неутомимые, могучие машины. Шли обозы с хлебом, сахарной свеклой, картофелем, с различными сельскохозяйственным сырьем.

Раньше в этих выжженных предгорьях Кара-чиги-таг хакасы и земледелием-то совсем не занимались. Появлялись в степи со своими стадами и юртами только весной да осенью, когда поздние, предзимние дожди оживляли выжженные пастбища. Теперь в каждом улусе есть свои бахчи, свои огороды.

Главным строителем жизни в безводных приабаканских степях была вода, а воду помогли провести в

степь большевики. За годы советской власти в долине Абакана построены пятьдесят две оросительные системы с двумястами девяносто семью магистральными каналами. Только две ирригационные системы: Уйская и Усть-Есинская, оборудованные современными гидротехническими установками, орошают свыше тридцати тысяч гектаров плодороднейших земель.

Весной 1946 года хакаские хлеборобы закончили проведение нового крупнейшего ирригационного Абаканского канала, в сооружении которого участвовали тысячи людей. Это была большая народная стройка, над которой шефствовал хакаский комсомол. На трассе Абаканского канала можно было встретить жителей дремучей тайги и гор, жителей широких степей и горожан.

С постройкой этого канала живтворные воды могучего Абакана устремились в засушливую Уйбатскую степь, где расположены самые крупные пригородные хозяйства и орсы Черногорского угольного бассейна, где раскинулись неогромные поля зерновых и животноводческих совхозов, поля уйбатских колхозников.

Апчиной рассказывает, как была проведена вода в степь из реки Абакан. В годы войны с немецкими захватчиками, в дни самой крутой военной страды задумали хакасы построить этот большой канал. По степным занямкам, пастушеским становищам, по степным улусам и фермам разъехались партийные агитаторы из районов, из области и

стали поднимать людей на борьбу за воду.

И в плодородную, но засушливую Уйбатскую степь пришли люди с заступами и тачками. Это были землекопы из Таштыпа, плотники с Верхнего Арбата, из Качинской тайги, возчики с берегов тихой степной реки Сон. Большую помощь оказали строителям черногорские шахтеры, крепко помог областной центр Хакассии—город Абакан. Работали на канале могучие гусеничные тракторы с особыми устройствами для выемки грунта, механические транспортеры, канавокопатели.

Когда в степь пришла вода, ожили, зазелепели выгоравшие раньше просторы. Переменился вид степи, где ничего не росло раньше. Зазеленела она, расцвела.

За годы советской власти сильно изменилась жизнь и Апчиной, степного пастуха. Раньше Апчиной пастбайские отары, жил в холодной юрте. Лечил Апчиной старый, прихрамывающий шаман Ужга-Ураза, приходивший обычно по вечерам с огромным, увешанным железками и ремешками кистями бубном.

Теперь Апчиною выдают больничный лист, посылают то на курорт, то в санаторий, лечат грязевыми ваннами, солеными водами, синим светом. В прошлом году, когда нужно было ехать на станцию, директор совхоза прислал Апчиною свою легковую машину; на этой машине и обратно с курорта привезли пастуха. Живет теперь Апчиной полной жизнью: свой домик, сад, свои

бараны, своя суконная шуба на лиф-ем меху. Советская власть помогла найти пристанище степному горемыке Апчиною.

Хороший пастух Апчиной! Он водит свою отару так, как молодым и в голсу не придет. Распускает ее цепочкой, сбивает в плотную кулигу, разворачивает широким фронтом. В голове отары ходит хитрый, умный козел Арга-Хан—вожак толковый, спокойный, храбрый.

Прекрасна и обильна родина Апчиной! Есть куда с отарой пойти. Хакассия — страна могучих рек и могучей тайги, страна неприступных гор и необъятных степных просторов, где есть великолепные пастбища! Летом прохладные горные ветры умеряют жару, мешают размножаться оводу. Зимой ветры дуют с гор, дуют из тайги, начисто выдувают весь снег и в степи и по горным склонам, будто хорошей метлой заметают долины и займища.

И многочисленные табуны, гурты и отары кормятся и жиреют на зимних пастбищах.

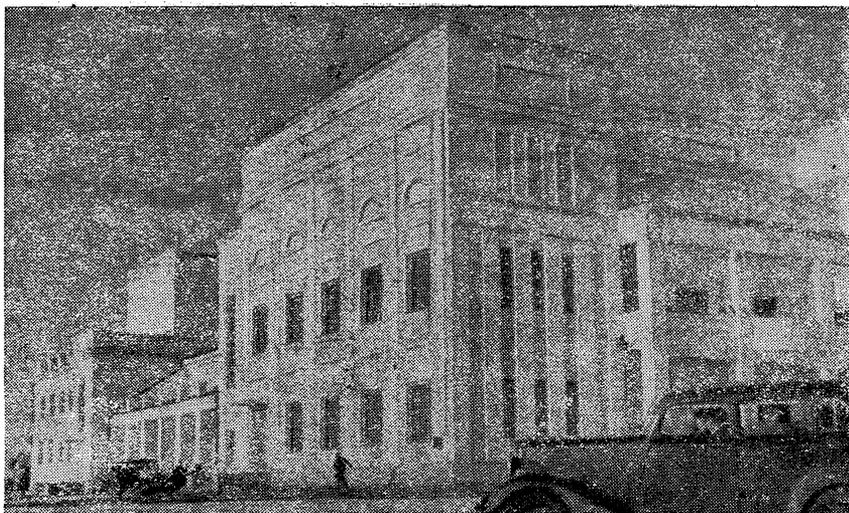
Пастухи здесь не знают, что такое гололедица.

Весной на северных склонах гор еще мегут бураны и пурга, лежат огромные сугробы снега. А с южной стороны склоны этих же самых гор уже покрыты густой, обильной зеленью. Здесь цветут луга, деревья и кусты, у выставленных ульев жужжат пчелы. Через месяц здесь все выжжено, убито солнцем, жизнь держится только возле ручьев, арыков. Зато на северных склонах гор широко, привольно зеленеют и цветут дубравы, не замирая, бьют из скал прозрачные источники. И стада находят здесь теперь и корм, и тень, и водопой, и защиту от горячих ветров, залетающих иногда в Хакассию через ущелья Западных Саян из Центральной Азии.

Старый Апчиной знает, когда нужно отогнать отару в горы, в тайгу, на осеннюю нажировку. Только не любил старик ходить по выбитым, захоженным местам.

Никто не водил отары за недосыгаемый Кенджик-Дабан-тайгу, на снеговую вершину которой садятся по вечерам уставшие облака. Не было прохода через те неприступные горы даже для самых отчаянных и бесстрашных. Камни, теснины, скалы, внезапные снежные обвалы, угрюмые гольцы. Но осилил, одолел их старый Апчиной. Как ни тяжело, а своего добился, провел своих баранов по опасным ущельям и перевалам!..

В тот год пригнал Апчиной домой осенью отменных баранов. Нагулянные, с толстыми, отвисшими шеями, с пышным волнистым руном, упитанные, они вызвали неподдельное восхищение всех картагальских пастухов. Еще больше стала расти с тех пор слава Апчиной. С тех пор светлая медаль, свидетельство трудовой доблести, украшает грудь старого пастуха.

Абакан. Областной дом культуры.

По примеру Апчиной стали уходить со своими стадами на новые пастбища за Кенджик-Дабан-тайгу и другие пастухи. Но в прошлом году большим весенним оползнем засыпало скотопрогонную тропу. Путь на привольные высокогорные пастбища оказался закрытым.

Апчиной не спал несколько дней, ходил озабоченный. Однажды он сидел у дорожки и покуривал трубку. Рядом, в неширокой изогнутой долинке паслась его отара.

— Добрый день, старик — поздоровался с Апчиной подвехавший молодой всадник. — О чем задумался?

Это был секретарь комсомольской организации из соседнего колхоза, Гавря Карачаков. Старик рассказал ему о своей заботе. Гаврю за дело за живое: отары и табуны его колхоза тоже паслись на субальпийских лугах Кенджик-Дабан-тайги.

— Ну, что ж! — сказал Гавря, выслушав старика. — Прежде чем залезть в нору, нужно посмотреть, где выход.

Приехав в улус, Гавря осмотрел ружье, приготовил походную сумку, положил в нее бараннины, хлеба. На следующий день, чем свет, комсомолец отправился в горы. Три дня бродил Гавря по горным и таежным увалам, раменям, перевалам, распадкам, осматривая все пастбища, все водопой, глухие перегонные тропки. Луга и полянки были уже в полном цвету, и Гавря решил поднять людей на расчистку завала. Возвращаясь домой, он снова навещал Апчиной в степи.

— Много там работы? — спросил старик.

— Завален весь проход в больших скалах.

— Весь проход в скалах Уй-Чек?

— Да.

— Ну, если камень нужно поднять — он не тяжел, — сказал старик Гавре.

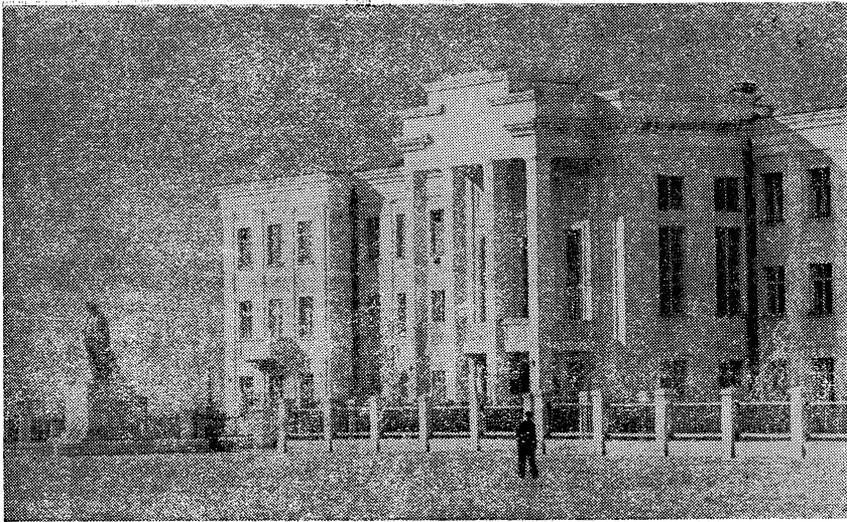
Дней через шесть в тесном скалистом ущелье Уй-Чек не покладая рук трудились люди, пришедшие из степных предгорий Кара-чиги-таг. Время стояло жаркое, солнце палило нестерпимо, ветра не было. Нагретые солнцем камни обжигали руки. Люди обливались потом, изнемогали от жары, но не выпускали из рук мотыг, кетменей, заступов.

Несколько дней подряд работали картагальцы и колхозники улуса Кара-сук в гранитных скалах Уй-Чек. Завал был расчищен, и по дну глубокого ущелья пролегла тропа, по которой можно было провести в горы стада. Это была крупная победа скотоводов из предгорий Кара-чиги-таг.

Однако с расчисткой теснины Уй-Чек работа была еще далеко не закончена. Скотопрогонный путь проходил среди суровых, диких гор, таских, каменных гольцов на протяжении многих десятков километров. Много еще нужно было потрудиться, чтобы расчистить весь путь на прекрасные пастбища. За эту работу взялись комсомольцы, взялась отважная хакасская молодежь.

Отпустив в степь взрослых совхозников и колхозников, комсомольцы направились в глубь горной тайги. Чем дальше забирались они в горы, тем богаче и разнообразнее становились пастбища. Теперь по широким горным склонам уже зеленели обширные луговины и полянки, заросшие густой высокой травой, пестревшие голубыми аконитами, пышными эдельвейсами, белой, желтой, голубой алгайской фиалкой. На одной из таких полянок и встретил комсомольцев старый Апчиной, пришедший разведать пастбища.

— Ну, вот и пришли, — похвалил он комсомольцев. — Когда у коня ноги резвы — и тяжелый путь нипочем, а когда человек отважен — любое дело ему нипочем. Любовь да терпение горы велят..

Абакан. Дом Советов.

* * *

— А кто же доставляет вам сюда провизию? — спросил я старика.

Апчиной убрал остатки завтрака в котомку.

— Фургон есть. Человек такой есть: развозит. А на-днях вот внучка приезжала, Хара-Пала. Хлеба привозила, брынзы, табачку... Подвоят, раздают. Без хлеба в степи не бываем.

— Как же внучка-то отыскала?

Старик с довольной улыбкой посмотрел на меня.

— Рыба в море не пропадет, орел в степи не потеряется, — проговорил он, прочищая трубку. — Хотела ночевать с дедом в шалаше, а стало смеркаться — вскочила на коня и домой!.. К матери. Девчонка, малолеток...

— Малолеток, а наездница? — удивился я.

— Нельзя здесь без коня. Степь, — сказал старик.

— Да, у нас так, — подтвердил Албанах Чаптыгашев. — Здесь у нас ездить мастера, любители. Не ездят только там, где коню пути нет.

Мы были в краю ловких джигитов, в краю великодушных наездников. Здесь все на коне, все в седле. Девушки, пастухи, доярки, учителя, агрономы, партийные агитаторы, работники торговой сети. И в горах, и в степи, и в тайге — повсюду встречали мы всадников. В аптеку, в школу, в тракторный отряд, к швец в соседний улус, на прополку свекловичной плантации здесь едут верхом. Недаром в степях есть поговорка: «У нас не ездят верхом только двое: неродившийся да мертвый».

Старик подвязал котомку, взял посох и поднялся. Он простился с нами и пошел к своей отаре, которая паслась в лощине за ручьем. В степи кончался месяц «ай-ота» — месяц зеленой травы и сочных паст-

бищ. Наступал месяц «ай-ортаг» — месяц сенокоса и жатвы, пора самой большой жары. В степи дело сделано. Настало время уходить в горы, на пастбища Кенджик-Дабантайги.

Увязали свои кошелки и вьюки и мы и выехали на большой автомобильный тракт.

Долина Абакана — долина-книга. Древние поэты, моралисты, законодатели, баснописцы, народные вожди оставили здесь немало вдохновенных эпитафий, гражданских и всенных повелений, остроумных шуток, эпиграмм, наставлений жигейской мудрости, высеченных на камнях и на окрестных скалах. В этих удивительных по своей красоте и силе текстах восхваляется мужество, доблесть, храбрость, воспевается величие родной природы.

Есть камни-поэмы, камни-басни, камни-шутки, семейные хроники, международные акты. Камни ликования и скорби. Камни гнева и милосердия. Они стоят, эти древние камни, и в степи, среди многочисленных древних могил и курганов, стоят и на пустынных берегах могучего Абакана, по окрестностям тихих хакасских улусов, по зеленому предгорью Западных Саян.

* * *

В ковыльной лощине, у подножия величественной горы Джалал-Чайлыш-тау встретились мы с молодой табунщицей Сарыгас Чебодаевой. Эта двадцатитрехлетняя комсомолка во время войны заменяла мужа, ушедшего на фронт.

Она уверенно, даже молодцевато, держалась в плоском монгольском седле, ловко хлопала длинной плетью и покрикивала на коней: «О, гей! Гей!» За плечами у Сарыгас висел старенький дробовик. Албанах Чаптыгашев окликнул табунщицу и стал расспрашивать ее о делах колхоза. Сарыгас отвечала ему

толково, с подробностями, потом и сама спросила:

— Готовы ли для нас комбайны?..

Мы решили осмотреть табун и, стреножив своих коней, направились за молодой табунщицей по ковыльной лощине.

В табуне, который пасла Сарыгас, кони были местной, «минусинской» породы. Любитель выхолощенного, красивого коня, с изящным, мягко выполненным экстерьером, пожалуй, снисходительно улыбнулся бы, увидев этих поджарых, какой-то песочной масти лошадок с крепкими, мохлястыми ногами. Но «минусинка» удивительно нетребовательная и выносливая лошадь. Она легко пробегает под седлом до ста километров в сутки, легко переносит и самые лютейшие сибирские морозы и адский зной приабаканских степей. Это типичная степная лошадь.

Бережно хранит Сарыгас пачку писем, перевязанных голубой ленточкой. Это письма от советских конников, письма с фронта, полученные в годы войны. В них советские кавалеристы с благодарностью отзываются о конях из далекого хакасского колхоза. В будничном и боевом обиходе кавалерийского эскадрона работяга-«минусинка» не имеет конкурентов.

— Кони нынче у нас сытые, жировые, — говорила Сарыгас.

Летом она пасет свой табун на привольных пастбищах у подножия Джалал-Чайлыш-тау. Но потом она поведет своих коней в тайгу, где и пробудет до самой осени.

Осенью, по возвращении коней из тайги, в степи празднуется «Кун-уйрат» или «День возвращения». Это самый большой и самый веселый праздник степных коневодов, пастухов и гуртовщиков. В этот день у околицы улуса колхозники поставят стол, на высоком шесте поднимут красный флаг.

Поднятие флага и считается началом праздника. Гремит оркестр, в воздух летят шапки, раздаются крики «ура», веселые возгласы.

За столом — члены сельсовета, члены правления колхоза, местная интеллигенция, знатные чабаны, доярки, хлеборобы. Особая комиссия из представителей райисполкома, специалистов сельского хозяйства проводит осмотр, обмер, оценку коней. Затем устраиваются рысистые и скаковые состязания. Выдаются призовые свидетельства на коней-победителей. Лучшего коня украшают лентами, цветными попонами и под музыку проводят перед рукоплещущими гостями.

Заканчивается «Кун-уйрат» — ставятся столы с угощением, начинаются песни и пляски и веселые игры на широком лугу, забавы, борьба силачей. Табунщик — самый почетный гость за праздничным столом. Ему первый стакан арьяна, ему первый кусок баранины. Лучшего табунщика качают, поздравляют, чествуют. Какой-нибудь пожилой,

бывалый пастух, вроде Апчиноя, выступит с праздничной речью за почетным столом.

— Мы, пастухи, у живого дела стоим, у заботливого, — скажет он, провозглашая здравицу за табунщиков, чабанов, гуртоправов. — Посеявший успокоится, когда урожай соберет, а пастух — когда умрет.

Весело гуляют на «Кун-уйрате».

— Вы тут не одна, Сарыгас? — спрашиваю я табунщицу.

— В степи, у табуна? Одна, конечно, — сказала Сарыгас. — Бригадой здесь в степи нечего делать.

— Но у пастухов есть подпаски?

— У табунщика нет никого...

Табунщик постоянно в седле. Вся его жизнь проходит верхом, в постоянных степных переездах. И в жаркий летний полдень, и под ледяным январским ветром неотлучно сопровождает свой табун Сарыгас. Без отдыха, без пристанища, без смены. Ночью кони дремлют. Но сон табунщика в степи не крепок. Прикурнет на полчаса Сарыгас, не выпуская из рук поводьев оседланной лошади, — и снова на коня.

Жесткое монгольское седло, котелок, сумка с провиантом, старый дробовик — вот и все имущество табунщика. Такая жизнь требует выносливости, привычки, сильной воли.

Как-то осенью, при первой пороше, на табун напали волки. Без ружья (дробовика тогда еще не было), с одной выхваченной из костра пылающей головней Сарыгас отогнала опасных хищников, увела табун в скалистое ущелье Кем-Кемчик-бэм. Здесь молодая табунщица развела три костра, всю ночь поддерживала огонь, не сомкнула глаз до самого утра. Потом волчью стаю обложили охотники в предгорьях Кара-Чити-таг. Много старых, матерых волчиц с выводками убили отважные охотники по заснеженным холмам и балкам пустынного предгорья. А вот той ночью с большой волчьей стаей справилась одна безоружная комсомолка.

— Но ведь ваша работа — мужская работа, — говорю я Сарыгас.

— Да, я приняла табун от Олаха, когда он уходил на фронт, — сказала Сарыгас, поправляя за плечами дробовик. — Приняла сначала временно: комсомольская организация поручила.

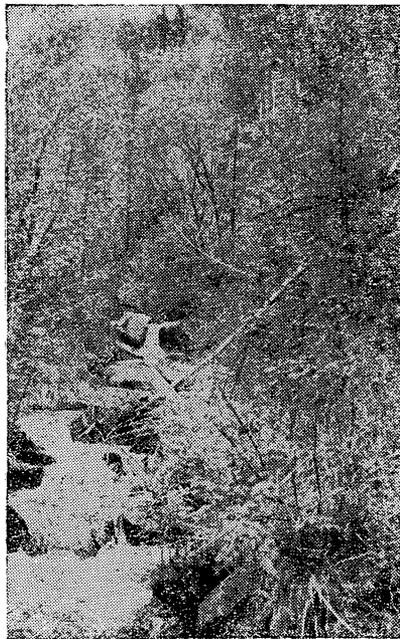
— Ну да, во время войны в этом была необходимость.

— А теперь я уж привыкла...

В улусе у Сарыгас муж, Олах, да свекровь — Пичо. Вернулся Олах с войны инвалидом, уже не мог работать с табунном. Жене он посоветовал перейти на ферму дояркой.

Утро на реке Енхэй.

Хакассия. В горной тайге.

Но подумала подумала Сарыгас — и осталась табунщицей. За детьми присмотрит старуха, муж, ставший колхозным счетоводом, тоже при нужде поможет в домашнем хозяйстве. К седлу Сарыгас привыкла, в работе появилась сноровка...

В дни комсомольских собраний за

Сарыгас присылают нарочного. Этого нарочный и остается на несколько дней у табуна, а Сарыгас скачет на коне в улус, надевает хорошее, праздничное платье, достает из укладки новые туфли, подвязывает черные бусы — их подарил Олах еще перед свадьбой.

Собрание проводит секретарь комсомольской организации Олах Чебодаев. Сарыгас сидит рядом с мужем, внимательно слушает выступающих, а потом и сама выходит и тоже держит слово о хозяйственных делах.

Собрание кончается уже затемно. Идут Сарыгас с Олахом по широкой улице своего улуса. Тихие звезды горят в недосыгаемой вышине. Сарыгас родилась в юрте. В юрте провел свое детство и Олах. Теперь они живут в теплой бревенчатой избе с окнами, дверями, с глиняной лежанкой, с деревянным крыльцом. В улусе своя школа, своя аптека, лавка сельпо, хорошая изба-читальня. В избу-читальню часто приезжает кинопередвижка. Под горой, при выезде из улуса, зеленеет обширный колхозный сад. В этом саду растут антоновка, белый налив, крыжовник, груши, сливы, стоят ульи.

В нескольких километрах от улуса уже протянулась по степи широкая песчаная насыпь, еще не покрытая рельсами. Это новое полотно строящейся Южно-Сибирской железнодорожной магистрали — большой народной стройки текущей пятилетки. В краю древних хакасских степей скоро загудят паровозы, загрохочут тяжелые поезда с металлом, углем, хлебом, с продуктами животноводства. В краю хлеба и мяса вырастут новые заводы, новые шахты, рудники, электростанции, фабрики; в яркой россыпи огней поднимутся молодые кипучие города с многотысячным населением. И тогда обширнейший этот и пустынный край станет одним из самых богатых и культурных в нашей Советской стране.

— Смотри, звезда падает, — говорит мужу Сарыгас.

Хороши летние ночи в хакасских степях! Тишина кругом, покой и безмолвие. Лишь изредка прошуршит в траве вышедший на добычу суслик — и снова непоколебимая тишина. Иногда далеко-далеко вспыхнет где-нибудь на холме алый огонек пастушеского костра, вспыхнет и опять надолго пропадет, чтобы потом неожиданно разгореться снова. В такие минуты уснувшая степь кажется бескрайним океаном. И думы приходят такие же большие и широкие, как эти просторы степные...

Обновленная земля

С. ВЛАДИМИРОВ, В. ЕЛАГИН

(Вехи великих преобразований)

Рис. Л. Таранова

В любой книге о России, вышедшей до Великой Октябрьской социалистической революции, в любой энциклопедии приводились данные об огромной территории Российской империи, о ее бескрайних лесах, об озерах, степях, морях, о несметных богатствах, тающихся в недрах земли. Великий русский химик Д. И. Менделеев писал.

«Недра нашей земли чрезвычайно богаты ископаемыми... не вдаваясь ни в какие подробности, я скажу, что либо видел сам, либо узнал очень многое о запасах этого рода во многих других странах мира, а в результате с полной уверенностью утверждаю, что не будь разного рода стесняющих обстоятельств... мы могли бы залить нефтью весь свет, каменным углем не только снабдить себя в изобилии..., но и отопить многие части Европы..., а железные руды могли бы превратить в такое количество чугуна, железа и стали, с ка-

кими не могли бы соперничать не только Англия и Германия..., но и Северо-Американские Соединенные Штаты».

Но проекты Менделеева были оценены царским правительством как «профессорские мечтания». Невыполнимыми были и проекты Тимирязева, пытавшегося улучшить агротехнику крестьянского хозяйства, и многих других ученых, стремившихся полнее изучить и использовать наши естественные богатства.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед народом все клады земли, все богатства гор, вод, степей и лесов.

За тридцать лет советской власти мы хорошо узнали нашу землю, научились продуктивно использовать ее богатства, властно вмешались в жизнь природы и в во многом изменили географию страны.

М. В. Ломоносов.

Д. И. Менделеев.

В. В. Докучаев.

Освоение новых земель

«У нас часто говорят, что мы уже разрешили зерновую проблему. Это, конечно, верно, если иметь в виду нынешний переживаемый нами период... Но мы не можем ограничиваться только сегодняшним днем. Мы должны думать и о завтрашнем дне, о ближайшем будущем. А если посмотреть на дело с точки зрения завтрашнего дня, то достигнутые результаты нас не могут удовлетворить. Сколько потребуется нам зерна в ближайшем будущем, скажем, года через три-четыре? Нам потребуется не менее 7—8 миллиардов пудов зерна. Вот как обстоит дело, товарищи. Стало быть, мы должны уже теперь принять меры к тому, чтобы производство хлеба росло у нас из года в год и чтобы мы оказались к этому сроку вполне подготовленными к выполнению этой важнейшей задачи».

И. СТАЛИН

Наша страна занимает территорию свыше 22 миллионов квадратных километров, или свыше 2 200 миллионов гектаров. Чтобы обойти нашу страну по ее границам, хорошему ходуку потребовалось бы более 10 лет непрерывной ходьбы. Ведь ему пришлось бы совершить путешествие примерно в 64 тысячи километров, в полтора раза больше, чем по экватору Земли.

Но не вся территория СССР пригодна для земледелия.

В нашей стране насчитывается свыше 300 миллионов гектаров тундры, свыше 150 миллионов гектаров болот, обширные пространства заняты песками, солончаками и полупустынями. Миллионы гектаров занимают леса, горы, озера, реки, населенные пункты, дороги и т. д.

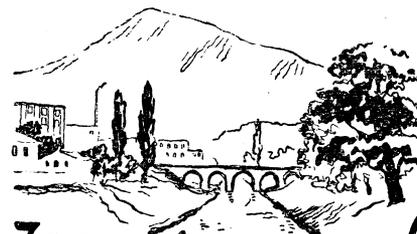
Сельским хозяйством в СССР используется только около 500 миллионов гектаров земли, причем значительная часть этой площади идет под сенокосные угодья и пастбища. Земель, пригодных сейчас под пашню, насчитывается немногим больше 200 миллионов гектаров. На этом пространстве может свободно раз двадцать уместиться такая европейская страна, как Португалия. Тем не менее площадь эта, по сравнению со всей необъятной территорией нашей страны, невелика. Вот почему у нас огромное внимание уделяется освоению новых земель.

В 1913 году в России посевные площади равнялись 105 миллионам гектаров.

В конце второй сталинской пятилетки (1937 г.) посевные площади в СССР выросли до 135 миллионов гектаров, то есть было освоено под посевы 30 миллионов гектаров новых земель.

В 1940 году посевные площади СССР равнялись 150,4 миллиона гектаров (без многолетних посадок).

За годы сталинских пятилеток сотни тысяч гектаров болот были осушены, миллионы гектаров засушливых земель орошены и облесены.

7000 километров каналов

За годы советской власти в одной только Армении сооружено 90 оросительных каналов общей длиной в 7 тысяч километров. Эти каналы позволили оросить 200 тысяч гектаров засушливых земель. Тысячи тонн хлопка, фруктов, хлеба дает теперь эта земля.

Узбекское море

Советские люди научились сооружать не только заводы, дворцы, города, мощные электростанции. В годы советской власти ими созданы целые... моря! Всем теперь известны Московское и Рыбинское моря. А еще десять лет назад их не существовало на лице нашей страны.

Накануне Великой Отечественной войны возникло еще одно искусственное море—Узбекское. Его создали узбекские колхозники на самой границе знойной пустыни Кызыл-Кум. Больше 100 тысяч колхозников собралось на строительство этого моря. Высокая плотина перерезала реку Зеравшан и сбросила 670 миллионов кубометров воды в глубокую котловину.

Так образовалось море в засушливой полупустыне. Воды этого моря оросят более 250 тысяч гектаров земли.

В пустынной степи возникнут пышные сады, плантации хлопка, бахчи, посевы хлебов.

Известный советский селекционер академик Н. В. Рудницкий.

Герой Социалистического Труда колхозник М. Озерный.

Герой Социалистического Труда колхозник П. Ф. Баривода.

Выступая на XVII партийном съезде с отчетным докладом, Иосиф Виссарионович Сталин говорил:

«В так называемой потребительской полосе имеется около 5 миллионов гектаров целинных земель, покрытых кустарником. Известно, что климат в этой полосе неплохой, осадков немало, засухи не бывает. Если очистить эти земли от кустарника и произвести ряд мероприятий организационного характера, можно будет получить громадный район зерновых культур, могущий дать товарного зерна при обычной большой урожайности в этих местах не меньше, чем дает теперь Нижняя или Средняя Волга. Это было бы большим подспорьем для северных промышленных центров».

Сейчас от кустарников, о которых говорил товарищ Сталин, не осталось и следа. На их месте шумят тучные нивы. Пять миллионов гектаров земли было освоено под посевы в самых густо населенных районах страны.

Каждый метр удобной земли в Грузинской республике расценивается очень высоко. Теплый, мягкий климат республики позволяет вызревать апельсинам, лимонам, мандаринам.

Потому-то так тщательно и заботливо возделаны здесь все склоны и кручи. Но вот оказывается, что и здесь, в этой гористой местности, есть огромные болота, занимающие десятки тысяч гектаров ценной земли.

Упорно борются местные колхозники с болотами. Ежегодно сотни гектаров земли отнимают они у болот под citrusовые сады и субтропические плантации.

При осушении здешних болот применяется, кроме канав, еще один, не совсем обычный способ: посадка на заболоченных местах влаголюбивых деревьев — эвкалиптов. Деревья эти, как насосы, вытягивают влагу из почвы и испаряют ее листьями. Сотни тысяч эвкалиптов высаживаются ежегодно на болотах. Только весной этого года колхозники Колхиды высадили на заболоченных участках 2 миллиона эвкалиптов.

В восточных районах страны до сих пор еще сохранилось много целинных и залежных земель. Весной этого года в письмах к товарищу Сталину колхозники многих восточных областей и краев обещали намного увеличить посев пшеницы, главным образом за счет распашки плсдордной целины и залежей. Колхозники одного лишь Алтайского края поклялись вождю распашать

под яровую пшеницу 300 тысяч гектаров новых целинных земель.

Алтайцы с честью выполнили свое слово: они расширили посев пшеницы не на 300 тысяч гектаров, как обещали, а на 450!

ЧТО РАСТЕТ НА ОСВОЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Мы уже говорили, что за годы советской власти в СССР почти в полтора раза увеличена посевная площадь сельскохозяйственных культур. Если в 1913 году в России засева-лось 105 миллионов гектаров, то уже в 1940 году посевные площади СССР занимали 150,4 миллиона гектаров. Интересно отметить, что 105 миллионов гектаров земли в царской России засева-лись почти целиком зерновыми культурами, причем урожайность была чрезвычайно низкой. Совсем иную картину представляют собой колхоз-ные поля.

В своем отчетном докладе XVIII партийному съезду товарищ Сталин привел таблицу, в которой сопостав-лялось движение посевных площа-дей за годы 1934—1938 с дореволю-ционным 1913 годом. Вся посевная площадь по этим данным возросла в 1938 году до 136,9 миллиона гекта-ров по сравнению с 105 миллиона-ми гектаров 1913 года. Товарищ Сталин подчеркнул, что посевные площади выросли у нас по всем

культурам и прежде всего по линии кормовых, технических и огородно-бахчевых культур. «Это значит, что наше земледелие становится более квалифицированным и продуктивным...» сказал товарищ Сталин.

Колхозное земледелие добилось огромных успехов в повышении урожайности всех высеваемых культур. В СССР зарегистрированы почти все рекорды урожайности таких сельскохозяйственных культур, как пшеница, картофель, свекла, просо.

За получение высоких урожаев на больших площадях советское правительство присвоило группе колхозников-передовиков высокое звание Героя Социалистического Труда.

За годы советской власти мы не только расширили намного посевные площади, но и научились более рационально использовать освоенную землю.

В окрестностях колхоза «Партизан» (Белоруссия) лежали огромные болота, поросшие осокой и кустарником. Болота не давали возможности колхозникам расширять посевные площади. Тогда решено было осушить болота. Более 100 километров канав вырыли колхозники в болотах. Вслед за тем были уничтожены и

кустарники. Распаханная поверхность бывших болот покрылась посевами.

Около 800 гектаров земли отвоевали колхозники у болот. Болотная почва приносит обильные урожаи хлеба, овощей и технических культур.

Советские ученые и агрономы продвинули земледелие далеко за Полярный круг.

Впервые в заполярном городе Игарке, возникшем также в годы советской власти, были выращены местные огурцы только в 1930 году. Теперь свежие овощи выращиваются почти во всех крупных арктических городах, поселках и даже на зимовках.

Уже в 1940 году только в системе Главсевморпути использовалось свыше 2 тысяч квадратных метров теплиц и свыше 2 тысяч парниковых рам.

Свежих овощей было получено в том же году в Заполярье свыше 2 тысяч пудов.

В новой сталинской пятилетке должны быть проведены огромные работы по дальнейшему освоению новых

земель, по расширению посевных площадей. На 1950 год запланировано довести посевные площади в СССР до 159 миллионов гектаров. Это на 6 миллионов гектаров больше, чем засеивается в США. Это в полтора раза больше, чем засеивалось земли в России до революции, и на 20 с лишним миллионов больше, чем засеивалось в конце второй пятилетки. Чтобы осуществить эту задачу, нужно будет распахать миллионы гектаров целины, осушить дополнительно сотни тысяч гектаров болот, оросить много засушливых земель. К 1950 году по СССР будет осушено 615 тысяч гектаров заболоченных земель.

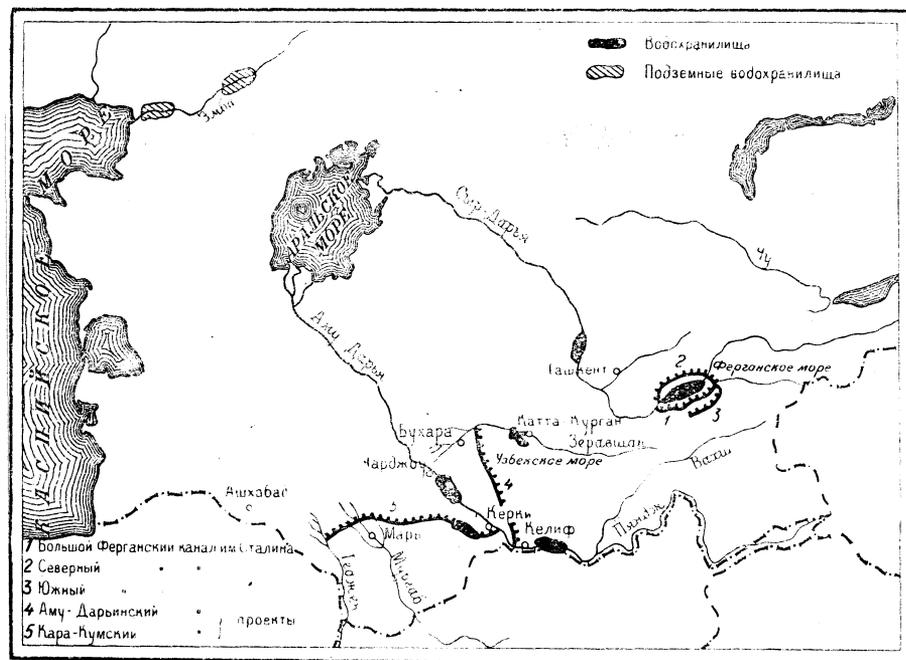
Только в Белорусской ССР подвергнутся осушению 270 тысяч гектаров болот.

Много пустынных и засушливых земель будет орошено. Только в среднеазиатских республиках площадь орошаемых земель увеличится к 1950 году на 428 тысяч гектаров. Если эту площадь засеять хлопком, то при средней урожайности в 15 центнеров хлопка-сырца с гектара можно получить урожай больше 6 миллионов центнеров.

Всего же по СССР будет орошено к 1950 году 656 тысяч гектаров новых земель.

На осушение болот и орошение засушливых земель будет израсходовано за годы новой пятилетки 2 миллиарда рублей.

Кроме того, будут раскорчеваны сотни тысяч гектаров кустарника и освоено много других неудобных земель. Там, где сегодня еще зияют овраги, дышат зноем мертвые полупустыни, зарастают осокой болота, через несколько лет зацветут сады и виноградники, раскинутся бескрайные посевы хлебов и технических культур.

Грандиозные работы по освоению земель проведены и ведутся в наших среднеазиатских республиках. Советские люди ежегодно отвоевывают у знойных пустынь все новые и новые площади под посевы. Для орошения здешних засушливых земель создаются огромные искусственные водохранилища, прорываются многокилометровые каналы. Уже действует система ферганских каналов, орошающая десятки тысяч гектаров посевов; к концу подходит сооружение Катта-Курганского водохранилища (Узбекское море); ведутся работы по сооружению Фархадской плотины на Сыр-Дарье. Ведутся изыскания и работы на трассах будущих каналов — Аму-Дарьинского и Кара-Кумского.

Клады земли

«Пойдем ныне по своему отечеству; станем осматривать положение мест и разделим к производству руд способных от неспособных; потом на способных местах поглядим примет надежных, показывающих самые места рудные...»

«Станем искать металлов, золота, серебра и прочих; станем добираться отменных камней, мраморов, аспидов и даже до изумрудов, яхонтов и алмазов. Дорога будет не скучна: в которой хотя и не везде, сокровища нас встречать станут.»

М. В. ЛОМОНОСОВ

Взгляните на эти карты. Внизу карта геологической изученности России по данным 1917 года. На странице тридцать восьмой карта геологической изученности СССР по данным 1938 года. С тех пор как была составлена эта вторая

карта, советские геологи сделали еще много важных открытий. Уже составлена и издана новая геологическая карта всего Советского Союза на 52 листах, на которой только кое-где на северных окраинах остались «белые пятна» неизученных площадей.

За 20 лет советской власти (по 1938 год) было изучено в четыре раза больше, чем за сорок лет работы геологов в царской России. С полным правом мы можем сказать, что только теперь мы заканчиваем открытие собственной

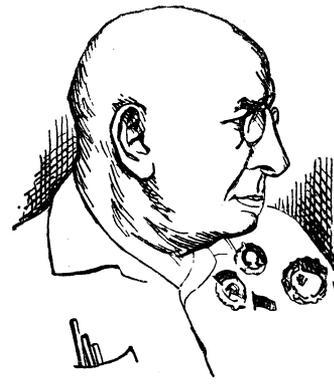
Карта геологической изученности России (по данным на 1917 г.).

Академик И. М. Губкин.

Академик И. П. Бардин.

Академик В. Р. Вильямс.

страны, изучение наших природных горнорудных и других минеральных богатств.

Коренным образом изменилась оценка наших естественных богатств. Запасов меди найдено у нас в несколько сот раз больше, чем было известно до Великой Октябрьской социалистической революции.

Советские геологи обнаружили огромные запасы богатейших никелевых руд, о существовании которых никто не подозревал тридцать лет назад.

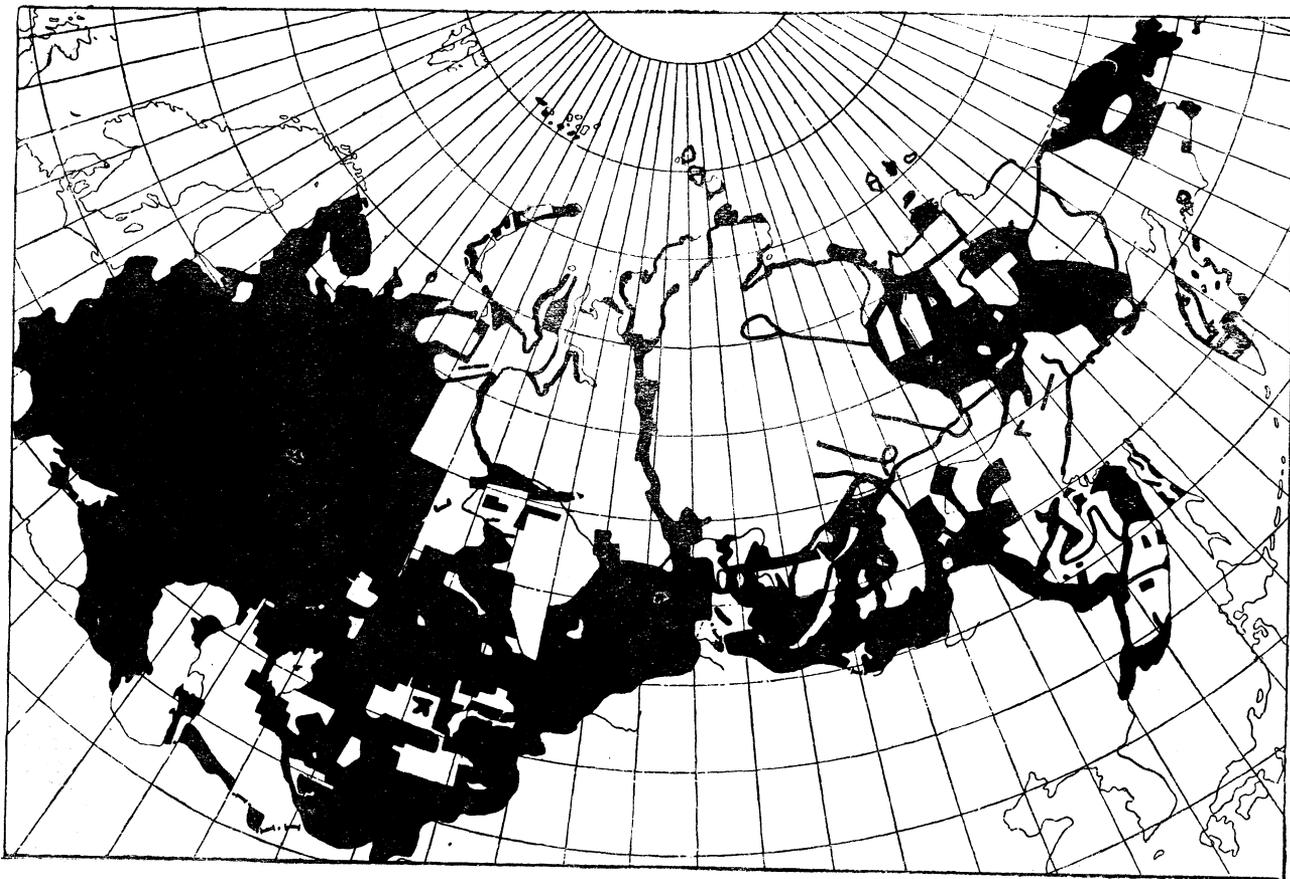
Только при советской власти были закончены изыскания в районе Кур-

ской аномалии, где удалось обнаружить залежи железных руд, содержащих больше металла, чем все остальные месторождения мира, вместе взятые.

В 1913 году геологический конгресс в Канаде определил запасы каменного угля в России в 230 миллиардов тонн, то есть всего лишь 3,2 процента от мировых запасов.

Советские геологи уже к 1937 году исправили эту цифру: они разыскали богатейшие новые месторождения каменного угля. Второй геологический конгресс, собравшийся в 1937 году в Москве, уже опре-

делил запасы угля в СССР в 1654 миллиарда тонн! Это выдвинуло СССР на второе место в мире по запасам каменного угля. Только в Геологическом отделе Академии наук к 1941 году работали над тщательным изучением нашей страны 768 ученых. До революции это отделение насчитывало всего 5—6 человек! Советскими геологами опубликовано за 27 лет (с 1917 по 1944 год) около 10 тысяч научных работ, в то время как за все годы существования Академии, с 1725 по 1917 год, их было опубликовано только 2150.

Карта геологической изученности СССР (по данным на 1938 г.).

В конце 1935 года колхозники села Садки Бугурусланского района Чкаловской области товарищи Зуев, Семенов и Каструлин копали яму для овощехранилища. На глубине в несколько метров они наткнулись на слой «жирной» черной земли. Об этой находке стало известно советским геологам. Черная «жирная» земля оказалась асфальтом, который часто сопутствует нефти. Было произведено геологическое обследование местности и установлено, что на протяжении 35 километров от села Садки до города Бугуруслана можно ожидать присутствия в земле нефтеносных пластов. Недалеко от Бугуруслана была заложена скважина. Из нее сперва ударил мощный газовый фонтан, а потом начала подниматься нефть. Теперь Бугуруслан-нефть — один из действующих нефтеносных районов нашей страны.

Очевидно, что только огромное внимание советской власти к изучению и освоению естественных богатств нашей родины обеспечило такой быстрый ввод в эксплуатацию нового нефтяного района, первые признаки которого были обнаружены колхозниками.

* * *

В наши дни все огромное пространство между Волгой и Уралом носит гордое название — «Второе Баку». Тщательное изучение этого района показало, что он содержит нефти не меньше, чем Бакинский нефтеносный район. Изучению и освоению «Второго Баку» отдал много сил и времени советский ученый И. М. Губкин.

Сейчас «Второе Баку» дает стране миллионы тонн нефти.

С давних времен пользуется широкой известностью минеральный источник в Кисловодске — «Нарзан». Это один из крупнейших в мире углекислых источников. Ежедневно

он выносит на поверхность земли 4 миллиона литров воды.

Были известны до Великой Октябрьской социалистической революции и другие минеральные источники. Лишь за тридцать последних лет подсчитано, что наша страна обладает более чем 6 000 минеральных источников, из которых только на Кавказе имеется 1 000.

Минеральные источники имеют не только лечебное значение. Из них добывают углекислый газ (только восемь главнейших источников кавказских минеральных вод дают в сутки более 7 тонн углекислого газа) и многие ценные соли.

При советской власти начались успешные поиски минеральных солей не только в источниках, выходящих на поверхность земли, но и на глубине в 1 километр и больше.

Перед войной, например, на территории Москвы с глубины более 1,5 километра выведены минеральные воды, содержащие различные соли, в том числе и поваренную. По расчетам ученых, московская глубокая скважина, имеющая постоянный дебит около 1,5 миллиона кубических метров в год, может дать около 260 тысяч тонн солей.

В использование местного сырья должны включиться геологи, минералогии, местные краеведы, любители-натуралисты, комсомольская молодежь, любящая свой родной край, и старики-охотники, знающие все тропинки и скалы около родного поселения.

Для использования местного сырья необходима смелая мысль, иногда просто смекалка, горячее желание на месте найти и сделать то, что раньше доставлялось издалека. Здесь не может быть общих рецептов или инструкций, а нужна инициатива местного человека.

Эти замечательные слова академика Ферсмана можно проиллюстрировать таким примером. Только на территории маленькой Удмуртской АССР местным населением и учеными обнаружены следующие полезные ископаемые: бурые угли, торф, известняки, доломиты, мергели, галечники, гравий, пески, пещаники, глины, суглинки, гипс, ангидрид и охра. Все эти ископаемые богатства республики теперь широко используют-

ся для отопления фабрик и заводов, электростанций и жилищ, для строительства домов, дорог, для изготовления бесчисленного количества изделий местного потребления.

Подобная же картина наблюдается и в других областях и республиках СССР. Клады земли тщательно отыскиваются и ставятся на службу человеку.

В 1888 году Дмитрий Иванович Менделеев по предложению британских ученых прочел в Англии две публичные лекции. Знаменитому гостю был преподнесен драгоценный подарок — ваза... из алюминия. В то время еще не умели выплавлять больших количеств этого серебристого металла. Он ценился буквально на вес золота.

Тридцать лет назад алюминий любили называть «металлом будущего». Сейчас он уже стал одним из важнейших технических металлов.

Еще недавно считалось, что у нас залежи алюминиевых руд — бокситов — есть только на Украине и возле Тихвина, в Ленинградской области. В царской России алюминий не добывался вовсе. Теперь мы занимаем одно из первых мест в мире по добыче алюминия и получаем его в огромном количестве на Урале, где тридцать лет назад никто и не знал о его существовании.

Полвека тому назад на Урале были найдены красноватые камни. По некоторым признакам геологи установили, что в этих камнях содержится немного железа; и так как на Урале часто встречаются железные руды, красноватые камни продолжали мирно покоиться на склонах гор и холмов Северного Урала.

В 1926 году советские геологи вновь заинтересовались этими камнями. Образцы их были привезены в Свердловск и под названием «железистых песчаников» помещены в Геологический музей. И только в 1931 году химики-аналитики установили, что красноватые камни — это не бедная железная руда, а ценнейшие бокситы, содержащие больше алюминия, чем бокситы из Тихвинского месторождения.

Во время Отечественной войны из бокситов Североуральского месторождения «Красная шапочка» добывался алюминий, из которого делались грозные истребители, штурмовики и бомбардировщики, электропровода и много других изделий, имеющих крупнейшее оборонное и народнохозяйственное значение.

Четыре карты

Советские геологи не полагаются на счастливые случайности в своей работе. Исследуя недра земли, они применяют теперь самые новейшие достижения науки и техники.

Вот перед нами четыре карты. Первая показывает результаты магнитометрической разведки района Курской аномалии. Черные линии на ней соединяют места с одинаковым вертикальным отклонением магнитной стрелки. Эти отклонения указывают на присутствие в земле огромных залежей железной руды. Вторая карта — результат гравиметрической разведки. На ней указаны места скопления железных руд, обнаруженные по их действию на точнейшие «крутильные» весы. Более плотные, чем окружающие породы, же-

лезные руды сильнее притягивают шарик этих весов. Карта третья — итог сейсмической разведки того же района Курской аномалии. По скорости распространения сейсмических волн, вызванных естественными землетрясениями или взрывами, можно судить о плотности подземных пород. Карта четвертая показывает распространение Курской магнитной аномалии по данным на 1934 год. Эта карта является итогом работы многочисленных геологических экспедиций, проведенных советскими учеными.

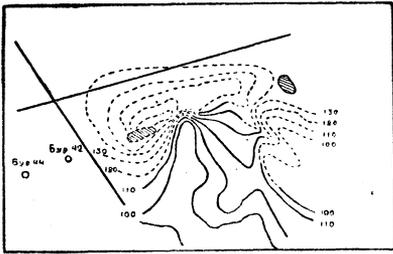

Рис. 1.

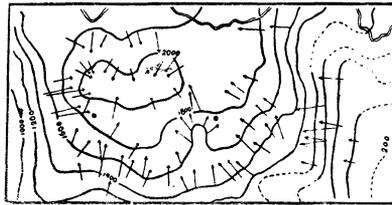

Рис. 2.

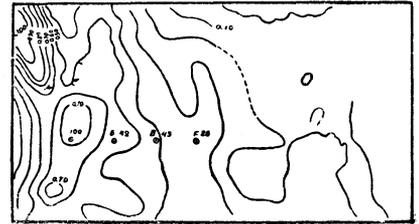
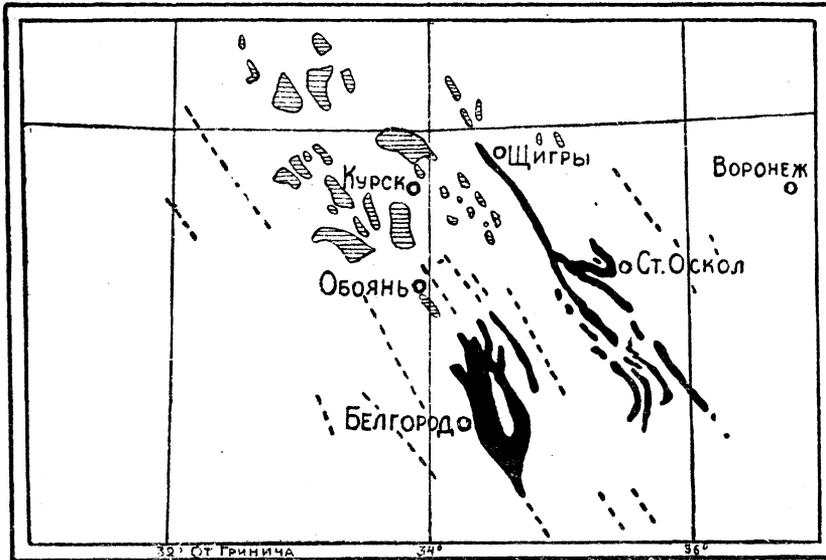

Рис. 3.

Три карточки изображают результаты магнитометрической (рис. 1), гравиметрической (рис. 2) и сейсмической (рис. 3) разведки одного и того же участка около села Лебеди. Линии показывают величины отклонения магнитной стрелки, различия в силе тяжести (и направлении отклонения отвеса) и гипсометрию древних докембрийских пород, выявленную по скорости распространения сейсмических волн. Комбинированное использование этих (а также и многих других) методов позволило построить для всего района Курской магнитной аномалии карту, схематически изображенную на рисунке. Данные, отраженные на этой карте, в настоящее время значительно пополнены и уточнены советскими учеными.

ВОСТОЧНАЯ БАЗА МЕТАЛЛУРГИИ

Еще в 1893 году один из специалистов металлургической промышленности в России писал, что Урал

с точки зрения выработки чугуна и железа «с его растительным горючим материалом может играть уже не более как второстепенную роль».

Во второй половине XIX столетия на юге России были обнаружены богатые залежи железных руд. В соединении с донецким углем руды эти явились основной базой русской металлургии. И хотя богатые рудные месторождения на Урале были известны несколько сот лет и усиленно разрабатывались, полного развития уральская металлургия не получила, так как поблизости не было каменного угля. Возить же руду с Урала в Донбасс или, наоборот, возить донецкий уголь на Урал при слабом развитии транспорта было слишком дорого и невыгодно.

Поэтому-то уральские месторождения железных руд оставались почти совершенно неизученными и плохо разрабатывались до самого 1917 года.

Только при советской власти Урал подвергся тщательному и детальному изучению геологов.

Ими было установлено, что на Урале находится одно из самых крупных месторождений железной руды, содержащее высокосортные руды.

Советские геологи сделали и еще одно чрезвычайно ценное открытие — они открыли и подробно обследовали многие месторождения каменного угля на Урале, в Сибири и Казахстане. Для уральской металлургии была найдена либо местная, либо сравнительно близкая топливная ба-

за. Такие бассейны, как Печорский, Карагандинский и Кузнецкий, могут полностью обеспечить Урал топливом.

На основе этих открытий, по мудрому предложению товарища Сталина, и была создана на Востоке самая мощная в СССР металлургическая база. Как известно, в годы войны Урал стал арсеналом страны. Пушки, танки, автоматы, самолеты, бомбы, снаряды, мины непрерывным потоком шли отсюда на фронт.

При советской власти Урал занял первое место в металлургии страны. Здесь построены металлургические комбинаты, не имеющие себе равных во всем мире.

История калийных солей на Урале

Ярким примером того, как залежи ценных ископаемых могли десятилетиями оставаться неизученными и неиспользованными и как только при советской власти начинается их эксплуатация, служит история калийной соли в Соликамске.

О том, что в Соликамске есть не только поваренная соль, стало известно в январе 1907 года, когда при бурении скважины на глубине в 97—99 метров была открыта «какая-то соль желтого цвета с красными прослойками».

Такая же соль была обнаружена и в другой, соседней скважине.

В 1910 году провизором земской аптеки в Соликамске А. А. Власовым был проделан химический анализ найденной соли. Этот анализ показал, что соль содержит много калия и немного железа (отчего и зачислит ее красноватый цвет).

Казалось бы, что можно немедленно приступить к добыче калийных удобрений, монополистическими поставщиками которых были в то время немецкие фирмы.

Однако контрольный анализ, проведенный в Петербурге в лаборатории, руководимой немцем Шамфгаузеном, «показал», что в соликамской соли содержится лишь ничтожная примесь калия. Разработка и дальнейшее изучение залежей калийных солей на Урале после этого «анализа» прекратились.

Только в 1925 году горный инженер П. И. Преображенский вновь вскрыл пласты красноватой соли. Поверочные анализы обнаружили обман Шамфгаузена. Советские геологи установили, что в Соликамске находится самое крупное в мире месторождение калийной соли. Разработка его идет полным ходом. Советская промышленность производит сейчас огромное количество калийных удобрений на соликамском месторождении.

Обнаружено советскими геологами

За годы советской власти геологами открыты и изучены новые месторождения: железных руд — на Урале, в Казахстане, в Кузнецком Алатау, в Саянах, в Забайкалье, на Ангаре, в Малом Хингане; марганца — на Урале, в Казахстане, Кузнецком Алатау, Минусинском крае, у озера Байкал; хромита — на Урале; меди — на Кавказе, на Урале, в Казахстане, на Алтае; серебра, свинца, цинка — на Кавказе, в Средней Азии, на Алтае, на хребте Верхоянском и в Приморье; бокситов — на Урале, в Казахстане, в Салаире; редких металлов, золота — на Кавказе, на Урале, в Казахстане и Сибири. Все это не только найдено и изучено, но и разрабатывается. По следам советских геологов неоступно следуют шахтеры, старатели, нефтяники — «добытчики» земных богатств.

По старым местам

Работы советских геологов неопровержимо доказали, что искать «клады земли» можно и там, где уже десятки и сотни лет ведется добыча полезных ископаемых, и даже там, где эта добыча прекращена

ввиду будто бы полного использования подземных богатств.

Нельзя доверять старым исследованиям, нельзя полагаться на старые оценки, сделанные в расчете на примитивные способы добычи полезных ископаемых.

Азербайджанская нефть известна с древних времен. В царской России нефтеносные пласты близ Баку были почти единственным источником нефти в стране.

Разведкой недр здесь, кроме русских ученых, занимались иностранные фирмы. Казалось бы, что все запасы нефти уже давно должны были быть выявлены.

Однако уже к концу 1937 года больше половины всей добываемой нефти в Азербайджане добывалось из новых нефтяных месторождений, открытых после Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы уже рассказали об открытии на Урале бокситов и калийных солей. Алюминиевая и калийная промышленность на Урале — это целиком детище Октября. Но черная металлургия — это очень старая промышленность на Урале. Она существовала там уже при Петре I. Но вот за годы советской власти на Южном Урале были изучены почти неисследованные ранее железорудные месторождения Орско-Халиловского района. И оказалось, что здесь в недрах земли находится одно из самых мощных в СССР скопленных железных руд, что в состав этих руд входят никель, хром, кобальт, то есть как раз те примеси, которые специально добавляются к чугуну для выплавки качественных сталей.

Об этом стало известно только благодаря работам советских ученых.

Теперь в этом районе рождается новый металлургический комбинат, по своей мощности равный Магнитогорскому комбинату, — Орско-Халиловский комбинат. Здесь растет новый промышленный город — Ново-Троицк. Первые его дома были заложены в суровые годы Отечественной войны.

В 1858 году было установлено, что месторождение графита в Саянских горах (из этого месторождения добывался прекрасный «алиберовский» графит, вывозившийся за границу) почти исчерпано. Однако при советской власти производство графита здесь возобновилось в невиданных ранее масштабах. Советские геологи обнаружили новые богатые залежи графита там, где до них побывало несколько поколений разведчиков земных недр.

Подобных примеров можно привести множество.

(Продолжение следует)

3. СОКОЛИНСКИЙ, С. ЦУКАСОВ

Говярыг на дереве Г. Кравцова

Сорок часов — все на запад и на запад — идет скорый поезд от Москвы до Калининграда. В ранний час, когда первые утренние лучи не рассеяли еще пелену влажного весеннего тумана, пассажиры выходят на перрон городского вокзала. Собственно, вокзала, в обычном понятии, нет. Несколько деревянных построек временного типа, остановка автобусов, а рядом — развалины зданий, фермы взорванного моста — обычные следы военных лет. Только когда окончательно рассветает, замечаешь, что на развалинах кирпич собран и аккуратно уложен, что разбитый мост разделен на секции и, видимо, отстраивается, а подъездные пути уже расчищены...

Но прежде всего внимание привлекает другое. Выходяшь на перрон и только и слышишь:

— Товарищ, вы не на вагостроительный?

— Кто прибыл в порт?

— Кто командирован в Рыбгест?..

В Калининград едет много-много людей. С каждым днем город оживает все больше.

От станции до центра города — несколько километров, пятнадцать-двадцать минут езды на автобусе. Но если приедем нужно попасть сначала в аванпорт Калининграда — город Балтийск, ему придется пересечь весь Земландский полуостров. Правда, это всего пятьдесят километров пути, но местный поезд ползет себе спокойно, не торопясь, целых три часа.

Балтийск — крайняя западная точка советской Балтики. Отсюда уже недалеко и до нашей границы с Польшей.

Раньше город назывался Пиллау. Он был не только «морскими воротами» Кенигсберга, но и важной военной базой немцев, одним из опорных пунктов, откуда началось их разбойничье нападение на нашу страну.

Внешне Пиллау был похож на десятки и сотни других небольших немецких городков, особенно прибреж-

ных: однообразные, двухэтажные серые дома с высокими черепичными крышами, шоссе, которое одновременно служит и главной улицей, старинная крепость, каналы и маяк, далеко вынесенный в море.

Немцы отчаянно обороняли город. Они минировали подходы к нему, улицы и дома, парки и прибрежные дюны. Загнанные и, в буквальном смысле этого слова, опрокинутые в море солдатами генерала Галицкого и балтийскими моряками, они оставили после себя разрушенный город, взорванный мол, разбитые здания.

Много труда приложили советские люди, чтобы все заново построить.

С одним из молодых строителей Балтийска мы встретились на местном судоремонтном заводе. Сереже Агееву на вид лет семнадцать. Он небольшого роста, с круглым, еще розовым, как у мальчика, лицом. Ходит Сережа в промасленной черной спецовке, из кармана которой торчит кронциркуль — знак принадлежности юности к семье металлистов.

Года полтора назад отправилась в Балтийск большая группа молодежи, окончившей одно из московских ремесленных училищ. В их рядах был и Сережа Агеев.

* * *

В начале многое здесь разочаровало подростков. Вместо стройных заводских корпусов, к которым они привыкли в Москве, в Пиллау стояли здания без крыш и окон.

— Это завод?.. — спросил Агеев с обидой в голосе. — Вот здесь ремонтируют корабли?..

— Да, — сказали ремесленникам, — здесь ремонтируют корабли.

Раньше на этом месте находилась небольшая верфь, предназначенная для ремонта землечерпалок. В мае 1945 года сюда приехала первая группа рабочих. Все здесь, на заводской территории, было разрушено, покоржено. Люди не знали, за что и приняться. На небольшом клочке земли они насчитали свыше двадца-

ти воронок от бомб и пятнадцать попаданий снарядов.

— Здесь будет механический цех, — говорил инженер, показывая на обвалившиеся стены, — здесь — столярный...

Рабочие принялись за дело. Одни расчищали цехи, другие собирали станки, третьи строили бараки для жилья. Вскоре к стенке пришвартовались для ремонта первые корабли.

Так начала жить единственная в то время судоремонтная база, обслуживавшая несколько портов.

Агеев и его товарищи слились с заводским коллективом, помогали тускать в ход моторный цех, строить лесопилку, ремонтировать краны, а в свободные часы, как и все, работали по восстановлению городского кинотеатра.

Меняется лицо завода — крупнейшего предприятия Балтийска. Выросли постройки; неумолчным гулом станков встречают они теперь посетителей цеха. А сколько кораблей прошло уже через руки его рабочих! Завод восстанавливался сам и восстанавливал корабли.

Конечно, еще немало в городе разбитых домов, еще лежат пустырями целые кварталы, но рядом уже сверкают оконные стекла новых зданий, расчищены улицы и площади, да и весь город как-то подтянулся, помолодел.

Балтийск восстанавливается. За один только 1946 год здесь было расчищено несколько километров причальных линий и фарватеров, отремонтированы и построены десятки жилых домов, сооружены три школы, больница, баня, стадион, клубы.

Это только первые шаги.

Через Балтийск лежит путь всех кораблей, посещающих Калининградский порт. Оба города неразрывно связаны в единое хозяйственное целое. И труд восстановителей Балтийска идет творческим потоком навстречу усилиям тех, кто возрождает Кенигсберг, ставший

Калининградом — центром молодой советской области.

Большой радостью для жителей обоих городов было восстановление железнодорожного движения Калининград—Балтийск.

* * *

Мы совершили этот переход на небольшом товарно-пассажирском пароходе «Волга». На капитанском мостике, облокотившись на лееры, стоял однорукий человек. На нем ладно сидел синий китель. У него были седые волосы и смуглое, мужественное лицо с глубокими шрамами на подбородке и щеке.

Однорукий человек оказался капитаном парохода.

— Давно вы работаете здесь?

— Здесь недавно, а вообще на море — тридцать седьмой год.

37 лет!.. Видно, в детстве еще очаровало море этого человека, привязало его к себе.

Капитан задумчиво рассказывал:

— Вот без руки остался. Потерял во время войны, в бою, здесь же, в этих водах. Я был тогда боцманом на «морском охотнике»... Теперь на берегу хорошую службу предлагают, покойную, но я отказался от берега и снова в море ушел. Не по мне берег... Как поднялся на мостик — снова почувствовал себя моряком. Это ничего, что у «Волги» скорость маловата, все же это судно — мой корабль. И я снова на своем месте...

В самоотверженном труде таких людей, как этот капитан, в их патриотизме — ключ всех чудесных перемен, которые мы видели на новой советской земле.

* * *

Кенигсберг долгое время был центром немецкой идеалистической философии и прусского разбойничьего империализма.

Когда-то здесь короновались прусские короли, когда-то здесь жил прославленный в Германии философ — Эммануил Кант. Рассказывают, что жители Кенигсберга проверяли часы в тот момент, когда Кант в неизменном сером сюртуке с тросточкой в руках выходил из дома на прогулку: это происходило ежедневно ровно в половине четвертого. В регулярности, с какою философ прогуливался, сказывалась знаменитая прусская педантичность.

До конца прошлого века на Улице

принцессы стоял крошечный, чопорный и скучный домик Канта. Может быть, он и был душой Кенигсберга?

Нет. Туманную философию дополняла весьма жестокая действительность. Город еще в древности был крепостью немецкого ордена, стоявшего против балтийских славянских

русские войска фельдмаршалов Салтыкова и Румянцева в 1758 году заняли Кенигсберг, но не надолго. На русский престол вступил Петр III, поклонник прусского короля Фридриха II, и русские войска были отозваны из Пруссии.

С годами Кенигсберг рос. Его порт приобрел большое торговое значение. В 90-х годах прошлого столетия Кенигсберг насчитывал 161 тысячу жителей, а по переписи 1939 года — уже 372 тысячи. Еще в конце XIX века в городе начали строить военные заводы и биржу. Жестокая военная империалистическая проза стала топливной душой этого приморского города.

В Кенигсберге трудились на пользу фашизма фирмы: «Остверке» — артиллерия, «Демлер и Бенц» — моторы, «Попарт» — паровозы...

Линия Дайма — грандиозные укрепления, железная дверь в Кенигсберг — строилась сорок лет! Войска маршала Василевского уничтожили эти укрепления. 10 апреля 1945 года был завершен штурм Кенигсберга. На местах некогда уничтоженных славянских поселений немцы оставили 42 тысячи убитых. Наши войска взяли 92 тысячи пленных.

* * *

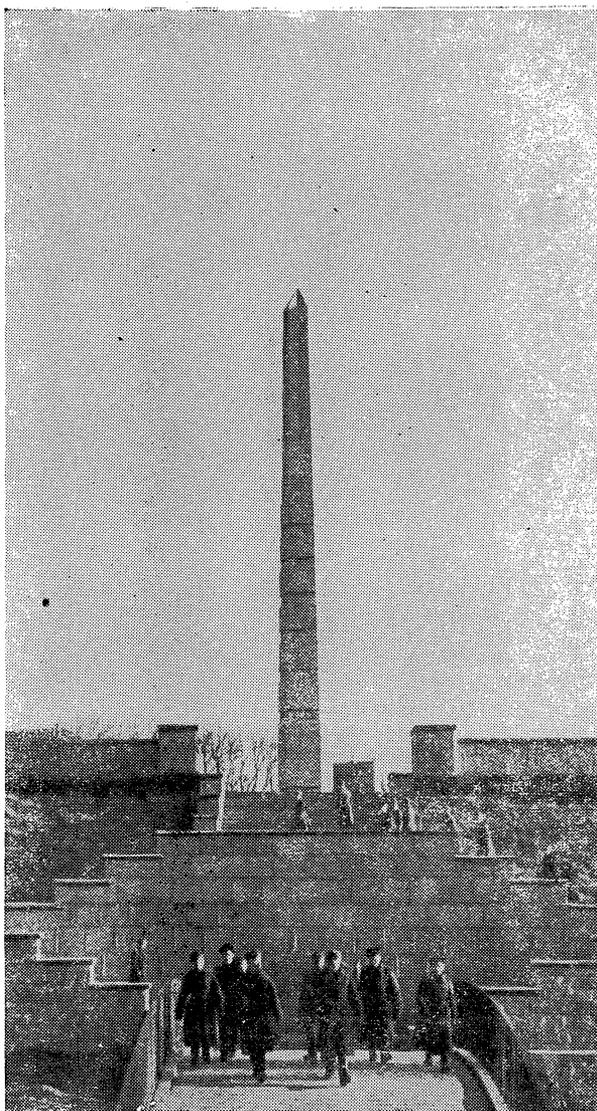
Кенигсбергу суждено было подняться из пепла и стать советским Калининградом. На восстановление города приехали люди из разных уголков Советской страны.

Слово «восстановлен» прочно вошло в наш обиход после войны. Беседа с калининградцами, обязательно услышишь его много и много раз, потому что восстановление составляет основное содержание их сегодняшней жизни.

Интересы восстановителей, их внимание постоянно обращаются к морскому порту, который здесь часто называют «сердцем города». Это естественно: Калининградский порт выгодно расположен вблизи главных торговых путей Балтики. Он не прекращает

свою работу круглый год. Обычно в заливе и на канале зимой образуется только тонкий покров льда, но портовые ледсколы легко ломают его и выводят суда к Балтийску — до открытого моря, до чистой воды.

Мы попали в порт в плохое время.

Памятник советским воинам, героически павшим в боях при штурме Кенигсберга. Вид со стороны парка.

племен, населявших эти земли. Против них строил он свои крепости и копал рвы. Мечом было уничтожено славянство в Пруссии.

Только в Семилетнюю войну вновь громко и победно зазвучала славянская речь в стенах города, когда

В Калининграде восстановлена трамвайная линия. Она соединяет центральную часть города с предприятиями, расположенными на окраинах. На снимке — вагон трамвая на Улице Победы.

Ветер шумел над городом—резкий, холодный, колочий. Он выкинул пыль у причалов, гнал волну из канала, сердито бил в лицо. Громче обычного поскрипывали снасти судов, глухо стучала вода о стенки.

Зима этого года была суровой. Январские морозы покрыли воды южной Балтики льдом на сотни километров, что случается очень редко, но энергии рабочих порта они скватать не могли.

Замечательных людей встречаешь здесь. Их можно охарактеризовать одним словом — новаторы. В Ленинграде и в Риге, на Каспии и на Дальнем Востоке, говоря о скоростных методах обработки судов, часто обра-

щаются к опыту калининградцев. Именно калининградцы предложили эти методы, наглядно подтвердив их ценность. Опыт калининградцев показал, что речь идет не о единичных рекордах, а о новой, более высокой форме организации труда, о переломной технологии и производственной культуре.

Мы присутствовали при погрузке большого парохода. Портовые краны размеренно, деловито опускали свои стрельчатые лапы с очередной порцией груза в трюмы и на палубу корабля. Ни спешки, ни суеты...

— В чем же заключается новый метод? — спросили мы капитана.

— В четкой организации труда.

Видите ли, ни один кран у нас не простаивает минуты лишней и делает вдвое большее число циклов. В один из прошлых месяцев мы сделали четыре рейса вместо двух, намеченных планом. Оборот судна увеличился вдвое.

Этот пароход — не исключение. Во вторую половину 1946 года в порту сэкономили на выгрузке прибывавших судов свыше пяти с половиной тысяч часов, и корабли получили возможность совершить тридцать три дополнительных рейса.

* * *

Вагоностроительный завод. Длинные приземистые постройки из красного кирпича, густой сетью разбегающаяся паутина подъездных путей, сотни станков в цехах. Большое, сложное производство! А давно ли всё здесь было мертво. Здания зияли бесчисленными черными трещинами, беспорядочно громоздились тысячи тонн металла и камня. Каждый шаг восстановители брали с боя, отвоевывая к жизни метр за метром, цех за цехом. Теперь вагоны с маркой Калининградского завода можно встретить на многих железнодорожных магистралях страны.

В одном из цехов мы видели группу электриков, заканчивавших оборудование вагона. Это была знаменитая бригада Карасева. За четыре месяца она выполнила годовую программу.

Так работают калининградцы.

Факты, о которых обязательно узнаешь даже во время короткого пребывания в городе, говорят об успехах калининградцев достаточно красноречиво. За два года с небольшим в области (главным образом в самом городе) восстановлено и построено большое количество промышленных предприятий союзного и республиканского значения. Калининградцы получили более 300 тысяч метров жилой площади, 208 русских и 37 немецких школ. В городе работают больницы, поликлиники и амбулатории, дом культуры, клубы, 3 кинотеатра. В августе открыл сезон первый русский драматический театр, коллектив которого состоит из молодых артистов, окончивших в этом году Государственный театральный институт имени Луначарского. На побережье восстановлены два детских санатория и санаторий общего типа. В Калининграде есть электричество, вода, трамвай...

Недавно пушенные маленькие, белые трамвайные вагончики быстро завоевали популярность. Это уже победа немалая. Сложно было жить без трамвая в таком большом городе.

Нелегко сейчас в Калининграде. Город разрушен, бытовых удобств мало. Но радостен будет его заворающий день.

Разные люди говорили нам:

— Приезжайте в Калининград через год-два. Многое совершлось у нас за короткий срок, и многое еще совершится!

Калининград. Восстановленный кинотеатр «Победа».

* * *

У молодого советского города большое будущее. Сотни миллионов рублей ассигнованы на его развитие.

Уже в нынешнем году будут полностью восстановлены все промышленные предприятия Калининграда. Его жители получают еще сотни тысяч квадратных метров жилой площади. За один только 1947 год откроется несколько новых больниц, санаториев, кинотеатров. Город станет крупным промышленным центром страны, одним из важнейших наших портов на Балтике.

Так же упрямо и неудержимо побеждает разруху новую жизнь вокруг Калининграда. Социалистический труд преобразует область, тяжело пострадавшую от войны.

Есть в Калининградской области колхоз «Красная звезда». Обыкновенный, средней руки колхоз. Но и в нем можно отлично видеть, как работа колхозников сливается с общенародными усилиями.

Прибыли сюда люди из разных районов. Повсюду нашли следы войны — взорванные постройки, запущенные поля.

— Ох, и много же тут дела! — сказал только что избранный председатель колхоза. — Ну, что ж, не на готовое приехали, работать надо...

Так думали и другие. Народ оказался один к одному, дружный, спянный. Застучали топоры, запели пилы, и колхозники вскоре переселились в светлые, теплые, новые дома. В колхозе «Красная звезда» построено уже пятнадцать домов.

А потом начали работать школа и клуб. Колхозники оборудовали конюшню, построили кузницу. К этой весне они еще зимой отремонтировали плуги, бороны, сеялки, культиваторы. Отведена земля и под огород и под ягодные насаждения. Баканова, Пяткова, Фирсов, Багров, Филиппов, Володин — вот те колхозники-передовики, которые совершили эти дела.

Но особое место среди них занимает колхозная стахановка, депутат Берхозного Совета РСФСР Клавдия Сергеевна Кувшинова, вышедшая из того поколения крестьян, которое за годы советской власти прошло путь от сохи до трактора. Вместе с другими Кувшинова переехала в Калининградскую область, вместе с другими строит колхоз, стала бригадиром — инициатором соревнования за высокий урожай. Везде и всегда она впереди. В Калининградской области есть сейчас много таких колхозов. Они крепнут, становятся на ноги. Десятки тысяч гектаров засеяли они этой весной и сняли хороший урожай — первый урожай на новых землях.

Осень принесла колхозникам и свои радости и свои заботы. После уборки урожая труд на полях закипел с новой силой. Калининградцы готовят под озими площадь в двенадцать раз большую, чем в прошлом году. Это значит, что нужно расчистить и значительные участки земли, как здесь говорят, «одичавшие» во время войны.

То и дело в сельском пейзаже вокруг города еще видишь проржа-

вевшие под обильными дождями остовы танков и орудий, канавы-окопы, с осыпавшимися краями, железные ежи бывших противотанковых заграждений... Убрать весь этот зарывшийся в землю военный лом и распахать поля подчас труднее, чем поднимать целину. Государство приходит на помощь колхозникам: в области создаются 15 новых машинно-тракторных станций.

* * *

В поезде, на пути в Калининград, паренек, впервые ехавший в город, с юношеской непосредственностью строил вслух планы на будущее.

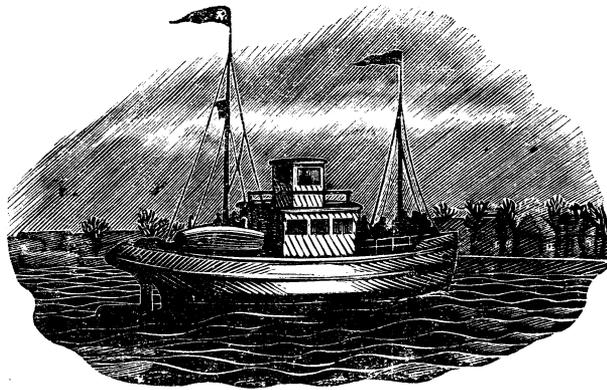
— Приедем в Кенигсберг — и сразу на завод, — журчал его окоющий говорок в соседнем купе. — В Кенигсберге слесари, сказывают, — самые нужные люди...

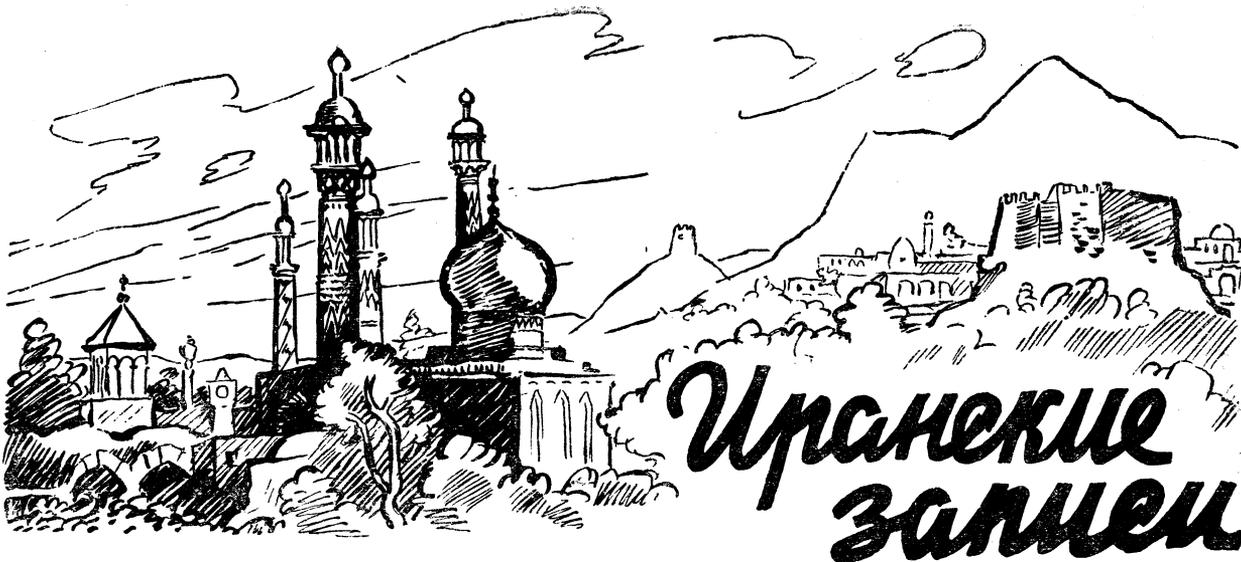
— Не в Кенигсберге, а в Калининграде, — серьезно поправил его пожилой мужчина в форме водника. — Это при немцах был Кенигсберг...

— Все равно — город-то тот же, — не очень уверенно возражал молодой слесарь.

— Тот же, тот же! — возмутился его сосед. — Другой город! Наш теперь советский... А ты — Кенигсберг!..

Этот разговор вспоминался нам позже не раз. Действительно, нет больше прежнего Кенигсберга! На исконной земле славян строится, трудится, растет промышленный Калининград — центр молодой советской области.

Г. СЕВУНЦ

Рис. А. Интезарова

На рещтской фабрике. — Дети-работчие. — Фабрикант-«благотворитель». — Иранский рынок. — Ходячие рестораны. — Оазисы в равнине. — Мечты иранских демократов. — Успехи советского кино. — Тегеран — город богатей и нищеты 1.

Мне однажды довелось встретиться с господином Х-н, фабрикантом шелковых тканей. На его предприятии в наиболее напряженный период производства занято до полутора тысяч рабочих. Фабрикант не был иранцем. По его словам, он исколесил весь свет и даже не знает, где оставил свою семью. Жил он на фабрике и в городе появлялся только по вечерам в обществе каких-то подозрительных личностей. Рещтцы прямо говорили, что он — турецкий шпион, и ненавидели его.

Был этот человек отчаянным реакционером. На фабрике у себя он завел доносчиков, сообщавших ему о настроениях рабочих. Членов профсоюза, защитников справедливых требований рабочих, безжалостно выбрасывал.

На фабрике был магазин. Как-то я с одним товарищем решил сходить туда — купить материал на летние костюмы. Фабрика была расположена на просторном, огороженном забором дворе. Снаружи она была похожа на изолированную, вынесенную за город больницу. Стройные, высокие тополя и акации выглядели из-за ее ограды.

Большие коричневые ворота были закрыты. Чтобы войти, нужно было постучать дверным молотком. Сторож, увидев нас, смутился, но, казалось, пропустил нас без удовольствия.

В том, что это фабрика, а не больница, мы, конечно, убедились, едва лишь вошли во двор. На дорожках в двадцать-тридцать метров длиной были развешаны для просушки пряжи шелка. В одном из углов стояли под навесом котлы, из которых валил пар. На земле под навесом и снаружи образовались лужи грязной, черной воды. Залах здесь стоял нестерпимо тяжелый. Было тут несколько детей, в том числе и пяти-шестилетние. Босоногие, они стояли в воде и в грязи, размазывая какие-то нитки. Одна из работниц, молодая женщина, с безжизненным взглядом и сухой, опавшей грудью, мешала палкой в котле, в котором вываривались коконы. Четырехлетняя девочка с всклокоченными волосенками беспрестанно тянула женщину за юбку и, повидимому, что-то выпрашивала. Мать сердито отгоняла ее. У девочки вспухли щеки, из глаз катились слезы.

Работницы, увидев нас, неизвестно почему подняли шум. Возможно, застыдились: многие из них были в лохмотьях.

— А это что за дети? — спросил я у подошедшего к нам рабочего. Для него, повидимому, привычны были и женский переполох, и пар, валивший из котлов, и грязь, окружавшая нас, и ужасный запах, от которого можно было потерять сознание.

— Наши дети: мои, этих женщин, других женщин...

— Почему же их не оставляют дома?

Рабочий поглядел на меня с удивлением.

— А они с нами вместе работают — как же их оставлять дома?..

Тут уж не мог скрыть своего изумления и я.

— Что же, и эта девочка работает? — показал я на четырехлетнюю крошку с растрепанными волосенками.

— Да, господин: она зарабатывает в день один кран.

— Сколько же получает мать?

— Мать — пять кран, отец — туман. В день шестнадцать кран — вся семья.

Сахар стоил на рынке семьдесят кран кило, масло — десять туманов, или сто кран, мед — восемь туманов, детские ботинки — двадцать-тридцать туманов. Но не это меня удивляло. Как могла девочка четырех лет нести такую работу? Да еще с шести утра до шести вечера?.. Ведь на этой фабрике работают двенадцать часов в сутки, а профсоюзы слабы — они не могут сюда проникнуть и защитить рабочих.

Тяжело было смотреть на людей, губивших свою жизнь в этом аду, работавших с утра до вечера из-за нескольких медных копеек. Работавших на фабриканта.

Я никогда в жизни не видел фабрикантов и сейчас спешил поглядеть хотя бы на одного.

Тот же рабочий проводил нас в контору фабрики, помещавшуюся во дворе, в одноэтажном домике.

Здесь мы попали сначала в какой-то коридор, где стояли примитивные, прадедовские шелкоткацкие станки. Человек лет под пятьдесят, склонившись над одним из них, что-то чинил.

— Где арбаб? — спросил мой спутник. — Хозяин?..

Человек, стоявший у станка, выпрямился. У него были густые брови и хитрые глаза. Он испытующе поглядел на нас и с приторной восточной любезностью сказал:

— А, салам, салам, — здравствуйте, пожалуйста!

— Вы арбаб? — спросил я, до некоторой степени удивленный тем, что он чинит станок сам.

— Ваш покорный слуга... Прикажете, чем могу быть полезным?

1 Окончание. Начало см. «Вокруг света» № 9 за 1947 г.

— Вы что, сами ремонтируете?

Слашавая улыбка на его лице стала еще слаще.

— Что поделаешь, наш хлеб, должны помучиться.

Он был одет в белый костюм, сшитый из материи, сотканной на его фабрике. Ни одного черного пятнышка, которое могло бы сказать о «мучениях» его владельца, на этом костюме мы не увидели. Лицемерие было явное. Я не сдержался и улыбнулся насмешливо.

Спас положение мой спутник.

— А ну, покажите-ка свой товар: хотим купить себе на костюмы, — сказал он.

— Пожалуйста, прошу.

И фабрикант пригласил нас в комнату, где в шкапах хранились ткани белого, розового, зеленого и черного цвета. В комнате никого не было.

Фабрикант взглянул на дверь в стене сбоку и хлопнул в ладоши. Дверь открылась. Вошла женщина-иранка в легком летнем платье — высокая, красивая. У нее были розовые щеки, черные глаза и брови.

За ее спиной в соседней комнате я увидел накрытый белой скатертью стол, на нем — большое блюдо с горкой пилава, поверх которого лежала жареная курица. В сочный круглый арбуз был воткнут серебряный нож. В хрустальном графине, до половины опустошенном, краснело казвинское вино — «Шаани».

Иранка довольно резко спросила:

— Что тебе нужно?

Вид у нее был повелительный. В тоне голоса звучала нотка не то презрения, не то насмешки.

— Отрез им нужен на костюмы. Покажи, — коротко распорядился фабрикант.

Иранка мельком взглянула на нас и, взбравшись на скамеечку, один за другим начала выкладывать из шкапов на прилавок куски шелка.

— Нам все это не нужно, — сказал мой товарищ. — Покажите только белый материал.

— Только белый, — сказал иранке и хозяин, но она лишь сверкнула тем же полным насмешки взглядом и ничего не ответила.

Женщина — молодая, жизнерадостная — пошла сюда из-за куска хлеба.

«Посмотрите, какая я, — казалось, говорила она всем своим видом, — а вот попала в лапы этой собаке!»

Что поделаешь!.. Мы не могли выразить своего суждения, сказать, почему несчастна эта иранка или еще более несчастны те, кто работает у кипящих котлов, за станками. Меня только интересовало, на что

старика столько денег, такой доход? Когда я спросил его об этом, фабрикант ответил:

— Поглядите, сколько народа я содержу!

Ну, прямо благотворитель: дает работу сотням людей. Он не сказал только, что эти сотни людей он собирает и привозит из далеких, глухих углов, мучает на своей фабрике, высасывает из них все соки и выбрасывает.

Совершенно подавленный, омраченный, ушел я с фабрики.

В Реште, как у себя дома, хозяйничал турецкий подданный господин Х-н. В городе Чалус на такой же шелкоткацкой фабрике эксплуатировал трудящихся какой-то француз. На южных нефтяных промыслах — американцы. И — ничего. Казалось, что так и должно быть, казалось, что это никого не огорчало. Эдесь люди научились защищаться от полуденной жары. Городская жизнь на несколько часов замирает. Магазины закрываются, ремесленники разбредаются по своим домам, спасаясь от жгучих солнечных лучей. Кажется, что точно так же эти люди укрываются и от царящей повсюду несправедливости. Некоторым из них она представляется чем-то вроде солнечной жары — вечным...

Рынок в Реште — одно из самых многолюдных мест в городе. Это узкая улочка. Начинаясь в центре, она ведет к южным кварталам. Постепенно становясь все уже и уже, улочка делает несколько извивов и закруглений и, наконец, приводит к берегу моря, где кончается город и уже нет домов.

На всем протяжении этой на километр растянувшейся улицы по обеим сторонам ее, слева и справа, тесно, бок о бок, расположены лавки. Обувь, мануфактура, галантерея, головные уборы, готовые платья, ювелирные изделия, часы, ковры.

На каждом шагу слышишь:

— Пожалуйста, продам хорошую фуражку!

— Заходите — лучший японский шевиот!

— Господа, ко мне, — новые швейцарские чулки!

— Лучший французский крепдешин! Поглядите только!

Прерывая эти зазывания, во весь голос кричат продавцы жевательной смолы:

— Американская мастика! Мастика!..

Их перебивают другие голоса:

— Мороженое, мороженое!..

Идем вперед. Начинается ряд золотых дел масте-

Решт. Уголок базара.

Казвин. На одной из улиц города.

ров. Это ремесленники, но в то же время и торговцы. В тесных лавочках-мастерских они сидят, согнувшись, и неутомимо трудятся за своими верстаками, выделывая кольца, браслеты, брошки, ожерелья, оправляя драгоценные камни, превращая простой металл в блистающее «золото», стекло — в «бирюзу».

А вот ковровые ряды.

Ковры — испаганские, хамаданские, ардебильские — покрывают стены и полы лавок, горами навалены в углах. В этих лавках меньше всего покупателей, и торговцы от нечего делать мирно дремлют на своем товаре.

В галантерейных лавках торг идет оживленнее, чем где-либо. У их владельцев больше хлопот, больше покупателей. То и дело входят женщины, девушки. Им нужны пуговицы, ленты, кружева, шелковые нитки, пудра, одеколон — тысяча разных мелочей.

Продавая иголку, торговец произносит целую хвалебную речь, расписывая необычайные достоинства этой иголки...

Расставшись с галантереей, вступаем в сферу мясных и продуктовых лавок, чайхана и курилен, где дымятся трубки и булькает вода в кальянах.

Тут и там прямо на улице, на маленьких переносных кухнях жарится, шипит на огне мясо. Уличные лужи полны нечистот. Вонь. Воздух кишит миллионами мух. Ими облеплены висащие на крюках туши мяса, мешки с сахаром. От мух кажется черной гладко выбритая голова уличного «ресторатора» — продавца жареного мяса. Мух нельзя отогнать от ящиков с изюмом, инжиром, фисташками, хурмой. Они пытаются завладеть даже лотком с горячим хашем — супом из потрохов. Но лоток этот — на голове у продавца. Он медный, на нем насыпаны раскаленные угли. Угли пышут жаром, и мухи испуганно улетают. В котелке на углях — горячий хаш. С этой кухней на голове, даже не придерживая ее руками, продавец спует в толпе. Продавец устал, слипаются глаза, хрипит — опухло горло, но он не сдастся.

— Хаш, хаш! — то и дело слышится его голос.

А вот и другие бродячие продавцы — халвы, помидоров, баклажанов — тоже с лотками на голове. Все они кричат, точно соперничая друг с другом, все расхваливают свой товар. Голоса их, смешиваясь с другими звуками, со стуком молотков медников и жестяников,

со звоном и скрежетом металла, создают необычайный, оглушающий гомон.

Вокруг рынка много мечетей, и на их витиеватых, решетчатых дверях и окнах можно увидеть сотни висячих, запертых замков. Их повесили, унеся с собой ключи, люди, мечтающие об исполнении своих желаний. Ушли и думают: придут они сюда в один прекрасный день, и — замок отперт какой-то таинственной, чудесной рукой. Значит желание исполнится, мечта осуществится.

Прохожие останавливаются у мечети, целуют ее камни и продолжают свой путь. От их поцелуев на стене мечети большое черное пятно...

Из Решта в Тегеран можно попасть двумя путями. Один из них пролегает по берегу Каспийского моря, среди красивых, утопающих в зелени плантаций чая и риса, солнечных, цветущих полей. От города Чалус дорога начинает ползти в гору и взбирается на высоту до 3 тысяч метров. С перевала дорога снова бежит вниз, до города Кередж, находящегося в 37 километрах от Тегерана, в просторной, на первый взгляд, пустынной равнине.

Другая дорога из Решта на Тегеран тоже сначала проходит рисовыми полями. Через 40 километров от Решта она сворачивает к горам, пересекает Рудбар и выходит к Казвину — тоже в тегеранской равнине, в 137 километрах от столицы.

По этой-то второй дороге мы и поехали в Тегеран.

Оставив Решт в объятиях его частого гостя — тумана, наша машина бежала по благоустроенному, советскими войсками приведенному в порядок, асфальтированному шоссе, мокрому от влаги. Погруженные в туман, окаймляющие дорогу деревья, казалось, источали слезы. Но едва мы миновали рисовые поля и начали подниматься в горы, туман поредел, а затем и остался позади. Несколько позже, уже поднявшись на поросшие лесом склоны, мы оглянулись и не увидели Решта: он точно утонул в молочном море. А небо было ясно, в стороне в ярких лучах солнца светилось Каспийское море. Один за другим открывались перед нами прекраснейшие виды.

Вниз, в глубоком ущелье, струилась река. Она то золотом вспыхивала на солнце, то темнела и казалась мутной и грязной.

Лес, окутавший горные склоны по ту и по эту сто-

Оазис Рудбар. Вершинка к вершинке здесь растут оливки и пшат.

рону реки, казался то зеленым, то желтым, то отсвечивал красным. Над лесом иногда поднимались и расплывались в небе голубоватые дымки. Как мы потом узнали, в лесу жгли уголь. На отдаленных горах таких дымков мы не видали, да, должно быть, там и нога человеческая не бывала. Об этих девственных массивах заботится — дает им воду и жизнь — Каспийское море.

Но вот горы, поднимаясь все выше, касаются, кажется, самого голубого неба. Затем они снова начинают опускаться к широкой тегеранской равнине. Каспийское море здесь уже бессильно, и лес, чем дальше, становится все реже, а затем и вообще исчезает. Начинаются голые, пестрые, обожженные солнцем, расщепавшиеся скалы, гребни и складки гор, в которых не хотят гнездиться даже птицы.

Неожиданно среди этой голой природы, на склонах той или иной горы или в балке, открываются нашим глазам пятна густой, темной зелени.

Что это за зелень? Как попала она сюда и каким чудом оберегает свое существование?

Когда в Трегьяковской галлерее, в Москве, я рассматривал такие виды на картинах Мартироса Сарьяна, мне казалось, что в природе их не увидишь, что это — фантазия, плод воображения художника. Неужели возможно, чтобы на этих негостеприимных, обнаженных, точно песком посыпанных скалах росли деревья?.. Но теперь я уже не мог не поверить художнику.

* * *

Вот мы и добрались до одного из таких оазисов. Здесь, вершинка к вершинке, росло несколько деревьев — оливки и пшат¹. Как овцы, утомленные жарой, деревья прижались одно к другому так близко, точно боялись, что жгучее солнце вот-вот отнимет у кого-нибудь из них жизнь.

Оазис этот — населенный зеленый кусок земли, прилепившийся к голым, каменистым склонам гор в районе Решта и Казвина, — назывался Рудбар. Здесь

¹ Оливки иначе называют маслинами. Пшат, или лох, — высокий кустарник, достигающий иногда высоты небольшого дерева. Плоды его состоят из косточки, окруженной мучнистой, сладкой мякотью, покрытой сверху желтой, оранжевой или красноватой кожицей. Пшат идет в пищу. Масло дают только оливки.

тоже растут оливки и пшат. Деревьев довольно много. Рудбарцы издавна провели воду и оросили даже гребни скал. Сейчас оливки в нижней балке, на берегу реки, уже приносят рудбарцам порядочный доход. Каждое дерево расценивается в 400 туманов. В Рудбаре и в девяти километрах от него, в селе Менджиле, работает три маслобойни. Оливки дают дорогое, густое, зеленоватое масло. Иранцы любят сдабривать этим маслом салат и холодные блюда. Оно ценится также и как лекарство при малокровии, гастритах и некоторых других болезнях.

Однако как бы ни ценилось оливковое масло, жизнь дается рудбарцам нелегко. Значительная часть деревьев принадлежит не им, а живущим в Реште, Казвине и даже Тегеране богатым собственникам. Владельцы или продают урожай, или присылают своих людей организовать переработку оливок (маслин) на месте. Рудбарцы же, поглядывая на свои маслины, поневоле принуждены заниматься другими делами — разводять коз, овец или торговать.

Дома в Рудбаре, за исключением одного, принадлежащего начальнику уезда, — крестьянского типа. Они построены уступами, один над другим: крыша одного — двор другого. По пути из Рудбара, за Менджильским мостом, глазам путника открывается обширная долина, покрытая оливковыми садами и полями хлопка. Здесь, в придорожной чайхане, мы застали молодого человека, счетовода хлопкоочистительной фабрики. Это был первый встреченный мною иранец, который был хорошо знаком с культурной жизнью своего народа, знал наизусть и декламировал строфы из Фирдоуси, из Омара Хайяма. Он восторженно смотрел на меня, не находя слов для выражения своих чувств — так поразило его, что и я знаком с произведениями знаменитых иранских поэтов. По своим взглядам этот молодой человек был демократом. Он любил свою родину и с печалью сказал мне:

— Мы, демократы, хотим, чтобы выращиваемый нами хлопок обрабатывался здесь же руками наших рабочих и на наших фабриках. Но реакционеры, не считаясь с волей народа, отдают наше сырье американцам. Потому-то мы и не развиваемся, остаемся технически отсталой страной. Но народ уже берет за ум, и наступит день, когда он не захочет больше быть быдлом у капиталистов и станет сам решать свою судьбу.

* * *

Часа три спустя горы кончились. Мы увидели деревни, окруженные зелеными богатыми садами. Это были поселения казвинского района, известного своими фруктами — виноградом, абрикосами и персиками.

А вот и сам Казвин — с низенькими одноэтажными и двухэтажными домами, рассыпавшимися по равнине.

К городу бежит речка, берущая начало в горах. Она-то и дает жизнь этому городку.

Речка разбивается на ручейки, с веселым журчаньем разливающихся среди садов, которые кажутся бесконечными.

Казвин — родина винограда и абрикосов. Урожай его садов дает изюм, вино, водку и спирт. Но богатый с виду город на самом деле живет бедно. В нем

Гераном, особенно чувствуешь, как недалеко отсюда пустыни Сирии и Африки.

Солнце было в зените и жгло так сильно, что окружавшие нас пески были похожи на груды раскаленных углей.

Вот, наконец, впереди, пониже серых хребтов, вырисовывается Тегеран — белые крыши домов, минаретов, заводские трубы, возвещающие о приближении большого промышленного города.

* * *

Шоссе Пехлеви с его нефтехранилищами и песчаными карьерами привело нас в город.

Странно было видеть здесь выючных верблюдов, которые медленно шли вперед, боязливо поглядывая на пронсящие мимо них машины. Среди машин и вер-

Город Керидж. На окраине.

мелки, низковаты, серы и пыльны не только дома, но и люди. Все они в каком-то полуобморочном состоянии, точно ослабли от жары.

Из Казвина дорога в Тегеран пробегает по равнине, кажущейся пустынной. По выходе из Казвина дорога с математической точностью стремится прямо на восток, ни разу не отклоняясь в сторону. Вдоль дороги по обеим ее сторонам, на протяжении ста, а может быть, и ста с лишним километров, тянутся серые, голые горные хребты. Едешь и едешь среди этих гор по широкой, лишенной растительности равнине. Редкие поля овса, посеянного весной, уже скошены. Иногда далеко на горизонте появляются какие-то оазисы. Но трудно сказать, то ли на самом деле это оазисы, то ли миражи, обман зрения.

На пути от Казвина до Тегерана, протяжением около 140 километров, попадаетея едва четыре-пять деревушек, которые со своими чинарами и пшатам тоже производят впечатление каких-то затерянных в пустыне оазисов.

Шоссе от Кериджа до Тегерана покрыто асфальтом. Мы мчались с предельной скоростью, и все же в машине нашей было жарко. В лицо нам дул не обычный прохладный ветерок, а горячий ветер, исходивший, казалось, из нашего перегретого мотора. Тут, под Те-

блюдов сновали и велосипеды, к седлам которых были подвязаны бидоны с молоком и простоквашей или целые снопы зелени. Таковы основные транспортные средства города.

Ни трамвая, ни троллейбуса. Железную дорогу построили недавно. У вокзала поверх путей переброшен мост. Во время поездных маневров на этом мосту и до сих пор собирается довольно много любопытствующих. Они долго смотрят на пыхтащие паровозы.

Длинная и широкая улица ведет к центру Тегерана: это проспект Пехлеви. Вдоль проспекта посажены деревья. По обе стороны его — трех- и четырехэтажные дома. Они оштукатурены и побелены или окрашены в оранжевый цвет. В нижних этажах — магазины, рестораны, мастерские ремесленников.

С проспекта Пехлеви можно свернуть и выйти на улицы Стамболи, Надри, Лалезара и другие. Некоторые из них озеленены. В канавах под деревьями струится вода, бегущая, повидимому, откуда-то издалека. Вода немного мутна, но стремительна и певуча. На окраинах женщины стирают в ней белье, а иной раз моются и сами.

В центре Тегерана людно и шумно.

На длинной, но сравнительно узкой улице Лалезара с одного по другой конец ее расположены магазины, более богатые и хорошо обставленные, чем в Реш-

Тегеран. Центральная площадь.

те или в других городах Ирана. По этой улице машины следуют лишь в одном направлении — от рынка к центру. Это богатый квартал. Здесь нет товаров, доступных для бедняков.

В дни нашего посещения Тегеран был полон иностранцами. Среди них было много монахинь, в их черных рясах. Они входили в магазины, рестораны или просто прогуливались.

По улице Лалезара можно спуститься вниз и выйти на площадь, где приводятся в исполнение приговоры над преступниками. По словам местных жителей, на этой площади нередко публично вешают разбойников и грабителей. Здесь одно из самых суматошных мест в городе.

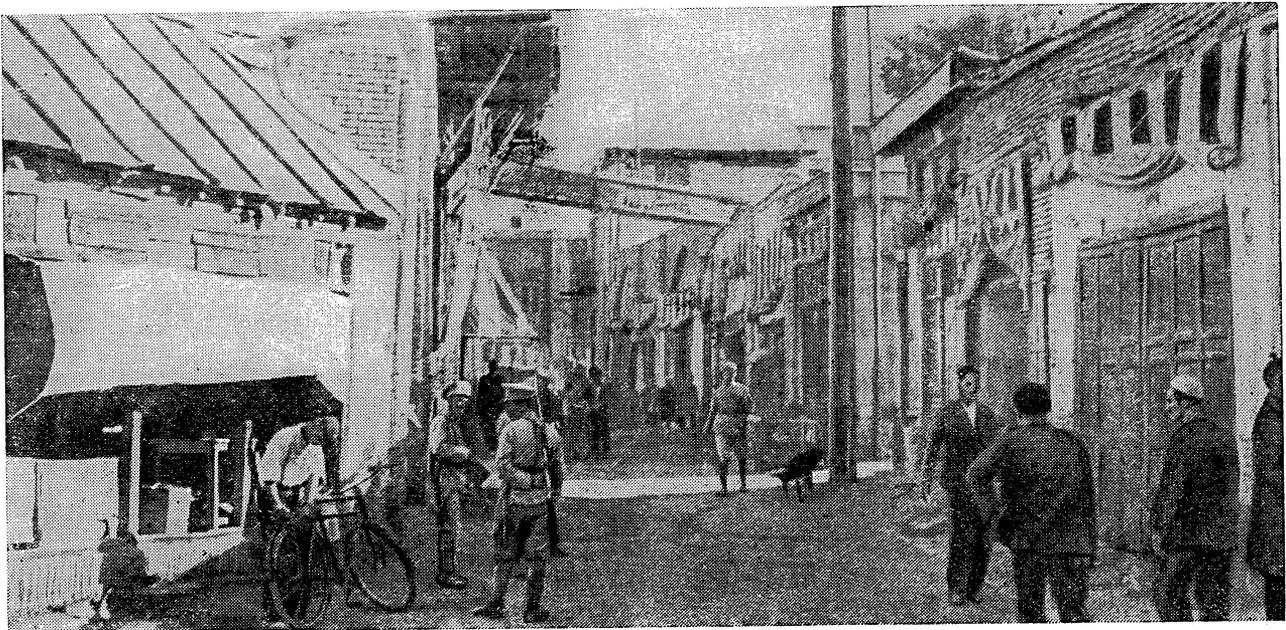
На перекрестке стоит полицейский и руководит уличным движением.

А движение машин не прекращается до поздней ночи. На улицах толчея, гам. Относительно тихо лишь в том районе, где живет шах. Здесь, у громадных во-

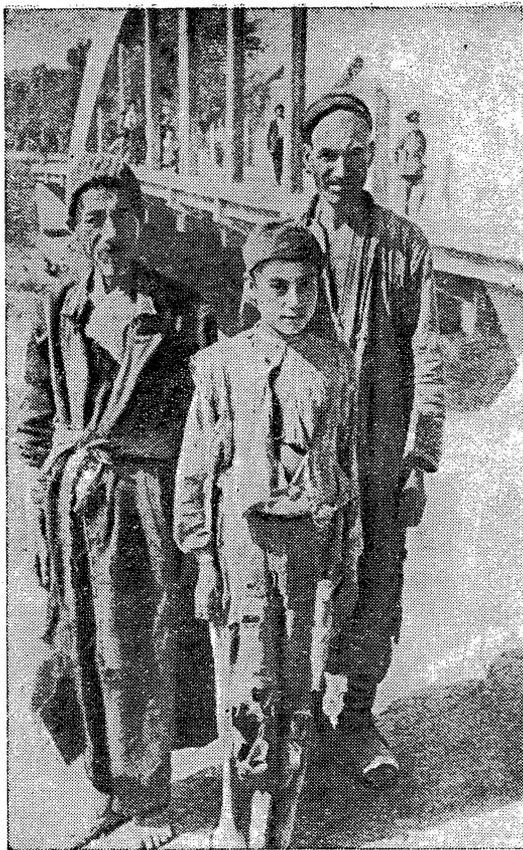
рот шахского дворца, стоят, окаменев, два стража в пышных средневековых одеяниях. За решетчатой ворот—пустой, безлюдный двор.

В Тегеране в последнее время, особенно за годы войны, широко развернулось строительство. Одни богачи строят четырех-пятиэтажные дома, другие—большие кинотеатры. Все это, конечно, предприятия доходные. Кинотеатры приносят владельцам хорошую прибыль, и в городе их немало. А вот оперы нет, не в чете и драма.

Фильмы приобретаются за границей. Своя кинопромышленность в Иране не развита и слаба. Картина «Фирдоуси», недавно выпущенная, — наглядное тому доказательство. Она сделана плохо. Обычно в кинотеатрах показывают американские эксцентричные, нелепые фильмы. Но иранская молодежь охотно посещает и те театры, где идут содержательные советские кинофильмы. И надо видеть, какое воодушевление эти фильмы вызывают.

Тегеран. Улица Полинар. На этой улице был убит А. С. Грибоедов.

Безработные на улицах Тегерана.

Как-то раз, еще в Реште, на одном из таких сеансов, собравших местную молодежь, был и я. Смотрели документальный фильм из жизни советских партизан.

Партизан (на экране), крадучись, пробираясь к мосту, по которому несколько позже должен был пройти немецкий эшелон. Партизан заложил динамит в устой моста и скрылся.

Тяжело нагруженный оружием и войсками, влетел на мост немецкий поезд.

Затаив дыхание, следили зрители за развитием действия. И когда раздался оглушительный взрыв и мост взлетел на воздух, взорвался и зал бурными, долго не смолкавшими аплодисментами. Так тепло приветствовала иранская молодежь победу советских людей, умом и сердцем сознавая, что они, эти люди, — самые лучшие и сердечные друзья их в мире.

Иранские реакционные круги не особенно заинтересованы в культурном развитии своего отечества. Как-то я спросил у одного важного сановника, почему иранский народ, в далеком прошлом давший миру гениальных писателей, так отстал в литературе впоследствии. Собеседник мой был юрист, высшее образование получил в Париже.

Он дал мне ошеломляющий ответ:

— Нашей старой литературы нам еще на тысячу лет хватит!

И это было его искренним убеждением.

Страсть к наживе здесь, кажется, поглощает все стремления людей из обеспеченных классов: до культурного ли им развития?

В то же время, в иранской столице повсюду бросается в глаза резкая классовая рознь. Богатые выделяются своей одеждой, своими автомобилями, а трудящиеся люди оборваны и плохо обуты, ведут тяжелую борьбу за жизнь.

В Тегеране, куда ни пойдешь, не можешь не увидеть полуголых, словно побитых и гонимых, нищих. Сидя у стен домов, они выпрашивают милостыню. Видишь носильщиков в их рубище. Видишь крестьян в грубой одежде из домотканной ткани, городскую бедноту в ее лохмотьях.

Многие из этих людей знают, что в Советской стране капиталистов нет и, встречая наших солдат, говорят с ними дружески. Если не знают языка, говорят просто вместо приветствия:

— Маршал Сталин!

И тепло улыбаются.

В одной из тегеранских столовых, хозяин которой повесил на стену рядом с портретом шаха портрет Сталина, я встретил солдата-индуса в защитного цвета рубаше и коротких, по колено, штанах.

Владелец столовой сказал мне, что индус только затем и приходит обедать сюда, чтобы поглядеть на портрет Сталина. Сядет за стол напротив портрета и все время задумчиво на него поглядывает.

Я подошел к индусу и спросил:

— Вы знаете, чей это портрет?

У индуса радостно загорелись глаза.

— А как же? Он — наш друг: в Индии маршала Сталина очень любят.

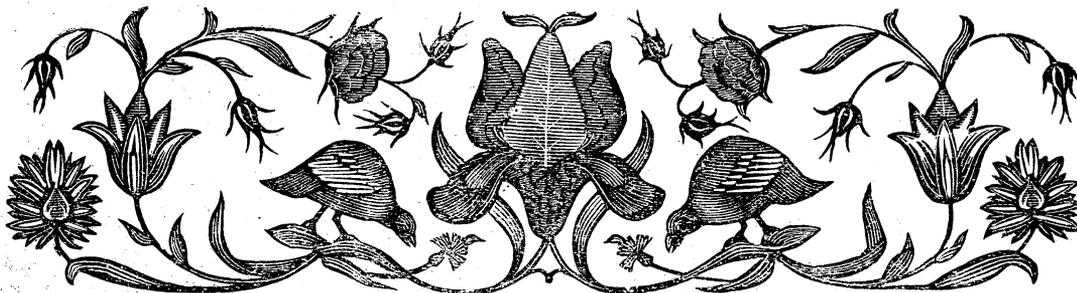
Затем он добавил:

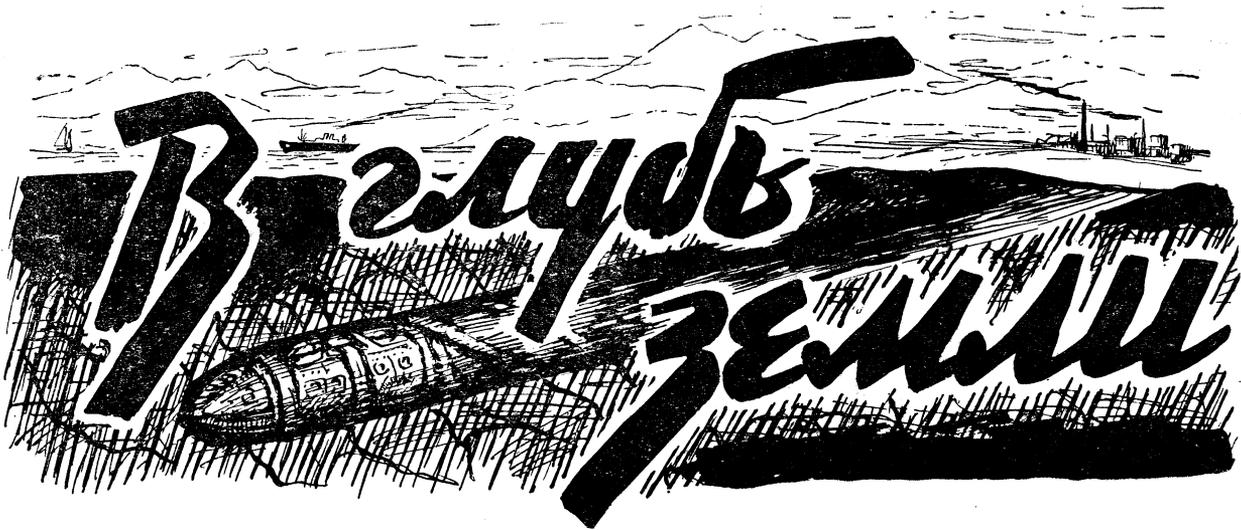
— Я очень жалею, что меня не было здесь, когда приезжал маршал Сталин, и я не мог его увидеть.

Чувство гордости за свою страну поднималось в нас, когда мы слышали такие речи. Еще сильнее сжимала сердце тоска по родине, и все, что мы видели здесь, казалось печальной сказкой о каком-то очень далеком и очень тяжелом прошлом, в нашей стране давно забытом.

Прошло несколько дней, и мы с Тегераном расстались.

*Пересел с армянского
А. Гюль-Назарянц*

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

Рис. А. Таран

ГЛАВА ПЯТАЯ¹

РЕШЕНИЕ ДИЛЕММЫ

Заседание комиссии на этот раз происходило в лаборатории дефектоскопии.

Вокруг большого рентгеноскопического аппарата расположились члены комиссии и сотрудники института.

Обычно этот прибор применялся для просвечивания металлических деталей или отливок. Таким способом обнаруживались раковины или невидимые трещины в толще металла. Но сейчас мощная рентгеновская установка решала другую задачу.

В длинном деревянном ящике, наполненном землей, двигался крот. Он проделывал в земле свой обычный ход, пробираясь к зарытому кусочку мяса. И вот на флуоресцирующем экране собравшиеся видят сильно увеличенный скелет крота. На смутном силуэте тела животного отчетливо выделяются двигающиеся кости и челюсти.

— Знакомая картина! — улыбаясь, говорит Геворкян, обращаясь к Бате. — Ловко вы тогда от меня скрыли все это.

— Да тут и скрывать было нечего, — отвечает Батя, поудобнее усаживаясь в кресло. — Практиканты проделали этот опыт ночью с разрешения начальника лаборатории. Затем, как ты знаешь, начальник на следующий день уехал в командировку, а кроме него, никто об этом не знал. Потом уже я попросил его не тревожить тебя такими пустяками. Да ты и сам забыл про этот случай!

— Здорово получается! — продолжал главный инженер, обращаясь к одному из членов комиссии. — Вы только посмотрите: ведь эти кости — прямо готовые рычаги машин!

— Сразу видно, из чего исходить при конструировании, Арам, — сказал Батя.

— Да, в живом организме редко бывает что-либо лишнее, — ответил Геворкян.

Однако при выборе типа конструкции будущей «подземной лодки» возникли горячие споры. Намечались два варианта. Первый состоял в том, чтобы по изготовленной модели построить лодку, управляемую телемеханически. Предлагалось также снабдить ее радиолокационной установкой, успешно оправдавшей себя в телевизионном буре, что даст возможность не только управлять лодкой на расстоянии, но и видеть, находясь на поверхности, все, что творится под землей.

По второму проекту предполагалось построить лодку, управляемую людьми, находящимися внутри. Конечно, ее тоже намечалось оборудовать радиолокационной установкой, чтобы первые подземные путешественники

могли видеть свой путь и производить геологическую разведку.

Сторонники последнего варианта ссылались на то, что изготовление телемеханически управляемого снаряда, работающего на большой глубине, очень сложно и отнимет много времени. Гораздо проще и скорее построить лодку, управляемую людьми.

Защитники первого предложения соглашались, что постройка телемеханической лодки действительно потребует очень много времени, но указывали на опасность, которой будут подвергаться люди внутри лодки в случае аварии под землей.

— Кто будет отвечать за жизнь ее первых пассажиров? И кто, я вас спрашиваю, рискнет отправиться в такое путешествие? — волновался председатель, главный инженер.

Заседание комиссии на этот раз происходило в лаборатории дефектоскопии.

¹ Продолжение. Начало см. в журнале «Вокруг света» №№ 8 и 9 за 1947 год.

Но и самого Геворкяна смущала длительность изготовления аппарата, управляемого по радио. Известно, что земля очень плохо проводит радиоволны. Надо установить, достаточно ли четкими будут сигналы управления? И невозможно учесть, сколько еще придется проделать опытов, чтобы получить надежные результаты.

При голосовании оба предложения собрали одинаковое число голосов. Даже после продолжительных дебатов, последовавших за этим, ничто не изменилось.

— Значит,— усмехнулся Геворкян,— решающий голос мой, как председателя? Надо будет подумать...

* * *

У Геворкяна снова бессонные ночи.

— Люди... автоматы... Сколько людей? — тихо бормочет он, расхаживая в темноте по своему кабинету.

Главный инженер выходит из кабинета и, как всегда, забывает закрыть за собой дверь. Через несколько минут он уже в комнате Бати.

— Я больше не могу, — говорит Геворкян, усаживаясь в кресло. — Давай решать вместе... Раз и навсегда. Люди или автоматы? А? Отвечай.

— Думай, Арам. Учти все... — тихо отвечает ему Батя. — Только помни: людьми рисковать нельзя. На то у тебя и светлая голова, чтобы решить, можно ли построить совершенно надежно работающую машину. Времени терять тоже не следует. Такая машина нам нужна как можно скорее.

Главный инженер вскакивает со своего места и начинает нервно ходить по комнате.

— Ведь существуют же подводные лодки? — говорит он, жестикулируя. — Существуют! Люди в них плавают?

Спустя два месяца после начала работы в механическом цехе появилось необыкновенное сооружение.

— Плавают, — добродушно подтверждает Батя.

— Так в чем же дело? — горячится Геворкян. — При современном высоком развитии техники возможность порчи подземного механизма в сотни раз меньше, чем у первых подводных лодок. Ты понимаешь?

Геворкян снова усаживается в кресло и начинает барабанить пальцем по столу.

— Все! — неожиданно заявляет он, хлопая кулаком по столу. — Все! — повторяет он, поднимаясь. — Лодку строим, управляемую непосредственно людьми. Я сам поведу ее в первое подземное плавание! — добавил он громко. — Сам! Один испытаю ее! Буду испытывать до тех пор, пока не станет ясно, что она работает абсолютно надежно и совершенно безопасно для находящихся в ней пассажиров.

Батя подходит к своему другу и крепко жмет ему руку.

* * *

Никогда еще институт не переживал такого трудового подъема. Строительство подземной лодки необыкновенно захватило всех. Люди рассчитывали каждую минуту своего времени. Предложения построить лодку досрочно выдвигались одно за другим.

Поэтому неудивительно, что спустя два месяца после начала работы в механическом цехе появилось необыкновенное сооружение. В принципе эта машина, так же как и первая модель, продолжала оставаться «механическим кротом», только в сильно увеличенном виде.

Как и в маленькой модели, впереди яйцевидного стального корпуса были расположены «зубы» — острый ряд резцов. Корпус обвивала стальная спираль, предназначенная для распираия и утрамбования разрыхленной породы. Сзади находились «плавники» для движения и управления лодкой под землей.

Это была настоящая подземная лодка. Люки в ее корпусе предназначались для посадки людей. Внутри лодки отделяли уютную кабину. В распоряжение экипажа предоставлялся целый ряд замечательных приборов. Среди них был и подземный радиолокатор, позволяющий путешественникам видеть впереди себя толщу земли.

Эта подземно-движущаяся машина должна была представить огромный интерес для геологической разведки. Правда, земля не всюду позволит беспрепятственно бороздить свои недра. Существуют твердые каменные массивы, в которых лодка будет не в состоянии двигаться. Ей нужен сравнительно мягкий грунт, поддающийся уплотнению. И твердые массивы и крупные камни, вкрапленные в мягкий грунт, она должна обходить так же, как подводная лодка обходит подводные рифы и камни.

Самым слабым местом в оборудовании лодки была аппаратура для связи с поверхностью земли. Как известно, радиоволны не распространяются в воде и в земле достаточно далеко. Правда, на лодке устанавливался очень мощный радиопередатчик, работающий на специальной волне, при которой радиосигналы лучше всего пронизывают землю. Но в земле могли встретиться пласты, непроницаемые для радиоволн, и связь с поверхностью все же могла быть нарушена.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К ПОДВИГУ

Усталыми, но бесконечно счастливыми возвращались домой три неразлучных друга. Кроме обычной своей работы, они теперь занимались монтажом подземной лодки. Вместе с главным инженером они проводили в кабине подземно-движущейся машины целые часы, стараясь лично проверить действие каждой детали.

Вечерами к студентам часто заходил Петя вместе со своими товарищами, участниками первой работы над механическим кротом. Иногда вместе с ним появлялся и Панферич.

Как-то раз в один из таких вечеров зашел разговор о последнем событии, взволновавшем весь институт.

Совсем недавно при помощи телевизионного бура удалось, наконец, обнаружить признаки предполагаемой в этих местах нефти. Нефтеносный пласт смутно вырисовывался на телевизионном экране. Нефть находилась сравнительно далеко от скважины, и потому радиолокатор с трудом определял ее настоящее местоположение. Услышав об этом, в разговор вмешался Панферыч.

— Вот не знаю, можно ли верить преданиям, — начал он. — Только я хорошо помню рассказ моего дедушки. Вы знаете опушку леса на склоне горы, в том месте, где заворачивает речка? Там раньше был вход в пещеру...

Ремесленники насторожили уши в ожидании чего-то интересного. В уютной комнате, освещенной только светом настольной лампы, наступила тишина.

— Так вот, — продолжал Панферыч. — Глубокая была пещера. Однако нашлись смельчаки. Они решили проникнуть в нее как можно глубже. Сказано — сделано. Запаслись провизией, взяли оружие, факелы и пошли. Идут по пещере с горящими факелами, а она спускается все ниже, ниже. Как будто бы и конца у нее нет.

— Сколько же человек их было? — спросил кто-то нетерпеливо.

— Не торопи! — отмахнулся Панферыч. — Идут, одним словом, спускаются все ниже и ниже... Змеи туг, конечно, всякие и прочие гады. Но они не смущаются. Идут, значит, дальше... Долго ли они шли, или мало, мне неизвестно. Да только выходят они в новую большую пещеру. Высокая! Такая высокая, даже потолок не видно. Крикнули тут ребята: «Эге-ге-е!» А в ответ им тоже: «Ге-ге-ге-е!» Да гулко так!

— Эхо, значит! — опять не утерпел кто-то из ребят.

— Вот не буду рассказывать. Чего мешааете! — пригрозил ребятам старик.

— Продолжайте, Панферыч, — сказал заинтересовавшийся рассказом Корелин.

— Да чего тут продолжать-то? Тут и продолжать особенно нечего. Идут дальше. Слышат какой-то запах: все сильнее да сильнее. Смотрят под ноги. Батюшки! Жидкость плещается под сапогами. Вода, что ли? Нет, не вода. Уж очень пахнет-то она неприятно. Вроде керосином отдает... Вот тут-то это самое и произошло.

— Что, дедушка, «это»? — сразу раздалось несколько мальчишеских голосов.

— Пожар, говорю, вот что! И как только они выбрались живыми, никому непонятно!

Рассказчик остановился и внимательно оглядел своих слушателей.

— Ну, как вы думаете? — продолжал он через некоторое время. — Не нефть ли была под землей? По моему, она самая, нефть. Наверное, ребята нечаянно подожгли ее факелами, ну, вот она и вспыхнула.

— Не могла же она гореть без доступа воздуха, — скептически заметил Богдыханов.

— Почему не могла? — горячо вступился Корелин. — Ведь Панферыч говорит, что подземный грот был очень большой! Там ведь был запас кислорода, раз люди могли дышать?

— Угу-у-у... — буркнул Гога, старавшийся тем временем вычислить объем пещеры и количество воздуха в ней, по продолжительности эха, артистически представленного Панферычем. Но поняв бесплодность своей попытки, он только прибавил к своему «угу» еще одно слово: — Да-а-а-а...

— Это замечательная история, — не унимался Корелин. — Надо обязательно разыскать вход в пещеру.

— Не найдете! — уверенно заявил Панферыч. — Уже искали, когда я был еще мальчишкой. Все следы исчезли. После пожара в том месте часто случались обвалы.

Рассказ о подземном пожаре произвел на Корелина сильное впечатление. Он продолжал говорить об этом и после ухода гостей. Богдыханова же занимали другие, более существенные, с его точки зрения, мысли, и он с явным неудовольствием слушал рассуждения своего друга о народной мудрости, о ценности местных легенд и о многом другом.

Рассказчик остановился и внимательно оглядел своих слушателей.

В те дни подземная лодка уже проходила первые пробные испытания. Она погружалась в землю сравнительно неглубоко, не больше чем на пять-восемь метров, и преодолевала на этой глубине небольшие расстояния. Но вскоре предстояли ответственные испытания, когда лодка должна была спуститься на глубину в два-три километра. Именно в этом случае должна была подтвердиться ее полная пригодность для научных работ. Геологи уже подготовили карты для будущего маршрута лодки. Испытание намечалось на самое ближайшее время.

* * *

В рабочий кабинет Бати входит сутуловатый, пожилой человек. Он садится в кресло, снимает роговые очки и протирает их платком, щуря при этом близорукие глаза. Это инженер, старый сотрудник института.

— Григорий Тимофеевич, — говорит он спокойным голосом, — я все обдумал. К главному инженеру обращаться бесполезно, и вот я пришел к вам.

— Чем я могу вам помочь? — спрашивает Батя.

— Видите ли, в чем дело... — продолжает инженер. — Какой из меня работник? Право же... За все время моего пребывания в институте я не сделал ничего примечательного.

— Вы ошибаетесь. Вас очень ценят.

— Да не в том дело! Я много работаю. Но, понимаете, не выделяюсь ничем. Одним словом — рядовой работник. Вы же это сами прекрасно знаете! Но не обо мне речь. Скажите, зачем рисковать жизнью такому выдающемуся человеку? Вы догадываетесь, о ком я говорю?

— Догадываюсь, — тихо говорит Батя, внимательно наблюдая за инженером.

— Уверю вас, что испытание лодки под землей я проведу не хуже его.

— Это невозможно, — так же тихо отвечает Батя. — Главный инженер пошел на строительство лодки, управ-

ляемой человеком, только при условии, что первое глубинное испытание он проведет сам. Вам должно быть это известно.

— Да. Мне это известно, — говорит инженер твердым и решительным голосом. — Но, вы меня простите, ведь можно же сделать так, что главный инженер и знать не будет, когда я отправлюсь под землю.

— Что-о-о?.. — медленно произнес Батя.

— Очень просто. Испытание назначено на вторник, на десять часов утра, а я стартую ночью перед вторником.

— Подождите, подождите... — задумчиво проговорил Батя, как бы собираясь с мыслями. — То, что вы предлагаете... Нет, это невозможно. Попробуйте сами поговорить по этому поводу с товарищем Геворкяном.

— Бесполезно. И вы и я слишком хорошо знаем Арама Григорьевича, — ответил инженер, поднимаясь со своего места. — У меня была надежда только на вашу помощь.

В этот день к Бате приходило с подобными предложениями еще несколько человек.

Почти все они начинали разговор издали, но Батя сразу догадывался, в чем дело.

— В лодке собираетесь ехать? — спрашивал он очередного посетителя.

— Откуда вы знаете? — удивлялся тот.

— Да по вас видно. Не выйдет! Всего доброго, товарищ!

* * *

Последние приготовления подходили к концу.

На испытательной площадке возле подземной лодки, упиравшейся своим носом в землю, хлопотали люди.

Богдыханов, ответственный за снаряжение лодки, проверял каждую мелочь, то и дело залезая в открытый овальный люк.

Особенно тщательно занимался он проверкой аккумуляторов, в которых хранился запас электроэнергии, не-

Последние приготовления подходили к концу.

обходимый для длительного пути. Это были новые, совсем недавно разработанные советскими учеными необыкновенные аккумуляторы, в которых, несмотря на их маленький объем, запасалось огромное количество энергии. Во всех случаях, где их применяли, они показали себя с самой лучшей стороны. Но под землю они спускались впервые.

Подходил срок старта. Впервые в истории техники живой человек в специальной машине отправится под землю на глубину многих километров.

Завтра, рано утром, на площадку соберутся все сотрудники института, чтобы проводить своего научного руководителя в трудный путь.

* * *

День накануне испытания три друга провели на испытательной площадке. Каждый был занят своим делом. Но когда студенты вернулись домой, их поведение стало не совсем обычным. Молодых инженеров обуял внезапный прилив нежности друг к другу.

— Эх ты, Гога, Гога! — говорил Корелин, почти обнимая Шереметьева. — Что-то ты сегодня невеселый. Ты понимаешь, вот смотрю я на тебя, и почему-то мне вспоминается, как мы впервые познакомились с тобой на первом курсе. Хорошее было время!..

— Ты тоже немного грустный, — говорил Богдыханов, обращаясь к Корелину. — Эх, товарищи, много хорошего нам пришлось пережить вместе! Жалко будет, если..

Что именно «если», Богдыханов не договорил. Да его и никто не спрашивал. Каждый был погружен в какие-то свои неотвязчивые мысли.

— Вы меня простите, товарищи, — наконец заявил Корелин. — Мне нужно отлучиться на часок. Вы не дожидаетесь меня и ложитесь спать.

Корелин ласково посмотрел на своих друзей и вышел из комнаты.

Богдыханов, проводив его каким-то печальным взглядом, уселся за стол и принялся писать письмо, изредка поглядывая на Шереметьева, молчаливо сидевшего на диване.

В это время Корелин уже шагал в темноте по направлению к испытательной площадке.

В проходной будке он встретил дежурного, Панферича. Корелин объяснил ему, что забыл проверить в лодке какую-то мелочь и не желает откладывать этого дела до утра. При этом он тут же попросил у Панферича листик бумаги и конверт.

«Дорогие товарищи! — писал Корелин, сидя в проходной будке. — Я решился на этот шаг, чтобы избавить Арама Григорьевича от риска. Прошу не считать мой поступок за высокий и героический. Он продиктован мне только моей совестью. Ваш Александр Корелин».

Затем Корелин запечатал конверт и попросил Панферича передать его рано утром, когда кончится дежурство, в канцелярию института. При этом он неожиданно обнял Панферича и поцеловал его в щеку.

— Что это с тобой? — удивился Панферич.

Но Корелин ничего не ответил и скрылся за дверью.

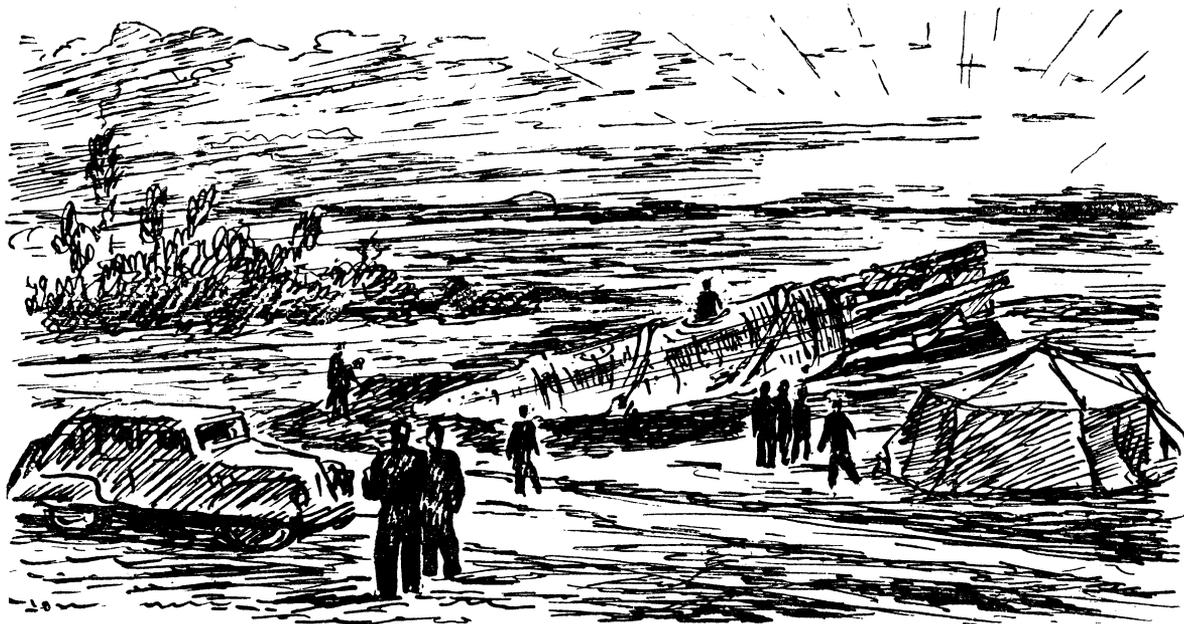
Через несколько минут в проходной показался Богдыханов. Щурясь от яркого света лампы, он принялся перечитывать письмо, написанное им дома.

«Товарищи! Зачем главному инженеру рисковать жизнью? Это было бы неправильно! Надеюсь провести испытание хорошо. До скорого свидания! Богдыханов».

— Забыл посмотреть одну вещь, — объяснил он Панферичу, передавая конверт. — Отдашь в канцелярию после дежурства.

— Волнуются ребята. Ясно. На них тоже ответственность лежит не маленькая, — решил Панферич, вспомнив о предстоящем испытании.

Однако когда в проходной появился Шереметьев и тоже стал предлагать ему для передачи письмо, то в голове Панферича зародилось смутное подозрение.

На испытательной площадке возле подземной лодки, упирившейся своим носом в землю, хлопотали люди.

«С одной стороны, студенты строили и собирали лодку...—думал Панферч. — Допуск у них имеется на площадку для любого времени. Препятствовать их входу не имею права... А вдруг они собираются сами уехать вместо главного инженера? — молнией мелькнула догадка. — Дай-ка, на всякий случай, проверю», решил он через некоторое время.

Панферч окликнул еще одного вахтера и направился с ним на испытательную площадку.

Но было уже поздно.

Когда они подошли к месту, где стояла лодка, на ее месте был лишь яркий пучок света, который становился все меньше и меньше. Наконец он совсем исчез в глубине. Подбегающих людей обдал вихрь пыли и комьев сырой глины, вырывавшихся из зиявшего в земле отверстия.

(Окончание следует)

Находки советских археологов

1946 и 1947 годы отмечены в нашем Союзе исключительным оживлением работы археологов. Ими сделаны замечательные открытия и находки, позволяющие заглянуть далеко в глубь истории нашей родины.

Археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР, руководимая Н. Гуриной, обнаружила на Кольском полуострове следы человека, жившего здесь тысячи лет назад.

Летом 1946 года экспедиция нашла на южном побережье полуострова пятнадцать пунктов древнейших поселений человека, а этим летом на северном побережье — тринадцать.

Почти все поселения на южном побережье расположены вблизи современных рыболовецких тоней, на высоких береговых террасах. На северном побережье древнейшие поселения находились у устьев рек Колы, Туломы, Чан-ручья, Уры и Титовки.

Экспедиция собрала материал, характеризующий хозяйство и быт древнего человека, остатки его жилищ, предметы культа, каменные орудия. Найдена целая мастерская, в которой древний человек выделывал из камня свои орудия. Особый интерес, как сообщает начальник экспедиции тов. Гурина, представляет древнее поселение, открытое на Екатерининском острове близ города Полярный. Исследование дало исключительно ценный материал, позволяющий судить о быте и хозяйстве поселения. Здесь жили рыболовы и охотники, изготовлявшие свои орудия из рогов оленей и костей больших рыб. Большой интерес представляют рыболовные крючки из кости — они прекрасно выполнены,

Найдены обломки глиняной посуды с изысканным орнаментом.

* * *

Летом текущего года возобновились раскопки древнего города Ольвии, основанного две с половиной тысячи лет назад в пределах теперешней Украины, на землях скифских племен. Раскопки в Ольвии ведутся без малого сто лет, но только теперь, при советской власти, им придан систематический, строго научный характер. Район Ольвии объявлен государственным заповедником, директором которого назначен профессор А. М. Славин, член-корреспондент Украинской академии наук.

Во время раскопок этого года в Ольвии открыт двухэтажный дом, в котором, судя по большому количеству найденных монет, находился монетный двор этого большого по тем временам города, центра экономической и культурно-политической жизни края. В этом году в Ольвии найдены также мраморная статуя женщины высотой свыше полуметра, большое количество глиняной посуды, статуэтки из кости, меди и свинца.

* * *

На Урале, в районах Покровском и Сысертском, найдены следы стоянок человека, относящихся к так называемой андроновской культуре — трехтысячелетней давности. Здесь организируются систематические раскопки археологических памятников.

* * *

Экспедиция Московского исторического музея производила в этом году рас-

копки старинных курганов на окраинах города Орехово-Зуево. Установлено древнеславянское происхождение этих курганов. Раскопки, производившиеся под руководством профессора А. Я. Брюсова, дали много предметов материального быта той эпохи.

Особый интерес представляют женские украшения из стекла, янтаря и различных камней.

Интересные материалы дали раскопки древнего Чернигова, производившиеся летом текущего года экспедицией Института археологии Академии наук Украинской ССР. Обнаружены жилища горожан с глиняными полами и глинобитными печами и разные предметы домашнего обихода: глиняная посуда, стеклянные браслеты, железные ножи и т. п.

* * *

Экспедиция Эрмитажа, ведущая раскопки древней крепости Урарту, близ Еревана, в Армянской ССР, начавшая свои работы в прошлом году, продолжая раскопки дворца, обнаружила ряд предметов, представляющих большой художественный и исторический интерес.

Найден исключительной ценности бронзовый острокопечный плем с чеканным изображением божества и «деревьев жизни», боевых колесниц и всадников. По краю племена идет надпись, гласящая, что этот плем царь Сардур, правивший в середине VIII века до нашей эры, посвятил богу Халду. Найдены также железный меч, около 20 железных кинжалов, печать с изображением грифона и другие предметы.

Старейшина

СОВЕТСКИХ ГЕОЛОГОВ

З. И Н Г И Р Е В

В. А. Обручев любит говорить, что свое будущее он определил сам еще в раннем детстве. Увлеченный романами Жюль Верна и Майн Рида, он сказал себе: «Когда я вырасту, то стану путешественником и исследователем природы». Этой детской мечте своей Обручев не изменил. Окончив реальное училище, он поступил в Петербургский горный институт, где преподавал тогда известный исследователь Средней Азии И. В. Мушкетов. Талантливый педагог сумел внушить Обручеву живой интерес к геологии.

В 1886 году, с только что полученным свидетельством об окончании курса в кармане, двадцатитрехлетний горный инженер принял предложение своего любимого учителя — отправиться в качестве геолога на постройку Закаспийской железной дороги. Ее проводили тогда от Михайловской бухты, что на берегу Каспийского моря, в глубь Туркестана — до самых стен тысячелетнего Самарканда.

Три года с перерывом провел Владимир Афанасьевич за Каспием.

Верхом, в сопровождении двух казаков, молодой геолог-разведчик исколесил вдоль и поперек обширный край. Приводилось ему пересекать в разных направлениях «Черные пески» — Кара-Кумы, подходить по горным тропам к границам Афганистана, забираться в горные дебри Алая, спускаться в бухарском каюке по Аму-Дарье.

Туркмения не обманула ожиданий молодого исследователя. Здесь все было ярко, полно контрастов. Изумрудная четырехсоткилометровая лента вдоль хребта Копет-Дага да несколько оазисов у рек и стерегущее их с севера и востока желтое море песков.

В оазисах бурлила и переливалась пестрыми красками жизнь Востока. Здесь укрылись очаги древней культуры Средней Азии — города, видавшие в своих стенах Александра Македонского.

Молодой ученый впервые наблюдал тут извечную, полную драматизма борьбу между растением и стремящимся поглотить его подвижным песком — этой злой и враждебной стихией. С тех пор он проникся большим интересом к жизни пустыни и целиком посвятил себя ее изучению.

Первый научный очерк Обручева — о Закаспийской низменности — был удостоен лестной награды — Малой золотой

медали Русского географического общества и привлек к автору внимание географов и геологов России.

Полевые работы, произведенные в Закаспии, определили и весь дальнейший жизненный путь Владимира Афанасьевича. Он убедился в том, что работа геолога-исследователя и географа-путе-

тем дорога ныряла в непроходимую, дремучую тайгу. Много раз перед взором путника сменялись леса и степи, пока на горизонте не возникли, как видения иного мира, лиловые горные цепи. Тракт вступал в Восточную Сибирь.

Надо вспомнить, как рисовалась Сибирь в те годы всякому россиянину: каторжные работы, кандалный звон, окрики часового... Ведь сколько народу закончило свой горестный век в непосильном труде на ее рудниках!

Ой ты, горечь, злая мачеха, Сибирь, Снежной степью разметалась вдоль и вширь, Неприятна, непривольна, холодна, Неприглядна, неприятна холодна...

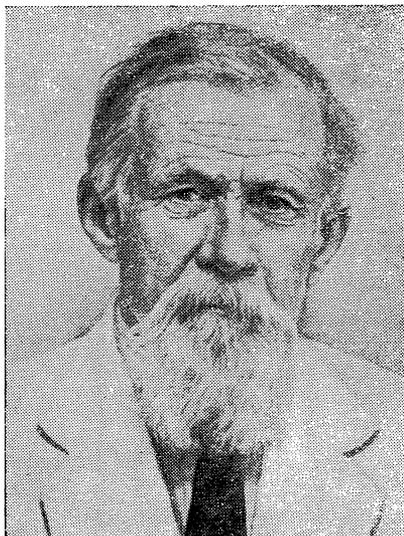
Сибирь — «золотое дно». Это знали все. Богатствам ее недр, лесов, рек, пастбищ, полей счету нет. Но лежали эти богатства втуне, потому что не хватало тогда людей, способных приняться за них по-настоящему. Не было и путей к этим богатствам, упрятанным, как сокровища сказки, за горами, за долами, в дебрях лесных, непроходимых. А главное — это было наруку царскому правительству, превратившему мертвые сибирские просторы в место политической ссылки.

Иркутское горное управление ведало шестью округами, каждый из которых превосходил по размерам среднее европейское государство. Отдавая административным обязанностям лишь малую долю времени, молодой геолог сосредоточил свои силы на изучении геологии края, выявлении его структуры, неразведанных еще горных богатств.

Разработка проблем геологии Сибири, начатая Обручевым летом 1889 года, занимает главное место в его работе и по сей день; следовательно, вот уже около шестидесяти лет.

В свое первое сибирское лето Владимир Афанасьевич совершает экспедицию через байкальские горы, изучает месторождения слюды на реке Слц-тинке, ищет липис-лазурь в Хамар-Дабче и графит на байкальском острове Ольхон. Исследует горячие минеральные источники Ниловой пустыни и выходы б-рого угля на обрывистых берегах реки Оки.

Затем усилия ученого сосредоточиваются на севере — на богатом золотом районе бассейна рек Витима и Олекмы. За два лета Обручев обследовал почти все группы приисков,

В. А. Обручев.

путешественника является его подлинным призванием.

По нескончаемому Сибирскому тракту в кибитке следовал Обручев к месту своей новой работы. Он только что принял в Петербурге должность инженера-геолога в Иркутском горном управлении.

Контраст между Средней Азией и Сибирью поразил бы и менее чувствительного к природе человека. Сотни и тысячи верст пути за Уралом пролегли по бескрайней низменности. Ковыльные степи рассекались широкими реками, за-

В результате этих работ появились его статьи и доклады, давшие классическое объяснение геологического происхождения золотых россыпей богатейшего золотопосного района.

* * *

В ученых кругах столицы имя исследователя Олекмы и Витима было уже хорошо известно, когда Русское географическое общество решило направить (в 1892 году) большую экспедицию в Центральную Азию. Все согласились на кандидатуру Обручева в качестве геолога экспедиции.

Сбывалась его студенческая мечта — пройти по сердцу Азии, полному столь заманчивого интереса для всякого географа и геолога.

Обстоятельства сложились так, что молодой геолог проделал весь путь, имея единственным спутником только еде грамотного казака из крешеных бурят. «...Я исследовал степь и пустыню Гоби, сыпучие пески Ордоса, прошел по всей стране лесса в Северном Китае. Я побывал на хребте Алашанском, исследовал горные цепи Нань-Шаня и восточного Кузнь-Луня, видел берега озера Куку-Нор. Я прошел по всем оазисам провинции Ганьсу, проследил течение реки Фузун-Гол, пересек гористую Хамийскую пустыню, Центральную Монголию. Таким образом, мне удалось продолжить исследования Рихтгофена в глубь Центральной Азии: далеко на север, северо-запад и запад. Вдоль Восточного Тянь-Шаня я вышел в Кульджу, — рассказывает Обручев об этой своей экспедиции.— Это было трудное путешествие. Летом нас дожимала жара, зимой — морозы. В пустыне мы пили скверную воду, однообразно, а иногда и скудно питались. На грязных, тесных китайских постоялых дворах не удавалось отдохнуть.

Пожалуй, больше всего я «страдал от своего одиночества: ведь кругом меня не было ни одного русского человека. Долгие месяцы я был оторван от родины. Редко мог получить даже известия от своей семьи. Иногда бывало очень тяжело физически и тревожно. Только горячий интерес к работе, страсть исследо-

вателя помогли мне преодолевать все лишения и трудности».

В скрипучей китайской колымге, иногда верхом, чаще пешком ученый прошел свыше 13 тысяч километров, много раз переваливал через высокие хребты, трижды пересекла пустыни. Все время он производил геологическую съемку, собирал образцы пород, вел обстоятельнейшие записки.

Около 6 тысяч километров Обручев прошел по местам, куда, до него не проникал ни один европеец.

Двадцатипятилетняя экспедиция по Центральной Азии принесла Обручеву широкую мировую известность. Хотя со времени ее свершения протекло уже более полувека, материалы этой экспедиции до сих пор являются единственным источником достоверных сведений о многих районах Монголии и Китая.

С 1902 по 1912 год В. А. Обручев занимал кафедру геологии в Томском университете. Расстаться с профессурой ему пришлось не по своей воле. В годы революции, последовавшей за революцией 1905 года, прогрессивные профессора из университетов изгоялись.

Переехав в 1912 году в Москву, Обручев приступил к систематическому изучению материалов, добытых им в многочисленных экспедициях. Полевые дневники, вывезенные образцы пород давно ждали обстоятельной обработки. Теперь, благодаря невольному досугу, ученый мог уделить им свое внимание.

В эти годы Владимир Афанасьевич получил, наконец, возможность претворить в жизнь и другое давнее свое устремление — довести до широкой публики основные идеи и достижения геологии в легко доступной форме.

Число вышедших из-под его пера за это время научно-популярных работ равно — ни много, ни мало — ста пятидесяти. Кроме того, Обручев — автор пяти научно-фантастических и научно-бытовых романов. Сам Владимир Афанасьевич называет свои работы романиста несколько пренебрежительным словом — «сочинительство». Но это «сочинительство» — яркий и подкупающий штрих его творческой биографии.

«Плутонию» и «Землю Санникова» читают школьники и студенты, учителя, советские воины, колхозные интеллигенты, советские служащие.

Под влиянием романов Обручева не один юноша оставил свой выбор на профессии геолога.

* * *

После Великой Октябрьской революции вся деятельность Обручева глубоко изменилась и получила иное направление.

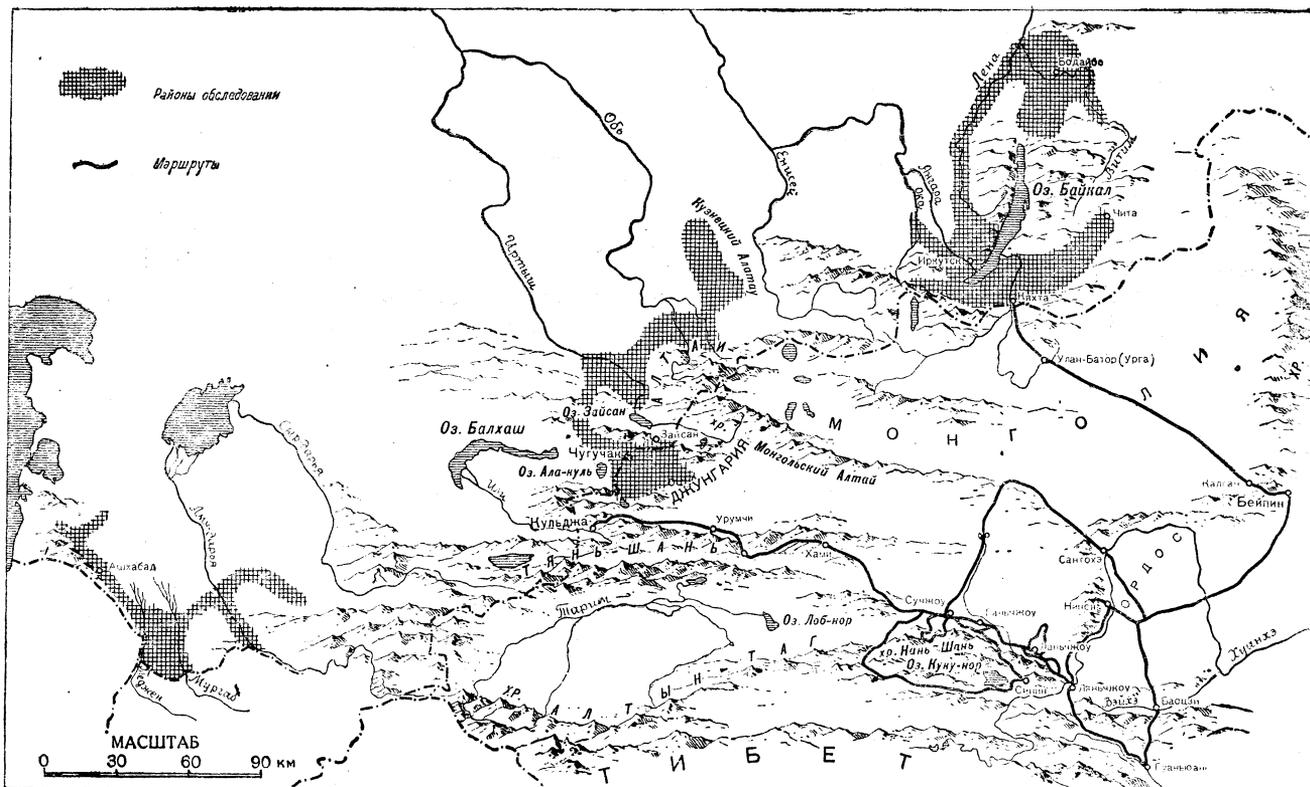
Владимир Афанасьевич стал высоким, если не самым высоким, авторитетом в Советском Союзе по вопросам месторождений рудных ископаемых. Экспертиза Обручева часто решает то или иное размещение промышленных новостроек. В 1929 году Обручев единогласно избирается действительным членом Академии наук СССР и становится во главе Геологического института Академии.

Разведка горных богатств в годы довоенных пятилеток проходила при неустанным научном наблюдении академика Обручева. Владимир Афанасьевич, сам проложивший в свое время «геологическую тропу» во многие горные районы советской Азии, теперь отдавал свои силы «нацеливанию» разведок в Сибири.

Азиатская Сибирь за эти годы быстро меняла свой облик. От Урала до Охотского моря, от Саия и Амура до островов Ледовитого океана разведывали, проектировали, строили, вводили в эксплуатацию промышленные новостройки, которые по своим масштабам были под стать самой необъятной Сибири.

Давно подзревали, что Сибирь богата углем. Но только интенсивная советская разведка известного и ранее Кузнецкого бассейна выявила громадный запас первосортных и удобно залегающих углей.

Кузнецкие угли в сочетании с железной рудой горы Магнитной в Южном Урале легли в основу мощной металлургии. Тяжелые полукilометровые составы вагонов-самосвалов снуют по двухтысячечверстному пути, везут с востока на запад уголь и обратным рейсом до-

Маршруты путешествий В. А. Обручева.

ставляют в Кузбасс руду. На обоих концах магистрали идет плавка металла.

По мере развертывания металлургии Урало-Кузбасса в сфере его хозяйственного притяжения оказываются многочисленные химические комбинаты, предприятия промышленности цветных металлов и кольцевая сеть теплоэлектростанций.

В создании этого грандиозного сгустка промышленной энергии роль геологов очень велика. И каждый из них с законной гордостью вспоминает, как в головном отряде разведчиков-пионеров он прокладывает путь по еще непробужденной к жизни девственной тайге, вырывая у скрытых под нею горных напластований их тайны.

Настоящее и ближайшее будущее Сибири опирается на Урало-Кузбасс. Однако работы советских геологов дают возможность разглядеть и более отдаленные перспективы. За завесой грядущего рисуется будущая Сибирь, построенная не на одном урало-кузбасском, а на трех основаниях.

Владимир Афанасьевич видит возникновение в районе Байкала большого очага индустриальной культуры на базе черемховских и бурейских уделей и железных руд Зайбайкалья и Малого Хингана. Это очень большие возможности. Они еще дремлют. Но они создадут новые металлургические очаги на востоке Сибири и на Дальнем Востоке.

На севере Сибири наши геологи — и среди них видный ученый Сергей Владимирович Обручев, сын Владимира Афанасьевича, — разведали на правых притоках Енисея величайший в мире Тунгусский каменноугольный бассейн. Тунгусские угли — это грандиозные электростанции будущего. Сквозивший север Сибири холод будет преодолен потоками электрической энергии. Живительные струи достигнут берегов Ледовитого океана на севере, просторов Якутии на востоке.

Вот уже шестнадцать лет Владимир Афанасьевич возглавляет в нашей стране борьбу с вечной мерзлотой.

Вечная мерзлота охватывает огромные пространства — 47 процентов всей площади советского государства, главным образом, в Сибири. В самое жаркое лето здесь достаточно углубиться в почву на несколько метров, чтобы натолкнуться на твердый, как камень, вечно мерзлый грунт. А толщина промерзшего слоя колеблется от 5 до 400 метров.

Когда север Сибири был пустыней, вечная мерзлота мало привлекала к себе внимание. В советскую эпоху, с началом великих хозяйственных работ, положение изменилось.

Вдоль океанского побережья, у устьев сибирских рек, возникли десятки полярных станций, новых промышленных поселков.

За эти годы на дальнем севере разведано до 2 тысяч месторождений полезных ископаемых. Многие из них представляют первостепенный интерес. В места будущих горных промыслов стали прибывать пионеры пятилеток. Возводили здания, прокладывали дороги, рыли шахты. И всюду строитель наталкивался на противодействие вечной мерзлоты, подчас коварное и сокрушительное.

Сейчас руководимые Владимиром Афанасьевичем научные сотрудники Института мерзлотоведения имени Обручева могут с удовлетворением оглянуться на пройденный за шестнадцать лет путь. Многие каверзы вечной мерзлоты разгаданы. Разрушения, производимые ею, отошли уже в прошлое. Разработаны специальные приемы и правила постройки зданий, шахт, дорог.

Если в Игарке на вечно мерзлых грунтах удается выращивать даже дыни, не говоря уже о капусте и картофеле, если перед советским Севером открыва-

ются реальные перспективы вызревания урожаев скороспелой, морозостойчивой ржи, то в этом — немалая заслуга агрономов и биологов института.

Но Владимир Афанасьевич не устает говорить, что в изучении вечной мерзлоты сделаны только первые шаги. Впереди непокатый край работы. И, может быть, не за горами время, когда после укрощения и обезвреживания этого свирепого врага перед мерзлотоведами встанет задача, как заставить погребенный в земле холод работать на благо человеку.

Теоретики утверждают, что это отнюдь не маниловская фантазия.

За свою большую жизнь ученого Владимир Афанасьевич получил немало почетных наград. Многие и лестные почести сопровождали его на творческом пути.

Именем Обручева назван вулкан в Забайкалье, ледник в Монгольском Алтае, пик в Русском Алтае. Впервые описанная Владимиром Афанасьевичем степь между Мургабом и Аму-Дарьей именуется ныне степью Обручева.

Советское правительство и Академия наук многократно отличали его заслуги перед страной и русской наукой.

Высшее признание обширных заслуг Обручева перед наукой и советским государством принес 1945 год.

В этом году В. А. Обручеву присвоено звание Героя Социалистического Труда — высшая почест, какая только может выпасть на долю гражданина социалистического государства.

Академику Владимиру Афанасьевичу Обручеву сейчас восемьдесят четыре года, но, как и встарь, он проводит за письменным столом по многу часов в сутки. Он полон творческих планов, и на годы вперед расписаны его теоретические труды и научно-беллетристические произведения.

Акад. В. А. ОБРУЧЕВ

Рис. Е. Сушневич

Эоловый — это значит ветряной, от греческого слова эол—ветер. Эоловый город—это город, созданный силами, работой ветра. И читатель вправе спросить: каким образом ветер может создать город?

Город — совокупность зданий разной формы, величины и назначения, расположенных по сторонам улиц, переулков, площадей, садов и парков, нередко украшенных памятниками в честь замечательных людей или событий. Город сооружается человеком из различных материалов для совместной жизни многих людей на ограниченном пространстве.

В эоловом городе созидательное искусство человека всецело заменено силами природы — работой ветра, которой помогают жара и мороз, капли дождя и струйки воды, использующие особенности состава, строения и условий залегания горных пород и в ре-

зультате создающие формы, более или менее похожие на сооружения человека. Такие формы, созданные силами природы, мы находим довольно часто. В горах встречаются отдельные утесы, похожие на башни, иногда даже на целые замки. На гребнях гор и холмов, особенно в пустынях, где эол достигает наибольшей силы и работает чаще и дольше, иногда находим скалы, очень похожие на столбы, столы, иглы, грибы, пирамиды, шары, привлекающие внимание путешественника своей формой и вызывающие удивление своим сходством с произведениями рук человека. Кроме всех подобных форм, которые можно назвать положительными, силы природы создают и отрицательные: в виде впадин различной величины—от мелких ячеек, которые делают поверхность утеса похожей на пчелиные соты, до больших ниш, в которых человек может

Золотые башни.

сидеть или стоять, — порой соединенных в глубине одна с другой и представляющих галереи с окнами, разделенными столбиками.

Иногда этих однородных положительных или отрицательных форм в той же местности встречается много. Но только в качестве редкого исключения можно встретить совокупность разнообразных золотых форм в таком количестве и такого качества, чтобы могло возникнуть представление об золотом городе — целом городе, созданном работой зола и его помощников.

Во время моих путешествий по Европе, Северной, Средней и Центральной Азии я видел много разных золотых форм. В литературе, описывающей пустыни Ирана, Аравии, Сахары, Австралии и так называемые «дурные земли» («bad lands») центральных штатов Северной Америки, разнообразные золотые формы упоминаются и изображаются на фотоснимках достаточно часто. Но нигде в природе и в описаниях я не находил такого сочетания форм различного характера в таком количестве и на такой значительной площади, чтобы могло возникнуть представление об золотом городе, за исключением описываемого ниже.

Этот золотой город находится в Китайской Джунгарии, на берегу реки Дям. Джунгария составляет северную часть провинции Синь-цзянь Китайской республики, расположенную между горными системами Восточного Тянь-Шаня на юге, Монгольского Алтая на севере и Джунгарского Алатау на западе. С трех сторон обширную впадину Джунгарии ограничивают эти высокие горные цепи, но в одном месте, в северо-западном углу, эти горы значительно понижаются и разрежаются; здесь, в промежутке между Джунгарским Алатау и Монгольским Алтаем, из степи, которую там называли Киргизской (сейчас она вошла в состав Казахской ССР), в Джунгарию довольно далеко внедряются менее высокие цепи Тарбагатая и Саура. К ним с юга примыкают хребты Барлык, Уркашар и Семистай; немного южнее расположена цепь Майли-Джаир, составляющая продолжение Джунгарского Алатау на восток, отделенное от последнего глубокой долиной, называемой Джунгарскими воротами. Эти горные цепи отделены одна от другой более или менее широкими долинами, по которым из Советского Союза можно проехать в Китайскую республику, не преодолевая никаких высоких перевалов, крутых подъемов и спусков. Лишь местами встречаются небольшие участки пустыни.

Этот северо-западный угол Китайской Джунгарии непосредственно примыкающий к границе Казахстана, я назвал Пограничной Джунгарией и занимался его изучением в течение трех лет, чтобы выяснить геологическое строение этого промежутка между горными системами Алтая и Тянь-Шаня. Нужно отметить, что эта страна, несмотря на ее близость к нашей границе и легкую доступность, до моих работ оставалась очень слабо изученной, хотя через нее проходили экс-

педиции Пржевальского, Певцова, Козлова и Роборовского на пути в Центральную Азию или обратно, но у них не нашлось времени для более подробного исследования этой страны, потому что на пути в Центральную Азию их манили более далекие и интересные задачи в Тибете, Нань-Шане, Куэнь-Луэне, а на обратном пути исследователи были уже утомлены многомесячной работой и торопились вернуться на родину. Поэтому в том и другом случае Пограничной Джунгарии доставались только беглые попутные наблюдения.

Золотый город я открыл в конце второго лета исследований Пограничной Джунгарии. В этот раз в экспедиции принимали участие студент М. А. Усов и мой сын Сергей. Мы уже обследовали горную цепь Джаир, где видели заброшенные с половины прошлого века золотые рудники, дважды пересекли скалистый хребет Семистай и вышли из него по ущелью реки Кобук в пустыню Сырхынгоби, которую нужно было пройти по пути к низовью реки Дям. Среди этой пустыни тянутся с востока на запад две низкие горные цепи — Хара-сырхэ и Хара-арат. Переход от реки Кобук привел нас к восточному концу первой цепи, где мы ночевали у небольшого источника, среди живописных скалистых холмов, сложенных из наклонных пластов юрской угленосной свиты; на вершине некоторых холмов сохранился еще покров трансгрессирующего конгломерата третичного или четвертичного. Эти холмы было бы интересно осмотреть подробнее, но источник давал так мало воды, что мы не могли напоить досыта свой караван и приходилось идти дальше. Предстоял большой безводный переход до низовья реки Дям, и нужно было торопиться.

Мы шли долго по предгорной равнине этой цепи Хара-сырхэ, медленно спускаясь к сухому руслу у северного подножия цепи Хара-арат. Эта равнина представляла пологую степь, изоборуженную сухими руслами, по которым во время дождей стекали с гор потоки воды, отлагавшие песок и ил, слагающие всю равнину. В Центральной Азии такие предгорные равнины, состоящие из рыхлого материала, вынесенного временными потоками из гор, часто образуют очень широкий и высокий пьедестал, над которым резко поднимаются скалистые склоны горной цепи, давшей материал для этого пьедестала. Монголы называют эти предгорные равнины «бэль».

Солнце клонилось уже к закату, когда мы миновали сухое русло у подножия Хара-арата и вступили в эту цепь невысоких черных холмов, сплошь покрытых щебнем и обломками выветренных горных пород и почти лишенных всякой растительности. Мы ехали довольно долго по этим унылым холмам и, наконец, выбрались на южный склон цепи, где местность имела совершенно другой вид, поразивший нас своей оригинальностью. Можно было подумать, что мы попали в развалины какого-то древнего города. Мы ехали как будто по улицам, окаймленным массивными зданиями

Полукруглая стена с башней меловой свиты второго золотого города Орху.

азиатского типа, с карнизами и колоннами, но без окон. В стенах зданий часто были видны шары, совершенно похожие на круглые ядра старинных орудий, которые застряли в стенах домов во время бомбардировки города. На почве улиц и у подошвы стен местами блестели мелкие и крупные прозрачные пластинки, похожие на осколки оконного стекла. Но останавливаться для осмотра этих странных форм не было времени. Солнце уже закатилось, и проводник торопил, заявляя, что до воды еще далеко. Приходилось откладывать осмотр до другого раза.

Наконец дорога вышла из этих развалин, и мы очутились среди невысоких песчаных холмов, заросших кустами тамариска, до того похожих один на другой, что в них можно было заблудиться. Стемнело. И проводник заявил:

— Нужно остановиться: дорогу потеряем в темноте.

Остановились среди этих холмов, развьючили животных. Вода для людей у нас была с собой в боченках, кусты тамариска давали материал для огня, и мы могли сварить себе чай. Палаток не разбивали, спали, не раздеваясь, среди своих вещей.

Как только рассвело, мы поднялись и пошли дальше. Песчаные холмы скоро кончились, и тропа потянулась через большой солончак с толпой почвой. Ночью мы, конечно, сбились бы с тропы и могли промучиться всю ночь с увязавшими в грязи выючными животными. Слева от солончака видно было продолжение странных развалин в виде высокой квадратной башни, впереди которой лежала фигура, похожая на египетского сфинкса.

За солончаком началась долина реки Дям. Высокая трава, обильные кусты, роши деревьев говорили о том, что вода должна быть. В первой же роще мы увидели колодец и решили остановиться, чтобы животные, которые провели всю ночь без воды и корма, могли отдохнуть. Развьючились, поставили палатки, достали ведро и веревку, чтобы напоить животных. Колодец имел метра три глубины. Зачерпнули воды. Она оказалась очень грязной и сильно пахла тухлыми яйцами. Даже невзыскательные ишаки нашего каравана не захотели ее пить. Но проводник сказал уверенно:

— Это колодец калмыков. Они живут здесь зимой, а на лето уходят в горы. Воду из колодца давно не брали, и она затухла. Вычистим колодец, и вода будет хорошая!

Сын проводника, служивший у нас рабочим, разделся и спустился в колодец с ведром и заступом. Вытащили из колодца ведер тридцать черной грязи и тухлой воды. Потом набралась свежая, ее вычерпали для водопоя животных, которые пили ее; она была еще мутноватая и немного пахла. Но следующая порция стала лучше, и мы могли пользоваться ею, — в Центральной Азии приходится довольствоваться и чуть солоноватой или пахучей водой,

Мы прожили в этой роще несколько дней. С утра я уезжал с обоими сотрудниками для изучения золотого города, съемки, фотографирования. Часам к трем-четырем возвращались и вечером записывали наблюдения, вычерчивали съемку, меняли фотопластинки. В последнее лето исследований Пограничной Джунгарии удалось побывать еще раз здесь и провести опять несколько дней в той же роще, чтобы дополнить исследование этого урочища, называемого Орху.

Золотый город занимает площадь в несколько десятков квадратных километров к югу от горного кряжа Хара-арат и к востоку от нижнего течения реки Дям. Вся эта площадь сложена из сравнительно рыхлых песчаников и песчанистых глин желтого, розового и зеленоватого цветов, легко поддающихся размыванию и развеванию. В толще этих пород имеются более твердые слои и довольно много твердых известковых конкреций, то есть стяжений, богатых известью, в виде правильных шаров разного диаметра, а также самых причудливых форм. При выветривании пород твердые прослойки выступают карнизами и вместе с конкрециями обуславливают образование самых разнообразных форм рельефа. Прожилки белого прозрачного гипса, имеющиеся в толще, выпадают в виде обломков, похожих на оконное стекло. Такие качества состава этой толщи коренных пород, залегающей почти горизонтально на большой площади, обусловили разнообразие и причудливость форм выветривания и развевания, характеризующих эту местность.

По особенностям рельефа мы разделили золотый город на три части. Первая, занимающая наибольшую площадь и ближайшая к долине реки Дям, отделена от последней плоскими холмами, позади которых видны из долины поднимающиеся выше столбы и башни города. Здесь сменяют одна другую улицы и переулки разной длины и ширины, местами — площади, обставленные массивными стенами высотой в 2—3 этажа, с карнизами, с торчащими в стенах круглыми ядрами, башнями — круглыми и квадратными — разной величины, пирамидами, столбами, иглами, фигурами позорнь и группами.

Вот над зданием поднимается острая игла в несколько метров высоты. Вот две башни, одна повыше, другая пониже, в нижней части соединенные в общее здание. Вот тонкий столб, увенчанный конкрецией, похожей на голову ящера, поднимающийся над туловищем напоминая в общем фигуру ископаемого динозавра. Вот единственная башня, внизу широкая, сверху суживающаяся в нечто, похожее на голову в капоре, а в общем — фигура женщины в широком платье, стоящей на коленях. Вот бюст человека в шлеме. Вот группа круглых башен разной величины. Вот башня, и возле нее фигура сфинкса на высоком пьедестале.

Одна улица привела нас на открытое место окраины этой части города, где среди редких деревьев саксаула поднимались как будто лежащие фигуры животных на пьедесталах, напоминая надгробные мавзолеи или саркофаги — в общем пригородное кладбище, и рядом низкая башня, похожая на часовню.

Улицы и переулки города большей частью лишены всякой растительности. Почва их — глинистый песок, смутый и сдутый со зданий: в него нога погружается выше щиколотки, пробивая тоненькую верхнюю глинистую корочку. За нами везде остаются глубокие следы, указывающие, куда мы проехали. Но местами почва улиц представляет сухой солончак с бугорками, поросшими кустиками солянок. Попадаются и улицы с песчаными холмами, укрытыми кустами тамариска.

На северо-востоке эта часть города кончается обширной песчаной площадью, усыпанной мелкой галькой и щебнем, отполированными песком. Выше поднимается, как будто на плоском холме, восточная часть города, обращенная к площади сплошным рядом зданий с карнизами, выступами, колоннами, напоминая сказочный дворец. А впереди него, совершенно обо-

собленно, высится массив метров в сорок высоты, с отвесными боками, похожий на тюремный замок и получивший от нас название «Бастилия». На подъеме на эту возвышенную часть города, левее дворца, мы видели башни разной формы, ограды, вроде низких каменных стен с башенками, и в одном месте — фигуру, удивительно похожую на человека в кресле, но без головы и верхней части бюста.

Южная часть города, осмотренная во время второго посещения, состоит из ряда высоких неуклюжих башен красноватого цвета с карнизами. К ним поднимаются улицы, занесенные барханами песка. Пробраться за эти башни нам не пришлось, и там осталась еще не осмотренная более низкая часть города. Впереди башен расположены невысокие холмики другого вида, обусловленного тем, что та же свита пород здесь пересечена многочисленными жилами черного блестящего асфальта особого рода, падающими почти отвесно. Эти жилы, толщиной от 2—3 сантиметра до метра, обусловили образование других форм рельефа. При выветривании асфальт распадается на мелкие кусочки, которые покрывают склоны холмов густой черной сыпью. Сами жилы и пересеченные ими породы, закированные, то есть пропитанные нефтью, застывшей в жилах в асфальт, являются более твердыми и слагают острые гребни холмов. Твердые, закированные песчаники бочков жил местами выступают на гребнях большими плитами или толстыми балками в 2—3 метра длины; местами они образуют небольшие ущелья из отдельных плит. Открытие этих жил (мы насчитали их более десяти), создавших особые формы данной части города, имело и практическое значение, доказывая, что в глубине должно быть месторождение нефти.

Золовый город поразил нас пустынностью, отсутствием признаков жизни. Рядом в долине реки Дям были роши, кусты, трава, насекомые, птицы, зайцы, антилопы, а в городе — почти никакой растительности, оголенные здания, башни, улицы, переулки, площади. Проезжая по ним, мы только изредка видели насекомых, занесенных ветром. Здесь царил мертвая тишина; духу воздуха, нагретого лучами солнца, отражаемыми стенами зданий, только по временам обвежали легкие порывы ветра, создававшие маленькие смерчи, которые крутились по улицам и площадям.

В один из дней мы испытали песчаную бурю. Мы уже вернулись из экскурсии по городу в свою рошу и сидели возле палатки в тени тополя, когда слабый с утра ветер усилился и с северо-запада надвинулась туча пыли, скрывающая солнце. Над городом воздух сделался серым, появились большие крутящиеся столбы пыли, которую ветер поднимал с улиц и площадей, сдувал со стен. Скоро все исчезло в туче пыли. Но буря окончилась несколькими каплями дождя, и к вечеру небо очистилось.

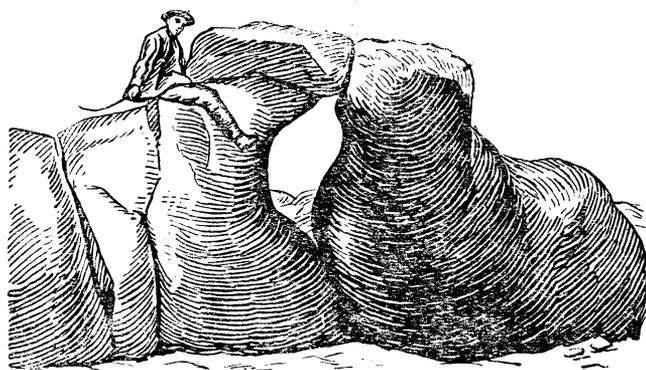
Несмотря на полную оголенность форм города, изменение их происходит очень медленно. Я имел возможность проверить это, сделав дважды фотоснимки тех же двух столбов с промежутками в три года. Один столб был толстый, приземистый, наклоненный в одну сторону, другой — тонкий, прямой, высотой метра в два. Сравнение снимков показало, что за три года формы не изменились сколько-нибудь заметно. Поэтому можно думать, что золотой город создавался силами эола и его помощников в течение целых столетий. Возможно, что вначале, во время последней ледниковой эпохи, когда климат Джунгарии был влажнее, чем в настоящее время, главную роль в расчленении толщи осадочных пород, слагающих город, играла проточная вода, которая врезала многочисленные овраги, превратившиеся потом постепенно в улицы и переулки.

Открытие золотого города является одним из доказательств очень слабой изученности Пограничной Джунгарии до моих исследований. По нижнему течению реки Дям проехала в конце 1890 года экспедиция Певцова, возвращавшаяся из Тибета; в ее составе был молодой геолог. Из долины реки видны иглы и столбы ближайшей части города, поднимающиеся над верши-

нами передних холмов. Геолог не мог не заметить их со своего пути, но не полубопытствовал свернуть к ним для осмотра. Мало того, экспедиция ночевала на берегу озера Улюнгур, примыкающего с запада к площади города, а с берега озера видны здания, привлекающие внимание; со стоянки можно было съездить к ним. Оправданием геологу может служить то, что экспедиция возвращалась усталая на родину и проходила здесь зимой, во время сильных морозов. Мы тоже ночевали на берегу этого озера после второго посещения города, но самого озера не было, оно совершенно высохло за истекшие девятнадцать лет. Дно озера представляло голую песчаную равнину, но по берегам прежних небольших заливчиков еще тянулись остатки зарослей камыша, совершенно высохшие, потерявшие метелки и листья. Одну такую заросль я подожер и сфотографировал вид пожара, отъехав по дну озера на некоторое расстояние.

Возникновение этого исключительно редкого сочетания золотых форм в Пограничной Джунгарии можно объяснить рядом благоприятных условий: сухим климатом пустыни с сильными ветрами; толщами рыхлых легко развеваемых горных пород значительной мощности и в горизонтальном залегании на большой площади; присутствием отдельных твердых пластов и в особенности конкреций различной величины и формы, сопротивляющихся выветриванию гораздо дольше, чем вмещающие породы.

Я надеюсь, что золотой город привлечет к себе еще раз внимание исследователей в будущем для изучения известковых конкреций в толще этих пород. Такие конкреции нередко обусловлены наличием какого-либо органического тела, погребенного в осадочной породе на дне моря или озера: раковина какого-нибудь моллюска, кость позвоночного животного, тело рыбы, рака, губки, лилии, которые были захоронены в иле, вызывают приток раствора известки, отлагающейся вокруг этого погребенного тела. Многие конкреции оказались содержащими интересные окаменелости, например, конкреции в красных песчаниках берегов Северной Двины, в которых профессор Амалицкий добыл массу костей пермских пресмыкающихся, украшающих Палеонтологический музей Академии наук. Возможно, что конкреции в породах золотого города также содержат какие-то органические остатки, которые позволят определить возраст толщи. Нам удалось найти в ней только отпечатки двусторчатых пресноводных раковин и несколько мелких косточек, которые нельзя было определить; и возраст толщи золотого города мы совершенно условно, по другим признакам, считаем меловым. Но он может быть третичным или даже гораздо более древним — юрским. В Пограничной Джунгарии, в долинах между цепями, часто встречаются юрские угленосные слои с хорошей флорой, но имеются также третичные слоения. Изучение золотого города специальной экспедицией, снабженной средствами и силами для добычи и обработки конкреций, может дать интересные результаты.

Золотые «два моржа» из гранита массива Кой-Тас на северной ступени Джаира.

„ЕВРОПА — СЛЕВА!“

Писатель Л. Кассиль и поэт С. Михалков летом 1946 года были зачислены в состав участников большого перехода, который должна была проделать вокруг европейского континента группа наших кораблей.

Кассиль и Михалков находились на флагманском корабле «Лена». Во время плавания они вели дневник. «Обработав его, сделав удобочитаемым и включив стихи, написанные во время плавания,

мы предлагаем эти путевые заметки вниманию читателя, предупреждая его, что не претендуем на всестороннее и глубокое освещение стран, городов и мест, которые мы посетили. Это всего-навсего лишь путевой дневник, нечто вроде вахтенного журнала «флагманских писателей», как прозвали нас моряки», предупреждают читателя авторы в введении к своей книжке. Тем не менее путевой дневник этот читается с большим интересом. Отчасти читатели «Вокруг света» знакомы уже с ним, так как еще до выхода их отдельной книжкой отрывки из заметок Кассиля, посвященные Гибралтару и Мальте, в декабре 1946 года были опубликованы в нашем журнале.

«На столе в штурманской рубке распластана большая карта. Это первая из сорока пяти мореходных карт, по которым будет проложен наш курс. Остальные стоят, свернутые в трубки, упрятанные в цилиндрические футляры. В каждом футляре таятся сотни миль предстоящего пути, а всего нам надо будет проплыть немногим менее четырех с половиной тысяч морских миль, то есть без малого девять тысяч километров. Что сулит нам каждый из этих рулонов?» начинаются рассказы о своем путешествии Кассиль и Михалков.

Приказ об отплытии получен. Корабли построились в кильватерную колонну. Рулоны начинают разворачиваться. Плавание началось. Суда идут из Балтики в Черное море. «Европа все время у нас с левого борта. Иллюминаторы нашей каюты повернуты к дому», заносит писатели в свой дневник. Отсюда и название их будущей книги: «Европа — слева!»

Корабли идут вдоль берегов Германии, проходят через Кильский канал. Когда-то, по Версальскому еще договору, немцы обязались не строить на берегах канала укреплений и предоставлять свободный проход для кораблей всех наций. Но Гитлер нарушил эти условия. Вдоль канала, на обоих его берегах, выросли мощные укрепления. Германия снова прибрала кильскую водную магистраль к своим рукам и вскоре закрыла доступ в канал. Только после победы над фашистской Германией плавание по каналу стало свободным.

«Было воскресенье. В праздничном трезвоне толклись и мотались на кирках колокола. Степные и принарядившиеся немцы брели со своими фрау по чистеньким берегам... Идиллическая картина, которую нарушают... столько полосатый флаг оккупации на пароходах и береговых сооружениях да жадность, с какой тощий лощан смотрит на краснофлотский обед, которым его, как полагаются, угощают на корабле, да землистый цвет усталых лиц, пустые, подшитые к солдатским курткам рукава и костыли у людей, копающихся на огородах, — вот и все, что напоминает о всеенской буре, которая лишь краем задела эти места, уже сегодня, как бы оказал врач, симулирующие амнезию, то есть полную потерю памяти».

Корабли идут вперед. Слева ва кормой остаются берега Голландии, Бельгии.

Ламанш — «просторная морская улица между огнями Англии и Франции». Берега Британии. Кардиф, Лондон. Короткая стоянка дает возможность писателям посетить эти города, свежо и увлекательно рассказать о своих мимолетных впечатлениях от английской, медленно оправляющейся после военных дней жизни. Занимателен рассказ о Лондоне, его уличной жизни, сутлоке, музеях, достопримечательностях, вороне, «который якобы каркал в ночь перед казнью Анны Болейн еще в 1536 году». «За последние четыреста лет вещая птица заметно сдала и в наш век выглядит уже неважно. Порядок обшипанная, она копошится в траве Тоуэра, ничего уже не вещая».

Писатели не делают сопоставлений, но они как-то напрашиваются сами, когда пробегаешь увлекательные страницы книги, уделенные старой Англии, порядком обшипанной событиями последних лет.

Во Франции Кассиль и Михалков посещают Брест. Большой теплотой, сердечностью проникнуты строки, посвященные Франции, ее народу, понесшему тяжелые потери в минувшей войне.

Берега Греции, Целопонное, Критское море, Афинский пролив, Эгейское море, Дарданеллы. Стамбул—былая столица Османской империи теперь запустевшая, грязная. Босфор—узкая расщелина, отделяющая азиатский материк от Европы, и, наконец, «в тесных створах босфорских берегов открылся далекий синезеленый горизонт». «...Волна подняла нас на свой хребет и бережно опустила, с тем чтобы корабль могла подхватить волна еще крупнее. Моряки глядели на зыбь с нежностью. То были волны Черного моря».

Глубоким, теплым чувством пропитаны последние страницы книги. Горяча и трогательна встреча советских моряков с родными берегами.

Г. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Н. Михайлов</u>	
Героическая география	2
<u>В. Н. Аккуратов</u>	
К «полосу недоступности»	9
<u>Евгений Юнга</u>	
Выход на фарватер. Рис. Петра Павлинова	15
<u>Евгений Шустер</u>	
Под созвездием Южного Креста	19
<u>Фед. Малов</u>	
Встреча у ключа Джайран	27
<u>С. Владимиров и В. Елагин</u>	
Обновленная земля	33
<u>З. Соколинский и С. Цукасов</u>	
Калининград. Гравюры на дереве Г. Кравцова	42
<u>Г. Севунц</u>	
Иранские записи. Перевод с армянского А. Гюль-Назаряна. Рис. А. Интезарова	46
<u>Вадим Охотников</u>	
В глубь земли. Рис. А. Таран	53
<u>З. Ингурев</u>	
Старейшина советских геологов	58
<u>Акад. В. А. Обручев</u>	
Эоловый город	60
В мире книг	64

На 1-й обложке — рамка рис. художника П. Павлинова — «Крейсер Аврора», и 4-й обложке — рисунок художника С. Павловского.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции: Москва, Новая пл., д. 6. Тел. К 5-24-71

Непринятые рукописи не возвращаются

Редакционная коллегия: И. В. Иноземцев (редактор), Д. Л. Арманд, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцев.

Оформление худ. Б. В. Грозевского.

Техн. редактор Г. Шебалина.

Подписано в печати 8/Х 1947 г. А08767. Бумага 60x92 $\frac{1}{2}$, 8 печ. листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. Зак. 1810. Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Москва, Сушевская, 21.

«ШТУРМАН АМЕРИКАНСКИЙ» ПОТАП ЗАЙКОВ

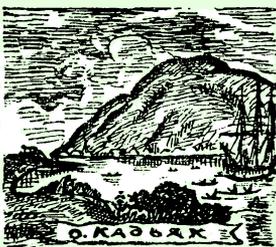
На острове Уналашка (Аляска) близ берегов Северной Америки затерялась могила русского штурмана Потапа Зайкова.

175 лет назад — в 1772 году — Потап Кузьмич Зайков вышел на корабле «Владимир» из Охотска к островам, между Азией и Америкой находящимся. Зимую на Командорских островах, Потап Зайков составил описание острова Медного. Семь лет продолжались скитания Зайкова в водах Берингова моря. Он возвратился в Охотск с огромным грузом дорогих мехов морского зверя.

В 1781—1782 годах Потап Зайков был снова на Алеутских островах.

Через год он возглавил поход 300 русских зверобоев на трех кораблях в воды Северной Америки. Отряд зимовал на материке Аляски, у величественного Чугачского залива, исследуя подробно эту область. Зайков снимал на карту районы Аляски, собирал оружие и утварь индейцев и эскимосов.

Испытав множество приключений в водах Аляски, Потап Зайков совершил первые плавания к вновь открытым островам При-

былова с их сказочными пушными богатствами.

Потап Зайков вряд ли знал, что описание его смелых походов и важных открытий было напечатано в издании Академии наук (1780 г.).

Ранней весной 1791 года П. К. Зайков умер в бухте Кошигинской, готовясь к своему очередному самериканскому воляжу.

Полтора года лет назад родился будущий знаменитый русский мореплаватель и исследователь арктических стран и Океании — Федор Литке. Юность его была отмечена воинскими подвигами в русском морском флоте.

Федор Литке был спутником В. М. Головнина во время плавания на корабле «Камчатка» от Кроноштада до Аляски и русских селений в Калифорнии, участвовал в исследовании островов Океании (1817—1819 гг.). Четыре года жизни Федор Литке посвятил исследованиям в русских полярных водах — описаниям побережья Баренцева моря, Новой Земли и т. д. Трехлетнее плавание

Федора Литке на корабле «Сенявин» (1826—1829 гг.) обогатило русскую науку. Литке исследовал и положил на карту острова Сенявина в цветущем Каролинском архипелаге, открыл остров Ванабэ, произвел съезку островов Боиня. Побережья коралловых земель, суровые берега Аляски, Чукотки, Алеутских островов и Камчатки увидели Федора Литке.

Адмирал Федор Литке был одним из создателей Русского географического общества. В честь знаменитого мореплавателя была учреждена золотая медаль общества — высокая награда исследователям, работающим в области физической географии.

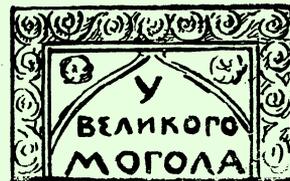
В. БАРЕНЦ И РУССКИЕ МОРЕХОДЫ

Знаменитый голландский мореплаватель Виллем Баренц, умерший 350 лет назад близ берегов Новой Земли, во время своих походов в Арктике не раз встречал там следы русских открывателей.

Так, еще в 1594 году Виллем Баренц видел под 70°45' северной широты остатки русского корабля, избы и могилы поморов. Через год «король самоедов» сообщил Баренцу сведения о природе полярных льдов и сказал, что за Обью находятся устья двух больших рек, известных местному населению и русским мореходам. «Король самоедов» утверждал, что за Обью стоит мыс, на восток от которого море простирается вплоть до теплых стран. Новая встреча с русскими мореходами у острова Вайгач должна бы-

ла лишней раз убедить Баренца в том, что русские корабли ходят ежегодно вдоль полярного побережья вплоть до устья Енисея. После смерти Баренца оставшиеся в живых его спутники добрались на лодках до Строгановской бухты, где их вновь встретили русские мореходы. Поморы участливо отнесли к голландцам.

Не умаляя исторических заслуг Баренца в деле исследования полярных стран, следует отметить, что его неизвестные русские современники совершали плавания в Арктику, зимовали там, мечтая найти путь в Китай. Сохранилось, например, свидетельство, что Иван Грозный назначал большие награды мореходам за открытие северного пути в Китайское государство.

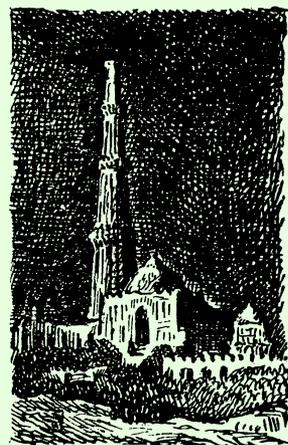
Двести пятьдесят лет назад на землю Индии ступил первый после Афанасия Никитина торговый представитель русского государства — московский «гостиный сотни купчина» Семен Маленький (Малинков).

Его сопровождали Сергей Аникеев, толмач, слуга и пять стрельцов. Семен Маленький продавал русские товары в Хиве, Вухаре, Балхе, Кабуде и городах Индии. Он побывал в Дели — столице империи Великих Моголов, где был принят могущественным индийским императором Аурангзибом, восседавшим на своем знаменитом «павлиньем троне».

Император подарил русским гостям слона, которого они потом повели в Россию.

Семен Маленький ознакомился с городом Дели; он в то время насчитывал 2 миллиона жителей. Столица Великих Моголов была украшена великолесными зданиями, над которыми высилась исполинская башня Куттуб-Минар. Но она была все же ниже московского Ивана Великого. Русские торговые гости посетили также большой индийский город Агру.

Успешно продав русские товары в Индии, Семен Маленький отправился на

родину. Но он умер в Пемахе. Из спутников Семена Маленького на Русь вернулся лишь один человек, который рассказал историю скитаний горсти русских людей по империи Великих Моголов и смежных с ней стран Востока.

Составил Сергей Марков

Академик В. А. Обручев, крупнейший советский геолог, совмещает в себе черты ученого-теоретика и отважного путешественника - географа, продолжившего классические работы замечательных русских географов —

Пржевальского, Потанина, Певцова — по изучению Центральной Азии. Его исследования пустынь Средней Азии и горнорудных богатств Восточной Сибири сыграли большую роль в освоении природных ресурсов нашей страны.

В.А. ОБРУЧЕВ